

Slav 20.6

UNIVERSITY COLLECT LIBRARY

MAY 5 1905

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССLV.

1904.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Именные Высочайшіе указы	73
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Распоряженіе, объявленнос Правительствующему Сенату	79
IV. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	—
V. Приказы министра народнаго просвѣщенія	87
VI. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	89
VII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	93
VIII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	100
IX. Извѣщеніе	101
Г. Писка. Характеристика литературныхъ мнѣній объ освобожденіи крестьянъ въ Лифляндіи	247
В. М. Истринъ. Изъ области древне-русокой литературы. IV (продолженіе).	321
В. Н. Шенрокъ. О. Т. Аксаковъ и его семья. I—XV	355

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

К. О. Радченко. <i>А. Н. Шимирскій. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. С.-Пб. 1904</i>	419
Гр. П. П. Толстой. <i>Титъ Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ Иванъ Рачинскій. Москва 1904</i>	435
А. П. Соболевскій. Значеніе Киевской академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины XVIII вѣка. <i>И. П. Пестровъ. Киевъ 1904</i>	442
А. А. Мартовъ. <i>Г. Сестоній Тарквиллъ. Жизнь двѣнадцати цезарей. Съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ. С.-Пб. 1904</i>	444
— Книжныя новости	460

О Т Д Ѣ Л Ъ П О Н А Р О Д Н О М У О Б Р А З О В А Н І Ю .

И. Г. Минжуевъ. Матеріальное положеніе народныхъ учителей и учительницъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ. I—X	81
Д. А. Исakovъ. Школьное дѣло въ Отарицкомъ уѣздѣ	126

См. 3-ю стр. обложки.

С. Т. АКСАКОВЪ И ЕГО СЕМЬЯ.

(Биографическій очеркъ).

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ по своему происхожденію принадлежалъ къ одному изъ самыхъ старинныхъ родовъ въ Россіи. По родословнымъ книгамъ онъ значится потомкомъ знаменитаго варяга Шимона Африкановича (племянника короля норвежскаго Якуна или Гакона Слѣпого, пріѣхавшаго въ Кіевъ въ 1027 г.). Такимъ образомъ древность этого рода восходитъ къ временамъ Ярослава Мудраго. Въ числѣ потомковъ Шимона былъ нѣкто Иванъ Оксакъ, отъ котораго и „повелися“ Оксаковы, позднѣе Аксаковы. Многіе изъ старинныхъ представителей этой фамиліи занимали при первыхъ Романовыхъ почетныя мѣста воеводъ, стряпчихъ и стольниковъ и за вѣрную службу были неоднократно жалованы номѣстями и вотчинами. Дѣдъ нашего писателя, Степанъ Михайловичъ Аксаковъ, имѣлъ при себѣ постоянно родословную, въ которую торжественно вписалъ имя Сергѣя Тимоѳеевича тотчасъ по полученіи извѣстія о его рожденіи, какъ мы читаемъ въ „Семейной Хроникѣ“, гдѣ, какъ извѣстно, онъ изображенъ въ лицѣ С. М. Багрова ¹⁾). По съ другой стороны, какъ видно изъ писемъ Ивана Сергѣевича Аксакова къ отцу и брату, первый, приписывая своему роду татарское происхожденіе, не имѣлъ точныхъ данныхъ по этому предмету. Въ письмѣ къ отцу отъ 20-го февраля

¹⁾ Въ „Семейной Хроникѣ“ дважды упоминается о происхожденіи рода Аксаковыхъ отъ Шимона. Въ самомъ началѣ „Хроники“ сказано, что Степанъ Михайловичъ производилъ свой родъ, Богъ знаетъ, по какимъ документамъ, отъ какого-то варяжскаго князя (Соч. Аксакова, изданіе Карцова, 1895, т. I, стр. 5). Въ другомъ мѣстѣ сказано прямо: „продолженіе древняго рода Багровыхъ, потомковъ знаменитаго Шимона, было постояннымъ предметомъ думъ и желаній старика“.

1850 года онъ говоритъ: „Откуда это Великопольскому достаются грамоты объ Аксаковскомъ родѣ?“ „Константинъ“,—продолжаетъ онъ шутливымъ тономъ,—„я думаю, доволенъ: это все, чай, доказательства о томъ, что мы принадлежимъ не къ земскимъ людямъ, а къ служилому классу, пользовавшемуся привилегією подписываться холопами“¹⁾. Изъ этихъ словъ, кажется, можно заключить, что свѣдѣнія, полученныя Великопольскимъ, были тогда отчасти новостью для юнаго Ивана Сергѣевича и что, можетъ быть, прежде у него были иныя, неточныя или даже ошибочныя представленія о своихъ предкахъ, хотя раньше, за годъ передъ тѣмъ, встрѣтивъ въ Ярославлѣ своихъ однофамильцевъ, онъ сообщалъ отцу, что это Аксаковы „именно тѣ, отъ которыхъ происходитъ княгиня Мещерская, сенаторъ Аксаковъ“ и проч.²⁾.

Въ настоящее время на основаніи официальныхъ документовъ воплѣ възстановлена родословная Аксаковыхъ. Съ ближайшими предками С. Т. Аксакова мы знакомимся по его „Семейной Хроникѣ“ и „Дѣтскимъ годамъ Багрова внука“.

I.

Вопросъ о томъ, насколько С. Т. Аксаковъ является вѣрнымъ изобразителемъ собственной жизни въ „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука“, обыкновенно разрѣшается въ смыслѣ преобладанія правдиваго разсказа надъ творческимъ вымысломъ. И такое мнѣніе совершенно основательно и естественно. Нельзя, съ одной стороны, ожидать отъ этого сочиненія, какъ и отъ „Семейной Хроники“, такой точности въ воспроизведеніи прошлаго, какъ въ „Воспоминаніяхъ“, которыя отличаются отъ раньше названныхъ произведеній уже самой формой изложенія, свойственной вообще мемуарамъ. Однако, есть основаніе, вопреки установившемуся мнѣнію, видѣть даже въ „Семейной Хроникѣ“ гораздо болѣе историческаго элемента, нежели какъ могло бы казаться съ перваго взгляда въ виду изображенія въ ней событій, предшествовавшихъ рожденію автора.

Уже самый объемъ „Семейной Хроники“, значительно меньшій сравнительно съ „Дѣтскими годами“, несмотря на заключающійся въ ней любопытный и богатый матеріалъ, повидимому, долженъ косвенно привести къ такому заключенію. Несомнѣнно, что усгѣхомъ своимъ

¹⁾ И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ, ч. II, стр. 291.

²⁾ И. С. Аксаковъ въ его письмахъ т. II, стр. 170.

„Семейная Хроника“ обязана въ значительной мѣрѣ не только художественному таланту автора, проявившемуся въ яркой обрисовкѣ необычайно жизненныхъ и типичныхъ лицъ, но и его замѣчательному знакомству съ нравами и всѣми подробностями житейскаго обихода уже отжившей эпохи. „Семейная Хроника“, въ высшей степени обильная бытовыми чертами, ограничившись изображеніемъ жизни нѣсколькихъ семействъ, даетъ, въ сущности, широкую картину нашей старинной жизни приблизительно послѣдней четверти прошлаго вѣка. Авторъ воссоздаетъ предъ нами цѣлый міръ, въ который всецѣло переносится самъ, и потому такъ живо переноситъ въ него читателей. Хотя такой способъ изображенія могъ бы характеризовать именно художественное творчество, но въ данномъ случаѣ послѣднее заключалось преимущественно въ талантливою воспроизведеніи матеріала, почти всецѣло взятаго изъ дѣйствительной жизни. Самъ Аксаковъ справедливо говорилъ: „Я только передатчикъ и простой рассказчикъ“ и даже прибавлялъ къ этому: „изобрѣтательности у меня на волосъ нѣтъ“.

Извѣстно, что Добролюбовъ называлъ „Семейную Хронику“ и „Дѣтскіе годы“ прямо *воспоминаніями* и въ своей статьѣ „Деревенская жизнь помѣщика“, доказывая это цѣлымъ рядомъ выписокъ, объясняетъ соотношеніе этихъ произведеній съ тѣмъ, которое прямо такъ и озаглавлено „Воспоминанія“. „Его воспоминаніями“—говоритъ онъ— „мы будемъ пользоваться, какъ *мемуарами*, заключающими въ себѣ дѣйствительно случившіяся событія, безъ всякой примѣси поэтическаго вымысла ¹⁾“. Добролюбовъ справедливо утверждалъ, что нельзя найти ни на одной страницѣ, „чтобы авторъ усиливался возвысить какую-нибудь художественною прибавкою простую правду своихъ воспоминаній“ ²⁾. Онъ даже, какъ бы предупреждая возможный со стороны нѣкоторыхъ читателей, но въ сущности несправедливый упрекъ по поводу безпрестанныхъ описаній иныхъ мелкихъ подробностей, напримѣръ одной и той же дороги въ разныя времена года, замѣтилъ, что „такое мнѣніе можетъ явиться только у тѣхъ читателей, которые совершенно несправедливо захотятъ видѣть въ „Дѣтскихъ годахъ“ простое произведеніе легкой литературы ³⁾, и, въ свою очередь, прямо приписываетъ имъ историческое значеніе и называетъ.

¹⁾ Соч. Добролюбова, изд. 3-е, т. I, стр. 318—319, примѣч.

²⁾ Соч. Добролюбова, т. I, стр. 319.

³⁾ Стр. 321.

ихъ, какъ сказано, „мемуарами“, послѣ чего также не разъ называетъ ихъ „записками“¹⁾). Говоря о неоднократномъ и весьма сходномъ описаніи у Аксакова разныхъ родственныхъ встрѣчъ, при чемъ каждый разъ описывается, какъ встрѣчающіе выходили на крыльцо, Добролюбовъ замѣчаетъ: „Если бы С. Т. Аксаковъ составлялъ изъ своихъ воспоминаній какое-нибудь художественное цѣлое, конечно, сумѣлъ бы съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ избѣгнуть всѣхъ повтореній и не нужныхъ подробностей“²⁾), и въ другомъ мѣстѣ: „видно, что онъ безыскусственно повѣрялъ бумагѣ все, чтѣ рисовала ему память, не стѣсняясь даже тѣмъ, что въ дѣтской жизни его было много моментовъ, до извѣстной степени повторявшихъ другъ друга. Онъ доложилъ каждую подробностью и записывалъ ее столько разъ, сколько она ему припоминалась“³⁾). Этотъ взглядъ Добролюбова простирался до того, что онъ въ самомъ началѣ статьи предупреждалъ читателей, что онъ „слишкомъ уважаетъ *фактическую* правду мемуаровъ Аксакова, чтобы силиться отыскивать въ нихъ правду *художественную*“⁴⁾).

Справедливость замѣчаній Добролюбова подтверждается больше всего тѣмъ обстоятельствомъ, что С. Т. Аксаковъ нерѣдко вводитъ въ свой рассказъ, особенно въ „Дѣтскихъ годахъ“, совершенно случайныя лица и событія, сохранившіяся въ его памяти и имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ его разсказу, при чемъ бывають иногда, что, говоря въ разныхъ мѣстахъ мимоходомъ о томъ же лицѣ, С. Т. иной разъ называетъ это лицо по имени, иной разъ нѣтъ, но о тождествѣ упоминаемаго здѣсь и тамъ лица можно догадаться по косвеннымъ соображеніямъ. Такъ, однажды онъ говоритъ о бѣдной родственницѣ С. Н. Багровой, Катеринѣ Алексѣевнѣ Чепруновой: „Она содержала себя и единственнаго обожаемаго *кривого сына* своего Андриюну переторжкою разными мелкимъ товаромъ и даже продавала калачи на базарѣ“⁵⁾). Въ „Дѣтскихъ годахъ“, по поводу запугиванія Сережи, что его возьмутъ въ военную службу, читаемъ: „Въ этомъ страхѣ утверждалъ меня мальчикъ-товарищъ, часто къ намъ ходившій, *кривой Андрушка, сынъ очень доброй женщины, преданной ду-*

1) Стр. 338, 350.

2) Стр. 320, ирриѣч.

3) Стр. 319.

4) Стр. 315.

5) Т. I, стр. 178.

шевно нашему дому“¹⁾. Эта „добрая женщина“, не названная здѣсь, упоминается и въ другихъ мѣстахъ „Дѣтскихъ годовъ“ и называется тамъ уже по имени, какъ и въ „Семейной Хроникѣ“. Очевидно, поэтому, что мы имѣемъ дѣло именно съ *воспоминаніями*; въ чисто художественномъ произведеніи авторъ, конечно, не скрывалъ бы, а напротивъ подчеркивалъ бы тождественность лица, напоминалъ бы его читателю. Точно также прямо воспоминаніями, взятыми непосредственно изъ жизни, отзываются всѣ упоминаніа мимоходомъ о братьяхъ Княжевичахъ, объ Энгельгардтѣ, Мансуровыхъ, полоумномъ Иванѣ Борисовичѣ, о Булгаковѣ, о старушкѣ Мертвачо, о Мавлюгіѣ и проч.²⁾

С. Т.—чѣ скрылъ и замаскировалъ въ своихъ мемуарахъ имена многихъ дѣйствующихъ лицъ, по объясненію его сына, Пвана Сергѣевича, „не потому, чтобы авторъ полагалъ возможнымъ увѣрить читателей въ отсутствіи тождества названій Багровыхъ и Аксаковыхъ, Куролесовыхъ и Куроѣдовыхъ и проч.,—а потому, что такимъ способомъ авторъ надѣялся прекратить толки и пересуды, несправедливыя для родственнаго чувства многихъ, тогда еще живыхъ членовъ семейства“³⁾. Маскированіе именъ, однако, оказалось слишкомъ прозрачнымъ, и едва ли не Добролюбова имѣлъ въ виду Сергѣй Тимоѣевичъ, когда, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ на его несправедливую въ данномъ случаѣ проницательность, протестовалъ противъ упомянутого отождествленія и, вопреки очевидности, заявлялъ, „что эти отрывки не имѣютъ *ничего* (!) общаго съ «Воспоминаніями», кромѣ сходства въ названіи мѣстностей и въ нѣкоторыхъ именахъ“, данныхъ авторомъ якобы „произвольно“⁴⁾.

Совершенно иначе, повидимому, нежели Добролюбовъ, смотрѣлъ на „Семейную Хронику“ и „Дѣтскіе годы“ Анненковъ, считая ихъ, напротивъ, всецѣло художественными произведеніями. Однако разногласіе только кажущееся. Признавая „Воспоминанія“ Аксакова какъ бы его „автобіографіей“⁵⁾, Анненковъ полагаетъ, что въ „Семейной Хроникѣ“ С. Т. Аксаковъ оказывается по большей части „совѣмъ не лѣтописцемъ, а полнымъ и совершеннымъ творцомъ типовъ и харак-

¹⁾ Т. II, стр. 77.

²⁾ Т. II, 75—77, 92, 103—104, 106—107, 109, 166, 173, 176, 177 и проч.

³⁾ Соч. Аксакова, изд. 1886, т. I, стр. 228; изд. 1895, т. II, стр. IV.

⁴⁾ Тамъ же, стр. XXVIII и XXIX; изд. 1895, стр. IV.

⁵⁾ „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. II, стр. 121.

теровъ, какъ любой повѣствователь или романтикъ“¹⁾). Далѣе онъ говоритъ: „Въ «Воспоминаніяхъ» совсѣмъ другое дѣло; тамъ выступаютъ впередъ очевидецъ, а рассказы имѣютъ вѣрность и занимательность *настоящихъ минисокъ*“, между тѣмъ какъ въ „Семейной Хроникѣ“ на первомъ планѣ стоятъ авторъ и то, что мы называемъ свободнымъ творчествомъ. Нужды нѣтъ, если характеры и лица, выведенныя въ ней, составлены по живымъ преданіямъ и воспоминаніямъ семейства Багровыхъ: они все-таки *составлены* авторомъ“²⁾). Последнія слова совершенно справедливы и въ нихъ притомъ заключается примиреніе высказаннаго имъ взгляда съ взглядомъ Добролюбова, такъ какъ и Анненковъ видитъ въ этихъ произведеніяхъ *художественную переработку „живыхъ преданій“*; разница только въ томъ, что Добролюбовъ съ своей точки зрѣнія не придаетъ особаго значенія элементу художественности, котораго, впрочемъ, и не отрицаетъ, тогда какъ Анненковъ усиленно выдвигаетъ его. Но съ другой стороны и Анненковъ склоняется мѣстами къ взгляду на нѣкоторыя по крайней мѣрѣ части этихъ произведеній, какъ на „мастерской трудъ надъ лѣтописью“³⁾; а окончаніе главы о Куролесовѣ носитъ, по его мнѣнію, „совершенно лѣтописный характеръ“⁴⁾). Въ виду всего этого нельзя не признать совершенно справедливымъ мнѣніе К. С. Аксакова о томъ, что названныя произведенія его отца представляютъ собой совершенно особый, оригинальный видъ произведеній, и притомъ не только въ русской, но и во всемірной литературѣ.

II.

С. Т. Аксаковъ въ сущности изображаетъ въ „Хроникѣ“ преимущественно двухъ лицъ: свою обожаемую мать и своего любимаго дѣда. Всѣ остальные лица изображены уже болѣе или менѣе по отношенію къ нимъ. Только эпизодическая глава о Куролесовѣ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ, но и она слишкомъ тѣсно примыкаетъ къ обрисовкѣ Степана Михайловича и притомъ представляетъ, въ свою оче-

¹⁾ Тамъ же, стр. 109.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Стр. 118.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 119. Проф. Овсянко-Куликовскій, затрогивая по другому поводу тотъ же вопросъ въ своемъ сочиненіи о Толстомъ, прекрасно разъясняетъ отношеніе между художественными мемуарами и произведеніями свободного творчества.

редь, чрезвычайно богатый самостоятельный матеріалъ, требовавшій особаго вниманія. Все это не наводитъ ли на предположеніе, что фактически матеріалъ, составившій содержаніе „Семейной Хроникѣ“, сложился, главнымъ образомъ, на канвѣ рассказовъ Аксакову его матери Марьи Николаевны (Софьи Николаевны „Семейной Хроникѣ“)? Любопытно, что въ одномъ мѣстѣ авторъ самъ называетъ себя „безпристрастнымъ передавателемъ изустныхъ преданій“¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, рассказъ носитъ на себѣ повсюду явные слѣды воспроизведенія дѣйствительныхъ фактовъ, до такой степени, что во многихъ мѣстахъ въ немъ находятъ мѣсто описаніе разныхъ чисто житейскихъ тревоженій, неисполнившихся надеждъ, неудачъ, соединенныхъ съ колебаніями отъ измѣняющихся обстоятельствъ, разныхъ совершенно не показныхъ и не романическихъ подробностей, и если въ немъ играетъ также видную роль страстная романическая любовь, то всѣ представляющіяся на пути къ увѣичанію ея препятствія и всѣ ея перипетіи снова уже совершенно носятъ характеръ отраженія самой будничной и обыкновенной прозы. Обративъ затѣмъ вниманіе на преобладающее содержаніе „Хроникѣ“, мы видимъ опять, что какъ въ „Дѣтскихъ годахъ“ рассказъ ведется вездѣ по отношенію въ личности мальчика Серези и съ его точки зрѣнія,—такъ здѣсь (кромѣ двухъ первыхъ главъ)—почти вездѣ съ точки зрѣнія Софьи Николаевны. Оставляя пока въ сторонѣ эти двѣ главы, замѣтимъ, что и рассказъ—то весь касается въ сущности двухъ годовъ, предшествовавшихъ рожденію автора, особенно знаменательныхъ въ жизни его матери, и притомъ полныхъ такихъ обстоятельствъ и впечатлѣній, которыя никогда не изглаживаются изъ памяти и невольно воспроизводятся въ воспоминаніяхъ съ замѣчательной отчетливостью и полнотой, точно такъ же, какъ съ особенной отчетливостью должны были при каждомъ удобномъ поводѣ воскресать въ памяти Софьи Николаевны также главныя черты ея жизни до замужества, не менѣе живо переданныя въ „Семейной Хроникѣ“. Косвенное подтвержденіе этому можно видѣть въ слѣдующихъ строкахъ „Дѣтскихъ годовъ“: „Несмотря на мой дѣтскій возрастъ“, говоритъ тамъ Аксаковъ—„я сдѣлался другомъ матери, ея повѣреннымъ, и узналъ много такого, чего не могъ понять, что понималъ превратно и чего мнѣ знать не слѣдовало“²⁾.

¹⁾ Т. I, стр. 174. Но, конечно, матеріаломъ отчасти служили и рассказы отца, напримѣръ, о дорогѣ въ Багрово, II, 17.

²⁾ Т. II, стр. 225.

„Воспоминаія Аксакова прелестны“,—писалъ жеиъ Кулишъ, слышавшій чтеніе въ рукописи изъ устъ автора: „Это вовсе не автобіографія, а исторія *сердца матери*, въ высокой степени благороднаго. Это также параллель домашняго и казеннаго воспитанія, которая говоритъ уму убѣдительно въ всякихъ диссертаціи. На мой вкусъ это одна изъ лучшихъ книгъ въ повѣствовательномъ родѣ, какія только я читалъ“, и проч.

Итакъ, лицо до нѣкоторой степени, какъ увидимъ, близкое къ автору ¹⁾ (Кулишъ познакомился и даже отчасти сблизился съ Аксаковымъ въ то время, когда работалъ надъ біографіей Гоголя и изданіемъ его писемъ), видѣло въ „Семейной Хроникѣ“ именно воспроизведеніе душевной жизни его матери. Остается, однако, слѣдующее нѣское возраженіе: откуда въ рассказѣ выступаютъ съ такой невѣроятной для мемуариста обстоятельностью не только его собственныя малѣйшія чувствованія и волненія въ „Дѣтскихъ годахъ“, но все тонко схваченное и послѣдовательно изображенное психологическое развитіе волненій и страстей людей совершенно другого поколѣнія, и притомъ—въ „Семейной Хроникѣ“—по времени предшествовавшихъ рожденію автора? Можно указать нѣсколько мѣстъ, чрезвычайно любопытныхъ въ этомъ отношеніи, легко убѣждающихъ, однако, при ближайшей провѣркѣ, что творческая работа все-таки состояла здѣсь преимущественно въ цѣльномъ объединеніи по необходимости отрывочныхъ и разрозненныхъ данныхъ, послужившихъ матеріаломъ для цѣлаго труда, и въ неизбежномъ для этой цѣли перенесеніи авторомъ въ болѣе отдаленное прошлое своихъ личныхъ позднѣйшихъ впечатлѣній, тамъ, гдѣ это было нужно и гдѣ отнюдь не вредило точности и правдивости рассказа. Такъ, однажды, изображая перепугъ цѣлой семьи отъ извѣстія о гнѣвномъ настроеніи Степана Михайловича, авторъ замѣчаетъ: „Что касается Арины Васильевны съ дочерьми, то онѣ похожи были на людей, которыхъ только-что вытащили изъ воды или выхватили изъ огня. *Жаль, что никому было наблюдать, а то все эти лица, безъ сомнѣнія, представляли богатую и разнообразную мимическую картину*“ ²⁾. Если бы вздумали придираться къ словамъ, то могли бы спросить: какимъ же образомъ все эти мелкія подро-

¹⁾ Кулишъ считалъ всегда Аксакова въ числѣ самыхъ близкихъ своихъ друзей: его фотографическій портретъ онъ хранилъ въ числѣ портретовъ немногихъ, особенно дорогихъ людей („У могилъ Кулиша и Бѣлозерскаго“ Н. III—ва, стр. 8).

²⁾ Т. I. стр. 152.

ности могли быть извѣстны не родившемуся тогда еще автору, когда ихъ, какъ онъ самъ говоритъ, некому было даже замѣтить и наблюдать. Но и здѣсь мы встрѣчаемъ ненамѣренную оговорку добросовѣстнаго мемуариста въ словахъ: „безъ солтня“, и дѣйствительно, сомнѣніе едва ли здѣсь умѣстно. Черезъ нѣсколько страницъ послѣ этого мы встрѣчаемъ подробнѣйшій перечень всевозможныхъ блюдъ на обѣдѣ въ Багровѣ и также подробное описаніе костюмовъ съѣхавшихся гостей ¹⁾. Сравнивается: возможно ли допустить, чтобы все это въ точности сохранила память рассказчица? Очевидно, то, что было передано автору въ болѣе общихъ чертахъ, подверглось художественной обработкѣ и дополнено уже ретроспективнымъ путемъ при большомъ участіи воображенія, и вотъ единственно въ такомъ-то именно творческомъ вымыслѣ, вымыслѣ исключительно лишь съ протокольной точки зрѣнія, и заключается, по нашему мнѣнію, главное отличіе „Семейной Хроники“ отъ обычнаго способа изложенія мемуаровъ. Сюда же можно отнести также такіа строки, какъ, напримеръ: „веселость Степана Михайловича имѣла сообщительное свойство, и черезъ часъ не было уже замѣтно слѣдовъ вчерашней бури“ ²⁾. Словомъ, элементъ вымысла мы допускаемъ въ „Семейной Хроникѣ“ лишь въ довольно незначительной и безусловно законной степени для произведеній этого рода, и даже, въ сущности, въ степени не часто достигаемой и настоящими мемуарами, особенно принадлежащими женскому перу, или иногда даже прямо обусловливаемой намѣренной погоней за эффектомъ.

Что именно указанными приемами творчества, и притомъ въ предполагаемыхъ нами размѣрахъ, пользовался авторъ, можно убѣдиться также изъ описанія путевыхъ впечатлѣній молодыхъ Багровыхъ по дорогѣ изъ Багорова въ Нагаткино. Живость изображенія доходитъ здѣсь до степени воспроизведенія лично пережитыхъ впечатлѣній: до того обстоятельно изображенъ и бѣгъ коней, и вся дорожная обстановка, и жизнь степи, и наконецъ разнородныя и даже противоположныя чувства, которыя переживали путники. Но и здѣсь съ обычной правдивостью авторомъ невольно раскрыто его настоящее отношеніе къ всему изображаемому, и сдѣланное имъ мимоходомъ личное признаніе проливаетъ свѣтъ на способъ его творческой работы. Изобразивъ неодинаковыя чувства Алексѣя Степановича и Софьи Нико-

¹⁾ Тамъ же, стр. 158.

²⁾ Тамъ же, стр. 154.

лаевны, авторъ прибавляетъ отъ себя: „Неравнодушно вспоминая и теперь эту простую, бѣдную мѣстность, которую я увидѣлъ въ первый разъ лѣтъ десять поздиѣе, я понимаю, что она нравилась Алексѣю Степановичу и что должна была не поправиться Софьѣ Николаевнѣ. Мѣсто голое, пустое, на прищекѣ, на плоскомъ берегу; кругомъ ровная степь съ сурчниками; ни деревца, ни кустика, рѣка тиха, омутистая, обросшая камышомъ и палочникомъ... Кому же все это понравится? Ничего казистаго, великолѣпнаго, живописнаго; но Алексѣй Степановичъ такъ любилъ это мѣсто, что даже предпочиталъ его Багрову. Я не согласенъ съ нимъ, но также полюбилъ очень тихіи домики на берегу Кисля“¹⁾. Безъ сомнѣнія, подобную же творческую работу, заключающуюся въ ретроспективномъ перенесеніи въ болѣе отдаленное прошлое своихъ личныхъ наблюдений, слѣдуетъ видѣть и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ также изображается контрастъ въ отношеніяхъ къ природѣ обоихъ родителей автора.

Указанными приемами С. Т. Аксакова нельзя не объяснить также и нѣкоторыхъ мелкихъ противорѣчій, встрѣчающихся кое-гдѣ *только* въ „Семейной Хроникѣ“. Такъ въ одномъ мѣстѣ объ Алексѣѣ Степановичѣ сказано, что онъ былъ „оготникъ до романовъ“ и отсюда замѣтывалъ иногда фразы и выраженія²⁾, тогда какъ въ другомъ онъ называлъ „невѣждой, ничего не читавшимъ кромѣ *двухъ-трехъ* глупѣйшихъ романовъ“³⁾, и изображеніе такихъ мелкихъ душевныхъ движеній, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ строкахъ: „Сегодня я проснулась рано“ (слова Софьи Николаевны); „Алексѣй мнѣ сказалъ (*старикъ поморщился*), что вы давно уже встали“⁴⁾, хотя съ другой стороны и такія мелочи, какъ легкое и мимолетное неудовольствіе Степана Михайловича по поводу неуважительнаго на его взглядъ тона рѣчи его невѣстки о мужѣ, дѣйствительно могли глубоко знать въ память матери Аксакова и потомъ обычно припоминаться ею въ рассказѣ о знаменательныхъ и незабвенныхъ для нея дняхъ далекаго прошлаго.

Послѣ всего сказаннаго намъ кажется излишнимъ прибавлять, что двѣ начальныхъ главы „Семейной Хроники“ хотя сложились несо-

¹⁾ Т. I, стр. 139.

²⁾ Стр. 86, примѣч.

³⁾ Стр. 94; ср. также стр. 103.

⁴⁾ Т. I, стр. 131.

миѣнно уже на основаніи не рассказовъ матери, но другихъ источниковъ, однако составили вмѣстѣ съ остальными частями разсказа, несмотря на нѣкоторую внѣшнюю разрозненность, одно стройное цѣлое, такъ удачно объединенное, главнымъ образомъ, благодаря, конечно, другой яркой личности всего произведенія, привлекавшей на себя также именно поэтому особенное вниманіе со стороны *все той же Софьи Николаевны*, т. е. личности самого дѣдушки Багрова. Подобнымъ вышеуказанному способомъ также приблизительно и ретроспективно воспроизведенъ, разумѣется, и знаменитый „Добрый день Степана Михайловича“, а вторая глава—о Куролесовѣ—такъ и осталась отчасти эпизодической, что чувствуется даже несмотря на отмѣченное объединяющее обстоятельство ¹⁾.

Такимъ образомъ, по нашему миѣнію, „Семейная Хроника“, сосредоточенная преимущественно на изображеніи двухъ яркихъ личностей, должна была явиться результатомъ припомнанія авторомъ *преимущественно* рассказовъ своей матери (подобно тому, какъ вообще вся художественная дѣятельность его въ цѣломъ, вплоть до изображенія разныхъ родовъ охоты на разныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ, была направлена именно больше всего на припомнаніе пережитого и пережитого имъ самимъ). Даже къ своему сильно и искренно любимому отцу, воплівъ раздѣляя его охотническіе вкусы и наклонности, его горячую любовь къ природѣ, авторъ все-таки относится замѣтно отчасти съ точки зрѣнія матери: все время рассказывая о ней, онъ сравнительно очень мало говоритъ о *ея* чувствахъ и мысляхъ, и это, можетъ быть, слѣдствіе *не одной только духовной безсодержательности ея отца*, котораго авторъ при всей любви къ нему не особенно-то падаетъ въ своемъ разсказѣ. Если даже предполагать, что онъ является въ этомъ отношеніи безпристрастнымъ, то, быть можетъ, позволительно допустить извѣстную долю пристрастія въ изображеніи имъ необыкновенной, но какъ справедливо замѣтилъ О. О. Миллеръ, далеко не воплівъ симпатичной и обаятельной личности его матери ²⁾. Какимъ изображается въ его разсказѣ отецъ? Цеглунымъ

¹⁾ Главу эту, какъ и самую личность Куролесова, Анненковъ считалъ наименѣе обработанными въ художественномъ смыслѣ (см. „Воспомнанія и критическіе очерки“, т. II, стр. 118—119), объясняя это тѣмъ, что С. Т. Аксакову было трудно и даже невозможно *отгадать* душу человека столь несходной съ нимъ натуры и представлявшаго при этомъ уже отжившій типъ.

²⁾ См. „Русскіе писатели послѣ Гоголя“, т. III, стр. 34 и 40, также соч. Добролюбова, т. I, стр. 346—347 (изд. 1876 г.).

(по увѣренію автора, но изъ всего содержанія „Хроники“ читатель скорѣе въ правѣ предположить почти противное), но робкимъ и застѣчивымъ, любящимъ и сердечнымъ, но крайне слабохарактернымъ, далеко не способнымъ понимать жену и вообще слишкомъ мелко въ сравненіи съ ней плавающимъ. Вотъ ея характеристика въ „Хроники“: у него былъ „румянецъ во всю щеску; онъ удилъ рыбу, ходилъ на охоту за перепелами, ѣлъ и пилъ аппетитно и былъ веселъ“¹⁾. Сестры помыкали имъ, отецъ боялся, чтобы будущая жена не забрала его совѣтъ въ свою власть. Никакихъ тонкихъ оттѣнковъ проявленія чувства, никакихъ хотя бы отчасти замаскированныхъ, заднихъ мыслей и даже намековъ понимать онъ былъ рѣшительно не въ состояніи и вездѣ рельефно обрисованъ именно какъ личность крайне ничтожная и безцвѣтная. Таята у него не было и въ поминѣ, тогда какъ „Софья Николаевна высоко держала себя передъ бойкими и заносчивыми людьми, а со смиренными и скромными всегда была снисходительна и ласкова“²⁾; и, несмотря на свою вспыльчивую и отчасти несдержанную натуру, была воплощеннымъ умомъ и тактомъ. Въ рѣшительную минуту Степанъ Михайловичъ откровенно говоритъ сыну: „Думаю, что Софья Николаевна за тебя не пойдетъ: надо рубить дерево по себѣ. Мы поищемъ тебя какую-нибудь смиренькую, тихенькую, деревенскую родовую дворяночку и съ состояніемъ“³⁾. Все это невольно наводитъ на мысль, что самое измѣненіе нѣкоторыхъ именъ, хотя и слишкомъ прозрачное, было допущено Аксаковымъ въ „Семейной Хроникѣ“ именно въ виду замѣчательной правдивости и откровенности его разказа, обуславливавшей до извѣстной степени щекогливость по отношенію къ нѣкоторымъ живымъ родственникамъ. Такъ и объяснялъ это И. С. Аксаковъ въ своемъ предисловіи „отъ издателя“, прибавляя при этомъ, что даннымъ приемомъ авторъ „надѣялся удержать журнальную критику въ предѣлахъ чисто литературной оцѣнки выставленныхъ имъ характеровъ и типовъ, безъ всякаго нескромнаго обозначенія обстоятельствъ“⁴⁾. Откровенность простиралась наконецъ до того, что встрѣчались упоминанія, что „Софья Николаевна“ было совѣстно и больно и оскорбительно за своего же-

¹⁾ Стр. 84.

²⁾ Стр. 74.

³⁾ Стр. 83.

⁴⁾ Изд. 1886 г., т. I, стр. 228; изд. 1895, т. II, стр. IV; ср. „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. III, стр. 242.

ниха; голосъ ея дрожаль и она едва владѣла собою“ ¹⁾, когда на-примѣръ она принуждена была, вмѣсто его безтолково витіеватаго посланія къ одному изъ знакомыхъ, написать за него сама болѣе приличное письмо. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что „когда Софья Николаевна стала поправляться (послѣ болѣзни), а Алексѣй Степановичъ пересталъ тревожиться за ея жизнь и здоровье, мало-по-малу начали вновь появляться, съ одной стороны, прежняя требовательность, а съ другой стороны—*прежняя неспособность—удовлетворять тонкости требованій*“ ²⁾, и вслѣдъ затѣмъ онъ прямо называетъ второстепеннымъ лицомъ въ данномъ супружескомъ союзѣ. Вообще снисходительное отношеніе Софьи Николаевны къ слѣшкомъ низку передъ нею стоящему мужу представлено со всею правдивостью болѣзненно пережитаго и откровенно пересказаннаго.

Послѣднія страницы „Семейной Хроники“ представляютъ уже переходъ къ настоящей автобіографіи, хотя опять съ прежней оговоркой относительно качествъ и характера творческаго вымысла. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что вся семья и даже близкіе знакомые и докторъ смотрѣли на появленіе на свѣтъ будущаго ребенка, какъ на чрезвычайное событіе, такъ что всѣ обыкновенныя житейскія мелочи вырастали здѣсь до размѣровъ чуть ли не событій мірового значенія. Всеобщее нетерпѣливое и страстное ожиданіе пришествія въ міръ будущаго потомка древняго дворянскаго рода, совѣты и предсказанія врачей, даже самый выборъ заранѣе имени подѣ впечатлѣніемъ разсказа о какой-то барынѣ, у которой рождались все дочери, пока она не дала обѣщанія назвать желаннаго и нетерпѣливо ожидаемаго мальчика Сергѣемъ, и даже подыскиваніе заранѣе для этого будущаго Сергѣя „чудесной кормилицы“,—все это, соединенное съ узкими сословными предразсудками и самыми примитивными суевѣріями, явилось чѣмъ-то знаменательнымъ и пророческимъ для будущности С. Т. Аксакова, этого тишичгвйнаго человѣка преданія. Живость и яркость изображенія на послѣднихъ страницахъ „Семейной Хроники“ достигаютъ своего апогея и даже превосходятъ большинство страницъ „Дѣтскихъ годовъ“, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ отзываются, по правдѣ сказать, порядочной приторностью. Пророческою можно назвать и единодушную радостную встрѣчу новаго пришельца въ міръ, которая такъ гармонируетъ съ счастливымъ и жизнерадостнымъ теченіемъ всего

¹⁾ Изд. 1895, т. I, стр. 103.

²⁾ Стр. 192.

земного поприща, пройденнаго потомъ Аксаковымъ, что такъ много объясняетъ въ его симпатичномъ, благодушномъ и всегда всѣмъ довольномъ характерѣ. Недаромъ докторъ-нѣмецъ воскликнулъ: „какой счастливый мальчишка! какъ ему всѣ рады!“, а Степанъ Михайловичъ, узнавъ объ его рожденіи, босикомъ подбѣжалъ къ своей родословной, провелъ черту отъ кружка съ именемъ „Алексѣй“, сдѣлалъ кружокъ на концѣ своей черты и въ серединѣ его написалъ: „Сергѣй“.

III.

Раннія дѣтскія воспоминанія Сергѣя Тимофеевича были неразрывно связаны съ впечатлѣніями отъ нѣжной заботливости и ласкъ окружающихъ, особенно матери. Можетъ быть, даже его удивительную способность припоминать чуть не ощущенія колыбели слѣдуетъ объяснить не только замѣчательной памятью даровитаго ребенка, но также и тѣмъ обстоятельствомъ, что пріятныя впечатлѣнія охотнѣе и чаще вызываются нами въ памяти и такимъ образомъ прочнѣе удерживаются и укрѣпляются въ ней. Ребенокъ встрѣчалъ отовсюду только любовь, ласку, заботливый уходъ, и неудивительно, что всѣмъ этимъ нечувствительно закладывалось нѣжное зерно, изъ котораго впоследствии развился его любвеобильный характеръ. Аксакову незнакомы были горькія и мучительныя слезы реального горя, отравившія дѣтство Некрасова, Лермонтова, Бѣлинскаго. Ни семейный разладъ, ни какия-нибудь обидная несправедливость не возмущали тихихъ и пріятныхъ грезъ его младенчества, ничьи вопли и стоны не коснулись его; только кратковременная жизнь въ Аксаковѣ (Багровѣ) безъ отца и матери была нерадостна, но вообще его младенческую колыбель качалъ какой-то добрый гений и охранялъ отъ всѣхъ жизненныхъ невзгодъ. Оттого-то съ такой любовью взлелѣялъ онъ впоследствии въ своей памяти всѣ до малѣйшей черты окружавшихъ его въ дѣтствѣ быта и обстановки и всѣхъ лицъ, съ которыми были связаны его раннія воспоминанія; оттого-то такъ много сердечнаго, задушевнаго лиризма въ прекрасныхъ заключительныхъ строкахъ „Семейной Хроники“: „Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди. Вы не великіе герои, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще, и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша вѣшняя и внутренняя жизнь

¹⁾ Стр. 205.

исполнена поэзи, такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительны для потомковъ. Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ“¹⁾).

Рисуя картину стариннаго, отжившаго быта, Аксаковъ съ любовью погружается въ дорогія воспоминанія; ему милы даже суевѣрія и предрассудки и мертвая тишина отрѣзаннаго отъ культурнаго міра роднаго уголка, напоминающаго намъ Обломовку, и дѣвственная природа привольнаго Вугурусланскаго края,—все, начиная отъ жбана студеной бражки и дѣдушкинаго халата и колпака. И всѣ воспоминанія одно пріятнѣе другого! Здѣсь, конечно, особенно важна ничѣмъ не замѣнимая субъективная окраска, которая даетъ такую чудную теплоту и жизнь всѣмъ описаніямъ часто даже предметовъ совсѣмъ не привлекательныхъ и несимпатичныхъ въ дѣйствительности! „Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить“—говорить, между прочимъ, Аксаковъ, „что я люблю динкалтовый шнѣкъ и даже кусанье комаровъ; въ шнѣкъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Вугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замирающее молодого сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни“²⁾).

Задушевный тонъ воспоминаній и ихъ необычайная отчетливость составляютъ, безспорно, высокое достоинство „Дѣтскихъ годовъ Барова внука“. Память автора по истинѣ изумительная! Какъ много простоты и жизненности въ разсказѣ, напримѣръ, о томъ, что диковинныя кресла съ мѣдными шнѣчками разсѣяли паническій страхъ ребенка передъ дѣдушкой. Какое вездѣ правдивое и безыскусственное изображеніе дѣтской души! Самые капризы дѣтской памяти, то изумительно удержавшія необычайно раннія, случайныя и отрывочныя, совершенно незначительныя воспоминанія, то отказывающейся дать отчетъ въ какомъ-нибудь гораздо болѣе крупномъ съ точки зрѣнія взрослого человѣка фактѣ, каково, напримѣръ, начало обученія грамотѣ, *не пропущены* авторомъ именно потому, что онъ не *сочинялъ*, а *припоминалъ*. Отъ всего разсказа такъ и вѣетъ свѣжимъ ароматомъ счастливаго утра жизни, превосходно воспроизведеннаго благодаря необыкновенной впечатлительности и памяти автора. Большое мастерство

¹⁾ Т. I, стр. 206.

²⁾ Т. I, стр. 20.

художника обнаруживается также и въ томъ, что всѣ предметы и лица получаютъ иное, нежеле въ „Семейной Хроникѣ“; освѣщеніе, обрисовывалось подъ угломъ дѣтскаго міросозерцанія и въ мѣру дѣтскаго пониманія. Въ „Семейной Хроникѣ“ рассказчикъ взрослый, въ „Дѣтскихъ годахъ“—ребенокъ. Всѣ отличительныя черты характеровъ дѣйствующихъ лицъ остаются тѣ же, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ изображеніи каждаго чувствуется болѣе или менѣе замѣтная разница: дѣдушка, нарисованный въ „Семейной Хроникѣ“ во весь ростъ, являющийся тамъ совершенно опредѣленной и ярко очерченной личностью, изображается здѣсь односторонне, съ точки зрѣнія попеременно вступающихъ имъ ребенку чувствъ любви и страха; его отношенія къ домашнимъ и къ Софьѣ Николаевнѣ отражаются блѣдной тѣнью сравнительно съ той яркой характеристикой, какая была дана уже въ „Семейной Хроникѣ“. Умиравшій дѣдушка, какъ предметъ безотчетнаго, но сильнаго ужаса ребенка, опять прекрасно гармонируетъ съ общимъ изображеніемъ его въ „Дѣтскихъ годахъ“ и со всѣмъ тономъ рассказа. Яркій контрастъ между блестящей уфимской звѣздой, Софьей Николаевной, и ея слишкомъ зауряднымъ супругомъ здѣсь значительно сглаживается: здѣсь она—обыкновенная любящая мать, а онъ въ своей домашней сферѣ также человекъ, нисколько не стоящій ниже средняго уровня, хороший семьянинъ и добрый, справедливый помѣщикъ, а иногда онъ выступаетъ даже въ болѣе близоріятномъ свѣтѣ, чѣмъ его жена, не свободная отъ пошлыхъ сословныхъ предрассудковъ и слишкомъ глухая и черствая къ измѣнтамъ природы. Превосходно изображена также маленькая „милая сестрица“ со всѣми признаками еще почти вполне безсознательнаго ребячества. Кромѣ того по сравненію съ „Семейной Хроникой“ всѣ лица, являющіяся въ этихъ обонхъ произведеніяхъ, обрисованы такъ, что читатель живо чувствуетъ перемену, произведенную въ нихъ годами, онъ какъ бы видитъ налегшую на каждаго изъ нихъ руку времени. Всѣ взрослые лица являющіяся въ „Дѣтскихъ годахъ“ съ установившимися и неизмѣняющимися чертами характера, въ ихъ изображеніи нѣтъ того тонкаго психологическаго развитія, такой мастерской обрисовки малѣйшихъ душевныхъ движеній, какія мы видимъ въ „Семейной Хроникѣ“, но зато здѣсь передъ нами растетъ, постепенно развертывается внутренній міръ мальчика Сережи. Ему, еще слабому, больному младенцу, за жизнь котораго такъ боялись окружающіе, когда во время дурноты въ дорогѣ онъ былъ вынесенъ на траву и на чистый воздухъ,—„лѣсъ, тѣнь, цвѣты, ароматный воздухъ такъ понравился, что онъ упросилъ не

трогать его съ мѣста“ ¹⁾). За выздоровленіемъ послѣдовали смѣняющія другъ друга разнообразныя впечатлѣнія дѣтства и охотническія увлеченія, унаслѣдованныя отъ отца и развившіяся подъ его вліяніемъ и благодаря его примѣру. Новизна и страстность впечатлѣній давали чрезвычайно богатое содержаніе интимной жизни мальчика. Когда мальчикъ поймалъ первую рыбу, онъ „весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и совершенно не помнилъ себя отъ радости“, и скоро „удочка, дрожащій и ныряющій поплавокъ, согнутое отъ тяжести удилище, рыба, трещащая на лесѣ“—приводили его при одномъ воспоминаніи въ восторгъ, въ самозабвеніе ²⁾). Онъ восхищается найдеными въ прудѣ чертовыми пальцами, интересуется видомъ и устройствомъ мельницы. Въ ребенкѣ все больше развиваются любознательность, впечатлительность, живая дѣятельность воображенія, сострадательность, любовь къ окружающимъ и *подъ вліяніемъ отца* страсть ко всякаго рода охотѣ,—а *подъ вліяніемъ заботъ матери и примѣри обоня родителей*—искренность и правдивость. Въ общемъ, дѣтство было свѣтлое и радостное: вспоминалъ о немъ подъ старость, Аксаковъ передастъ почти исключительно пріятныя волненія расцвѣта своей жизни.

Любовь къ природѣ была самой яркой чертой въ постепенно слававшейся личности даровитаго ребенка, но талантливость его сказывалась разнообразно: въ самомъ раннемъ младенчествѣ, въ ту пору, къ которой относятся первыя неясныя воспоминанія Аксакова, уже „величіе красотъ Божьяго міра незамѣтно ложилось на дѣтскую душу и жило безъ вѣдома ребенка въ его воображеніи“ ³⁾, при чемъ являлась живая и настоятельная потребность дѣлиться впечатлѣніями. Эта потребность потомъ росла и еще болѣе окрѣпла, когда къ непосредственнымъ впечатлѣніямъ природы подъ вліяніемъ чтенія присоединились новые матеріалы для работы пылкаго воображенія. Проживавшій въ Уфѣ и знакомый съ родителями юнаго Аксакова, бывшій депутатъ Екатерининской комиссіи для составленія новаго уложенія, Анничковъ, узнавъ о любознательности ребенка, подарилъ ему нѣсколько книжечекъ Новиковскаго „Дѣтскаго чтенія для сердца и разума“ и „Зеркало добродѣтели“—развитіе мальчика стало подвигаться двойнымъ, ускореннымъ темпомъ. Спустя нѣсколько времени тотъ же Анничковъ подарилъ ему много другихъ книгъ, въ числѣ которыхъ

¹⁾ Т. II, стр. 7.

²⁾ Т. II, стр. 26, 27.

³⁾ Т. II, стр. 12.

была „Исторія о младшемъ Кирѣ и о возвратномъ походѣ десяти тысячъ грековъ“, съ такимъ же живымъ волненіемъ пересказывавшаяся потомъ Евсеевичу, какъ и подробности той самой рыбной ловли, которой послѣдній былъ непосредственнымъ участникомъ, „но охотно слушалъ о ней, будучи истиннымъ охотникомъ, и находя наслажденіе въ повтореніи и воспоминаніи всѣхъ случайностей охоты“ ¹⁾. Такое же страстное увлеченіе возбуждаетъ въ мальчикѣ рисованіе и декламация его дяди, по тогдашнему обыкновенію на распѣвъ, и маленькій Сережа самъ, читая Сумарокова и Хераскова, нѣкоторые стихи провозносилъ „съ гордостью и наслажденіемъ“ ²⁾, при чемъ иные изъ нихъ продолжали ему потомъ нравиться всю жизнь, несмотря на знакомство съ Пушкинымъ и другими корифеями нашей поэзіи. „Я долженъ признаться“, писалъ онъ въ „Дѣтскихъ годахъ“, что стихъ:

„Глязь Курбскій съ Палецкихъ, врагохъ текущи встрѣчу“

и теперь произношу съ удовольствіемъ и слышу въ немъ что-то крѣпкое и стремительное.“ Правственное чувство въ развитіи ребенка не отставало отъ эстетическаго; по ему именно въ этой сферѣ пришлось испытать первыя сомнѣнія и разочарованія при встрѣчѣ съ варварствомъ крѣпостныхъ правовъ, съ пошлой свѣтской ложью и предразсудками паркетнаго дворянства.. Особенно досталось Сережѣ при посѣщеніи Дуракова, когда мальчику было матерью поставлено въ вину простодушное выраженіе изумленія при звукахъ оркестра и особенно его неумѣстный съ свѣтской точки зрѣнія поклонъ пѣвицамъ, оказавшимся горничными; за это онъ получалъ такое внушеніе: „ты былъ точно крестьянскій мальчикъ, который съ роду ничего не видывалъ, кромѣ своей избы, и котораго привели въ господскій домъ“. Сначала, какъ и естественно, всѣ люди кажутся мальчику добрыми и хорошими, какъ напримѣръ, хоть бы перевозчики черезъ рѣку Бѣлую, „которые ласково, просто и толково отвѣчали на безчисленные вопросы и были благодарны, когда отецъ далъ имъ что-то за труды“. Но скоро пришлось познакомиться съ существованіемъ въ мірѣ лжи и фальши, когда сама, учившая искренности и правдивости, мать заставляла мальчика увѣрять въ письмѣ, будто онъ очень любитъ совершенно незнакомую бабушку и желаетъ ее видѣть, и когда мать утверждала, что она не можетъ терпѣть крестьянъ и не въ состоя-

¹⁾ Стр. 102.

²⁾ Стр. 119.

ни выдти къ нимъ, а отецъ принужденъ былъ объявить имъ, что жена его больна. „Мнѣ было досадно“—разсказываетъ Аксаковъ, „что мать не вышла къ добрымъ крестьянамъ, и совѣстно, что отецъ сказалъ неправду“¹⁾. Наконецъ и самъ мальчикъ началъ хитрить, хотя и невиннымъ образомъ, притворяясь, что все понимаетъ хорошо, когда замѣчалъ искусственное приспособленіе старшихъ къ его дѣтскому пониманію, а съ другой стороны откровенность и потребность дѣлиться впечатлѣніями нерѣдко охлаждалась въ немъ рѣшительнымъ равнодушіемъ матери къ разсказамъ о различнѣмъ родѣ спортахъ и полевыхъ работахъ. (Сильно коробило его также ея „осторожное, искусственное обращеніе съ природой, подстиланіе кожаныхъ подушекъ для того, чтобы присѣсть на травѣ“ и проч. Ея пренебреженіе ко всему простонародному, нелюбовь къ природѣ и несочувствіе многимъ невольнымъ увлеченіямъ сына повело къ тому, что, наконецъ, онъ сталъ угадывать по инстинкту, о чемъ лучше совѣтъ не говорить ей, и нельзя не считать большимъ счастьемъ, что горячая любовь и пѣжность матери помѣшали дальнѣйшему, сколько-нибудь серьезному духовному отчужденію отъ нея сына. Бывали и другія непоучительныя впечатлѣнія при встрѣчѣ съ практикой жизни, приводившія ребенка въ недоумѣніе отъ неожиданныхъ случаевъ превращенія добрыхъ и хорошихъ людей, тетушекъ и бабушекъ, въ жестокихъ варваровъ, когда имъ случалось гнѣваться на крѣпостныхъ. Подобное же неожиданное превращеніе робкаго учителя Матвѣя Васильевича въ згѣри въ стѣнахъ школы поразило его, и также непонятны были чистой душѣ ребенка объясненія родителей, что „Матвѣй Васильевичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, сѣчь своихъ учениковъ, и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человекомъ“ и что „такіе поступки не только дозволяются, но даже требуются отъ него, какъ исполненіе его должности“²⁾, или что нельзя пресѣчь злоупотребленій Мироновича, потому что „онъ родня и любимецъ управляющаго Михайлушки, а тетушка Прасковья Ивановна Михайлушкѣ вѣрнѣе“³⁾).

Вдобавокъ мальчикъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ всякими вредными предразсудками и суевѣрными представленіями, и потому неудивительно при его впечатлительности, что если его добрые природныя задатки предохраняли его отъ скрытности и лживости, то

¹⁾ Т. II, стр. 165.

²⁾ Т. II, стр. 92.

³⁾ Стр. 33.

воспитаніе не спасло отъ незліной вѣры въ предчувствіи, которая такъ укоренилась въ немъ, что онъ „во всю жизнь страдалъ отъ нихъ болѣе, чѣмъ отъ дѣйствительныхъ несчастій, хотя въ то же время *предчувствія эти никогда не сбывались*“¹⁾. Суевѣрія перешли къ мальчику отъ отца, но и возстававшая противъ нихъ мать также не была совершенно свободна отъ нихъ и, возражая мужу, объясняла ему, напримѣръ, что онъ видѣлъ сонъ не дурной, а только странный, какъ будто тѣмъ самымъ допуская все-таки существованіе и дурныхъ словъ. „Вѣрованіе мое въ предчувствіе и въ пророческіе сны“—читаемъ мы въ «Дѣтскихъ годахъ»—„получило отъ этихъ разговоровъ сильное подкрѣпленіе“²⁾.

Во всякомъ случаѣ въ общемъ юный Аксаковъ росъ въ счастливой обстановкѣ и былъ окруженъ добрыми людьми и всеобщими заботами и любовью. Развитіе его совершалось быстро и на почвѣ здоровыхъ и въ высшей степени благопріятныхъ въ смыслѣ воспитательномъ впечатлѣній. Судьба подарила Аксакову поистигъ золотое дѣтство, проведенное не въ роскоши, но среди, воишь счастливыхъ, здоровыхъ условий и украшенное всѣми чарами чистаго упоенія природой, этимъ величайшимъ на землѣ благомъ, котораго такъ легко-мысленно не цѣнятъ большинство людей, даже имѣющихъ средства и полную возможность безпрепятственно пользоваться дарами счастья. Аксаковъ же въ этомъ отношеніи провелъ свои ранніе годы такъ, что если впоследствии, подъ старость, испытывалъ грусть при воспоминаніи о дѣтствѣ, то это была лишь естественная, но пріятная грусть о невозвратныхъ дняхъ блаженства, о давнихъ волшебныхъ дняхъ счастья, и сюда не примѣшивалось и не могло примѣшиваться чувство горечи и зависти, свойственное многимъ другимъ людямъ.

Такъ запылала ясная заря свѣтлаго солнечнаго утра, такова была очаровательная увертюра къ дивной, поэтической оперѣ. Судьба встрѣтила благосклонной улыбкой своего любимца и даровала ему счастливое дѣтство, о которомъ онъ впоследствии вспоминалъ въ слѣдующихъ прочувствованныхъ выраженіяхъ: „О, гдѣ ты, волшебный міръ, Шехеразада человѣческой жизни, съ которыми часто такъ неблаго-склонно, грубо обходятся взрослые люди, разрушая его очарованіе насмѣшками и преждевременными рѣчами. Ты, золотое время дѣтскаго счастья, память о которомъ такъ сладко и грустно волнуешь

¹⁾ Стр. 127.

²⁾ Стр. 284.

душу старика. Счастливъ тотъ, кто имѣлъ его, кому сѣть что вспоминать. У многихъ проходить оно незамѣтно или нерадостно и въ зрѣломъ возрастѣ остается только память холодности и даже жестокости людей“¹⁾).

Воспоминанія ранняго дѣтства нашего писателя тѣсно связаны съ Уфой и деревнями Старымъ и Новымъ Аксаковымъ, съ Чурасовымъ, Вишенками и другими; но больше всего съ селомъ Аксаковымъ, которое надолго, если не на всегда, осталось для нашего писателя завѣтнымъ уголкомъ во всей вселенной. „Во все теченіе моей жизни“—непоминалъ онъ впоследствии,—„я продолжалъ испытывать, приближаясь къ Аксакову, сладостныя ощущенія; но однажды, послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія, подѣвзжалъ я къ тому же Аксакову; сильно билось мое сердце отъ ожиданія, я надѣялся прежнихъ радостныхъ волненій! Я вызвалъ милое прошедшее, и рой воспоминаній окружилъ меня... но не весело, а болѣзненно, мучительно подѣйствовали они на мою душу, и мнѣ стало невыразимо тяжело и грустно и, подобно волшебнику, который, вызвавъ духовъ, не умѣетъ съ ними сладить и не знаетъ, куда отъ нихъ дѣваться,—не зная, какъ мнѣ прогнать мои воспоминанія, какъ успокоить нерадостное волненіе. Старые мѣха не выдерживаютъ молодого вина и старое сердце не выноситъ молодыхъ чувствъ.... но тогда, Боже мой, что было тогда!“²⁾).

IV.

Съ поступленіемъ въ Казанскую гимназію начинается новый періодъ жизни юнаго Аксакова. Событіе это произошло совершенно неожиданно. Однажды Марья Николаевна Аксакова, гостя у своей тетки Куроѣдовой въ Чурасовѣ, высказала вскользь въ разговорѣ, что она желала бы побывать въ Казани, приложиться къ святымъ мощамъ, послушать архіерейскую службу и т. п. Никакого серьезнаго значенія этой своей мечтѣ она не придавала и скоро забыла про нее; но, избѣгая шумнаго празднованія именинъ, которыя приходились на Крещенье, она снова заговорила какъ-то о желаніи куда-нибудь уѣхать на этотъ день, далекая впрочемъ отъ помышленія о поѣздкѣ именно въ Казань. Тетушка Куроѣдова случайно напомнила

¹⁾ Т. I, стр. 214.

²⁾ Т. I, стр. 256.

ой о высказанномъ когда-то желаніи, и поѣздка состоялась, при чемъ былъ взятъ и Сережа. Это произошло въ серединѣ зимы 1799 года. Все это подробно разсказано въ „Дѣтскихъ годахъ“; но въ „Воспоминаніяхъ“ находимъ, повидимому, нѣсколько противорѣчащее этому, хотя, можетъ быть, болѣе вѣрно, показаніе: „*не знаю, какія обстоятельства принудили моихъ родителей, при ихъ стѣсненномъ положеніи въ деньгахъ, пріѣхать въ губернской городъ Казань, но знаю, что это было сдѣлано не для меня, хотя вся моя будущность опредѣлилась этой поѣздкой*“¹⁾. Можно предполагать, согласно съ объясненіемъ И. С. Аксакова въ его предисловіи издателя къ „Дѣтскимъ годамъ“, что, рѣшившись въ послѣднемъ сочиненіи замаскированіемъ именъ „удержать журнальную критику въ предѣлахъ чисто литературной оцѣнки и устранить возможность разоблаченія всѣхъ подробностей, касающихся его родныхъ“,—авторъ напротивъ въ „Воспоминаніяхъ“, гдѣ онъ говоритъ уже прямо о себѣ и отъ своего имени, не хотѣлъ по тѣмъ же соображеніямъ касаться обстоятельствъ, затрогивавшихъ ту же заботливо охраняемую отъ какого-либо „пристрастнаго суда или легкомысленнаго слова“ дорогую ему родственную сферу.

Въ „Воспоминаніяхъ“ разсказано далѣе, какъ, по совѣту знакомаго М. Д. Княжевича, было принято внезапное рѣшеніе отдать мальчика въ гимназію. Мысль эта не была осуществлена тотчасъ, не смѣтря на имѣвшуюся вакансію и общее убѣжденіе въ необходимости ея воспользоваться, такъ какъ ни мать, ни сынъ не были подготовлены къ мысли о разлукѣ; оба они скоро успокоились на томъ, что никогда не разстанутся, и ребенокъ былъ снова отвезенъ домой, гдѣ продолжалъ наслаждаться привольной жизнью въ тѣсномъ общеніи съ горячо любимой природой. Но развитая и образованная мать, при всей безумной горячности любви къ сыну, не могла не понимать необходимости дать своему любимцу образованіе, и вотъ она начинаетъ снова заговаривать съ сыномъ объ ученіи. „Сердце сжалось у меня въ груди“—разсказываетъ Аксаковъ, „я понялъ, къ чему клонится рѣчь, понялъ, что бѣда не прошла, а пришла, и что мнѣ не уйти отъ Казанской гимназіи“. Вновь ребенка везутъ въ Казань, помѣщаютъ въ гимназію, и опять возобновляется борьба благоразумія съ материнскимъ и сыновнимъ чувствами; послѣднія снова побѣждаютъ, и мальчикъ, заболѣвшій отъ душевнаго потрясенія, снова отвозится

¹⁾ Т. I, 210.

домой, гдѣ снова оправляется физически и предается всей душой излюбленнымъ наслажденіямъ. И, наконецъ, мальчикъ вторично въ гимназіи. Не повторяя здѣсь подробно разсказанныхъ Аксаковымъ фактовъ, замѣтимъ только, что гимназическая сфера оставалась пока въ значительной мѣрѣ чуждой мальчику, внутренняя жизнь котораго сосредоточивалась по прежнему на любимыхъ увлеченіяхъ, къ которымъ казанская жизнь на первое время не присоединила ничего новаго. Всякое увлеченіе всегда поглощало всего Аксакова, такъ что, не видя такихъ увлеченій въ его новой школьной обстановкѣ, мы въ правѣ заключить, что въ гимназіи онъ жилъ замкнутой внѣшней жизнью, сравнительно мало отдаваясь окружающимъ впечатлѣніямъ и сберегая весь свой душевный пылъ для жизни дома во время вакаціи. Поэтому и въ разсказѣ его вездѣ отражаются преимущественно всѣ перипетіи и фазисы его внутренняго душевнаго міра, и неудивительно, что, какъ говоритъ Анненковъ, „у юноши, глубоко сосредоточеннаго въ себѣ, не могли остаться въ памяти характерныя черты тогдашняго преподаванія и что первый возрастъ далъ наниему автору мало существенныхъ воспоминаній о состояніи разныхъ частей науки и общаго ихъ пониманія со стороны воспитателя“ ¹⁾. Маленькій Аксаковъ держался въ сторонѣ отъ товарищей, которые преслѣдовали его, называя его плаксою, нѣженкой и матушкинымъ сыномъ, тогда какъ главный надзиратель былъ недоволенъ имъ, называя его тихоней и особнякомъ ²⁾. По собственнымъ словамъ С. Т. Аксакова, „умственная дѣятельность мальчика, потерявъ существенную пользу, вся обратилась на безпрестанное размышленіе и разсматриваніе своего настоящаго положенія, на безпрестанное воображеніе, чтó дѣлается въ его семействѣ, какъ тоскуетъ о немъ его несчастная мать, и на воспоминанія прежней блаженной деревенской жизни“ ³⁾. Отъ этой неуѣренной и болѣзненной работы воображенія происходили обмороки, — „отъ неожиданно возникавшаго воспоминанія изъ прошедшей жизни, которая вдругъ представлялась воображенію съ живостью и яркостью ночныхъ сновидѣній“ ⁴⁾.

Вторичное поступленіе Аксакова въ гимназію и его жизнь у учителей Запольскаго и Карташевскаго составили новый періодъ, значи-

¹⁾ „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. II, стр. 124—125.

²⁾ Соч. Аксакова, т. I, стр. 226 и 228.

³⁾ Т. I, стр. 230.

⁴⁾ Т. I, стр. 234.

тельно отличающійся отъ перваго; рассказъ объ этомъ періодѣ носить уже совершенно иной характеръ: въ то время какъ начальныя главы „Воспоминаній“ проникнуты личнымъ элементомъ и воспроизводятъ душевную драму, происходившую въ душѣ матери и сына, послѣдующія—знакомятъ насъ до нѣкоторой степени съ жизнью гимназіи и съ товариществомъ юнаго воспитанника. Если прежде малѣйшее напоминаніе о домѣ, природѣ и деревенской жизни способны были совершенно вывести мальчика изъ колен, если онъ не могъ спокойно видѣть кружащагося голубя на подоконной доскѣ или даже деревянный столъ, похожій на принадлежавшій его бабушкѣ ¹⁾,—то теперь онъ полюбилъ гимназію ²⁾, привязался къ своему наставнику, Г. И. Карташевскому, и сталъ лучше сходиться съ товарищами. „Товарищи ли мои были совсѣмъ другіе мальчики, чѣмъ прежде, или я сдѣлался другимъ“—говоритъ Аксаковъ, какъ будто можетъ быть сомнѣніе въ справедливости именно послѣдняго предположенія,—„только я не замѣчалъ несноснаго прежде приставанья или торможенья учениковъ; я сталъ ожидать съ нетерпѣніемъ того времени, когда надо идти въ гимназію“ ³⁾. Въ этомъ періодѣ воспоминанія Аксакова сосредоточиваются около личности его учителя Г. И. Карташевскаго, какъ прежде они сосредоточивались около личности матери. Общій отзывъ Аксакова о жизни у Карташевскаго былъ самый благопріятный: „она продолжалась два года съ половиной“—говоритъ онъ,—„хотя въ концѣ лѣность ея помутилась, но въ благодарной памяти моей сохранились живѣе и отчетливѣе только утѣшительныя картины“ ⁴⁾. Г. И. Карташевскій много способствовалъ и литературному развитію Аксакова, хотя и поселилъ въ немъ предубѣжденіе къ сочиненіямъ Карамзина.

Въ 1805 году былъ основанъ Казанскій университетъ. За неимѣніемъ профессоровъ и студентовъ первые были набраны изъ учителей, а послѣдніе изъ учениковъ гимназіи. Гр. Пв. Карташевскій попалъ въ число профессоровъ, а его питомецъ, С. Т. Аксаковъ, несмотря на его 15-лѣтній возрастъ, въ студенты, оставаясь по прежнему нѣкоторое время подъ ферулой своего ментора. Въ университетѣ Акса-

¹⁾ Т. I, стр. 235.

²⁾ Т. I, стр. 282.

³⁾ Т. I, стр. 281, см. также стр. 298: „въ это время я уже горячо любилъ гимназію, учителей, надзирателей и веселыхъ товарищей“.

⁴⁾ Т. I, стр. 300.

ковъ, увлекаясь театромъ, заражаетъ своею страстью товарищей и организуетъ небольшую студенческую труппу; съ этихъ поръ декламация и сценическое искусство становятся его страстью наравнѣ съ прежними охотническими и коллекторскими увлеченіями; рассказомъ о нихъ и наполнены почти сполна всѣ его воспоминанія объ университетскомъ времени. Нельзя сомнѣваться по всѣмъ вполнѣ правдивымъ рассказамъ Аксакова, что у него былъ недюжинный сценическій талантъ; онъ переживалъ на сценѣ чувства истиннаго артиста: „двигать толпою зрителей“—говорилъ онъ, „овладѣть ихъ чувствами и заставить ихъ слиться въ одно чувство съ выражаемымъ тобою, жить въ это время одною жизнью съ тобою—такое духовное наслажденіе, которымъ долго остается полна душа, которое никогда не забывается“¹⁾. Но при своихъ блестящихъ артистическихъ задаткахъ Аксаковъ, какъ это неизмѣнно бросалось въ глаза и единодушно указывалось всѣми, кто писалъ объ этой порѣ его жизни, отличался „необычайнымъ равнодушіемъ и къ наукѣ и ко всему живому въ литературѣ, и въ политикѣ“.

Въ гимназій, благодаря учителямъ Ибрагимову и Карташевскому, Аксаковъ полюбилъ словесность, но подъ влияніемъ послѣдняго у него образовались слишкомъ старомодные вкусы; онъ является передъ нами почитателемъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Шишкова (тутъ, конечно, имѣли значеніе и впечатлѣнія его дѣтскаго чтенія).

Въ университетѣ онъ сходится въ своихъ симпатіяхъ къ Шишкову съ отсталымъ профессоромъ Городчинновымъ. Но его тяготѣніе къ литературѣ и живое къ ней отношеніе сказалось, несомнѣнно, въ томъ, что онъ съ немногими другими явился основателемъ и руководителемъ Общества любителей россійской словесности при Казанскомъ университетѣ.

Получивъ богатое наслѣдство отъ тетки Куроѣдовой, Аксаковъ, по желанію родителей, оставляетъ университетъ, затѣмъ поселяется въ Москвѣ и, наконецъ, въ Петербургѣ, гдѣ, подъ начальствомъ Г. И. Карташевскаго, служитъ въ комиссіи составленія законовъ. Весьма мало интересуясь тогдашними крупными политическими событіями, Аксаковъ всѣ свои интересы и увлеченія посвящаетъ декламаци и сценѣ. Онъ быстро сходится съ Шущеринымъ и съ Шинковымъ, а затѣмъ въ 1812 году переѣзжаетъ въ Москву, гдѣ вращается въ обществѣ артистовъ и драматическихъ писателей.

¹⁾ Т. I, стр. 358.

V.

Въ первой главѣ своей біографіи Пушкина покойный Стоюнинъ, какъ извѣстно, развиваетъ ту мысль, что Пушкинъ прежде всего и главнымъ образомъ былъ натура артистическая. Что касается С. Т. Аксакова, то, желая опредѣлить основную черту его характера, невольно останавливаешься, кромѣ свойственной болѣе или менѣе всѣмъ художникамъ, тонкой впечатлительности, на томъ, что это былъ человѣкъ въ высшей степени *привязчивый*, миролюбивый и уживчивый, а потому относившійся чрезвычайно благодушно не только къ окружающимъ людямъ и обстановкѣ, но и ко всѣмъ устоявшимся формамъ быта, ко всему искони заведенному. Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ преданія, натура замѣчательно консервативная. Черта эта получаетъ особенную знаменательность, если привести ее въ связь съ славянофильствомъ его сыновей, выросшимъ на почвѣ унаслѣдованной ими отъ отца любви ко всему близкому, родному.

Сергѣй Тимоѣевичъ, несмотря на свою несомнѣнную и замѣчательную даровитость, жилъ всегда преимущественно сердцемъ, не отравляя скептическимъ анализомъ своего душевнаго покоя. Ему дороги были фамилныя преданія, слышанныя имъ въ дѣтствѣ и, безъ сомнѣній, глубоко его занимавшія также и въ зрѣломъ возрастѣ, и въ старости, когда онъ остановился на мысли изложить ихъ въ своей „Семейной Хроникѣ“, и онъ съ любовью и краспорѣчіемъ передаетъ ихъ, невозмутимо повѣствуя о такихъ вещахъ, которыя подъ перомъ другого писателя способны были бы возбудить, быть можетъ, негодованіе и ужасъ. Въ „Семейной Хроникѣ“ Сергѣй Тимоѣевичъ является вполне правдивымъ рассказчикомъ, но нельзя отрицать, что спокойный и умиротворяющій тонъ разсказа невольно даетъ извѣстную благодушную окраску сообщаемымъ фактамъ и въ значительной степени смягчаетъ ихъ убійственно-грустный смыслъ. Какъ „Дубровскій“ Пушкина по существу, но отнюдь не по тону разсказа, заключаетъ въ себѣ безошадный обличительный актъ противъ безобразія нашего стариннаго дворянско-помѣщичьяго класса, такъ же точно и „Семейная Хроника“, и хотя въ то же время оба произведенія ни по замыслу авторовъ, ни по производимому ими первому впечатлѣнію отнюдь не могутъ быть отнесены къ обличительнымъ. Въ „Семейной Хроникѣ“ очень большое значеніе имѣетъ не только спокойствіе, но и глубокое, задушевное сочувствіе автора изображаемымъ лицамъ и быту, заста-

вѣвшее его не совѣмъ безпристрастно и съ особенными подробностями нарисовать и выставить передъ читателями именно „добрый день Степана Михайловича“ и особенно выдвинуть свѣтлыя стороны этого, хотя и не лишеннаго по сравненію съ другими лицами нѣкоторыхъ нравственныхъ чертъ, самодура. Благодаря этому все то, что въ семьѣ того же домостроевскаго типа явилось позорнымъ и отвратительнымъ у другого писателя, раскрывавшаго язвы купеческаго сословія, въ „Хроникѣ“ Аксакова представляется въ значительно иномъ видѣ, хотя помѣщики-дворяне послѣдняго, безъ сомнѣнія, за вычетомъ немногихъ симпатичныхъ ихъ чертъ, принадлежали къ тому же „темному царству“. Въ сущности же семья Багровыхъ—лишь немного облагороженная семья Брусковыхъ съ поразительнымъ соответствіемъ трехъ личностей каждой семьи: самодура-отца, забитой, добродушной матери и добраго, трепещущаго передъ родительской грозой взрослого сына-жениха. Та же наконецъ картина невѣжества, суевѣрій и извращенныхъ взаимныхъ отношеній. Всю жизнь свято хранилъ нашъ писатель въ своей душѣ эту грустную картину, но сила родственной любви и пристрастія была такъ велика, что всему давала совершенно ложную, и если не вполне, то въ весьма достаточной степени утѣшительную окраску.

Годы, проведенные юнымъ Аксаковымъ въ родной деревнѣ въ промежуткѣ отъ 1811 до 1814 г., по всей вѣроятности, отличались, съ нѣкоторыми необходимыми перемѣнами, тѣмъ же характеромъ, какъ и годы его дѣтства и юности. Мы о нихъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что нашъ писатель до того отдалился тогда отъ интересовъ общественныхъ и политическихъ, что весьма равнодушно относился къ волновавшимъ тогда всѣхъ міровымъ событіямъ. Въ 1814 и 1815 году онъ снова живетъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ онъ близко познакомился съ Державинымъ, котораго часто восхищалъ декламацией его стихотвореній. Эта декламация отличалась такой страстной неумѣренностью и производила такое вредное возбуждающее дѣйствіе на старика Державина, что домашніе маститаго поэта были вынуждены наконецъ намекнуть увлекавшемуся Аксакову и даже прямо просить его оставить декламацию, чтобы пощадить здоровье поэта, который, въ свою очередь, постоянными требованіями декламации не мало мучилъ своего гостя.

До сихъ поръ жизнь молодого Аксакова катилась весело и счастливо. Въ 1816 году онъ вступаетъ въ новый періодъ, въ періодъ жизни супружеской и семейнаго счастья, при чемъ это счастье было

въ самомъ дѣлѣ рѣдкимъ и замѣчательнымъ: отъ одной счастливой идилліи Аксаковъ непосредственно перешелъ въ другую, еще счастливѣйшую.

Возвратившись въ концѣ 1815 г. въ Москву послѣ продолжительнаго пребыванія въ деревнѣ, молодой Аксаковъ вмѣсто ожидаемаго служебнаго пристройства нашелъ въ древней столицѣ иное рѣшеніе своей судьбы, имѣвшее капитальное значеніе для всей его послѣдующей жизни. 1816 годъ былъ годомъ женитьбы его на Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной. Переѣздъ изъ родного оренбургскаго края въ шумную и дѣятельно обстраивавшуюся тогда послѣ пожара Москву не могъ не отразиться на всемъ складѣ жизни нашего писателя: отъ береговъ Бугуруслана, отъ упоенія всякаго рода охотой Аксаковъ вновь возвратился къ суетѣ столичнаго свѣтскаго общества и зажилъ совершенно иной жизнью. Въ числѣ другихъ знакомыхъ онъ началъ появляться въ домѣ полковника Заплатина, жившаго на самой окраинѣ города, близъ Донскаго монастыря. Какъ часто бываетъ въ жизни, едва ли могъ думать молодой человѣкъ во время своихъ первыхъ посѣщеній этого дома, что онъ найдетъ въ немъ подругу своей жизни, и тѣмъ болѣе, что ради этой подруги поселится со временемъ навсегда въ Москвѣ, съ которой будетъ такъ тѣсно связана навсегда память не только о немъ самомъ, но и о продолжателяхъ его имени и славы.

Сохранился небольшой альбомъ С. Т. Аксакова маленькаго продолговатаго формата въ зеленомъ сѣфьяномъ переплетѣ ¹⁾, въ которомъ находятся нѣсколько писемъ влюбленнаго жениха къ восторженно обожаемой невѣстѣ, и даже въ сущности не столько писемъ, сколько, такъ сказать, стихотвореній въ прозѣ, пламенныхъ мадригаловъ, въ которыхъ юный Аксаковъ изливалъ страстную любовную тоску въ часы разлуки съ предметомъ своего романтическаго обожанія, привлекавшимъ къ себѣ все помыслы и нѣжныя грезы пламеннаго мечтателя.

Ежедневно видаясь съ своей невѣстой, старательно отыскивая возможность говорить съ ней наединѣ и съ восторгомъ выслушивая признанія съ ея стороны, пылкій молодой человѣкъ по возвращеніи домой тотчасъ же начиналъ томиться страстной любовной тоской и брался за перо, чтобы излить свои чувства въ альбомъ, на первой страницѣ котораго значится: „Моей возлюбленной невѣстѣ. 1816 года

¹⁾ Альбомъ этотъ въ настоящее время принадлежитъ книгопродавцу А. А. Карцеву и приобрѣтенъ имъ вмѣстѣ съ правомъ на изданіе сочиненій С. Т. Аксакова.

апрѣля 24-го дня Москва“. По обыкновенію добраго стараго времени въ этомъ альбомѣ мы находимъ и сентиментальныя стихи, и такую же сентиментальную прозу съ постояннымъ повтореніемъ слова „ахъ“, и размышленія на тему о нѣжности чувствъ и о жестокости любви, и такія нѣжныя и сентиментальныя обращенія къ виновницѣ страстныхъ восторговъ, въ родѣ „несравненная Оллина“, что невольно изумляешься, читая эти письма, написанныя совершенно въ карамзинскомъ стилѣ однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ Шишкова и слѣдовательно какъ бы противникомъ Карамзина. Письма эти являются такимъ образомъ вполне типическимъ порожденіемъ съ одной стороны своего времени и данью существовавшимъ тогда общественнымъ и литературнымъ вкусамъ; съ другой на нашъ взглядъ они не носятъ на себѣ въ сущности ни малѣйшей печати оригинальности, которую невольно ожидаешь встрѣтить въ строкахъ такого необыкновеннаго чловѣка, какъ С. Т. Аксаковъ. Странно, когда, читая ихъ, чувствуешь, что какъ будто имѣешь дѣло съ самыми заурядными упражненіями въ общепринятомъ въ то время въ болѣе интеллигентныхъ кругахъ любовномъ стилѣ. Какой-то заученной и избитой реторикой вѣстъ отъ этихъ, несомнѣнно искреннихъ писемъ (которыя, вѣроятно, читались невѣстѣ при свиданіи; такъ какъ иначе они совершенно не имѣли бы смысла), гдѣ ведется ночью заочная бесѣда не только о нѣжныхъ чувствахъ, но и о томъ, какова погода и благопріятствуетъ ли она завтрашнему свиданію. Вотъ напримѣръ первое изъ этихъ писемъ, помѣченное слѣдующей датой: „25-го апрѣля, двѣнадцатый часъ ночи“:

„Нѣсколько часовъ, милая Оллина, какъ я разстался съ тобою; чрезъ нѣсколько часовъ увижу тебя, а какое-то тайное безпокойство смущаетъ мою душу! Голова моя стѣснена....и сердце замираетъ.... неужели это предчувствіе горести?.. Здорова ли ты? Не огорчена ли чѣмъ?...Нѣтъ, это необходимость быть съ тобою вмѣстѣ, безпрестанно тебя видѣть, слышать и чувствовать твое присутствіе.

Ты хотѣла завтра поутру къ намъ пріѣхать, но теперь идетъ сильный снѣгъ и дождь. Погода очень сыра и нездорова. Я желаю, чтобы ты не пріѣзжала....Пусть увижу тебя нѣсколькими часами поздиѣ, пусть эти часы будутъ для меня ничтожны, тягостны. Я охотно жертвую своимъ спокойствіемъ изъ опасенія, чтобы дурное время не повредило твоему здоровью! Ты и такъ разстроена. Ты мало подкрѣпляешься нищей и сномъ. Ахъ, милая, утишай свою чувствительность, береги себя; я не перенесу твоей болѣзни—почту себя тому причиною.

Уже первый часъ. Слава Богу, я могу сказать, что я увижу тебя *сегодня*, а не *завтра*. Эта мысль меня оживляетъ. Прийди, спасительный и животворящій сонъ, успокой меня, займи мое воображеніе мечтами объ Оллигъ!“

По этому и слѣдующимъ письмамъ легко видѣть, что счастливая звѣзда Аксакова сопутствовала ему и въ эту важную для него пору жизни и кроткимъ, пріятнымъ сіяніемъ озаряла ему новый путь, на который онъ готовился тогда вступить. Повидимому, здѣсь не было никакихъ мучительныхъ затрудненій, никакихъ тучъ на горизонтѣ, подобныхъ хотя бы тѣмъ, какія омрачали когда-то счастье взаимной любви его родителей, не только до бракосочетанія, но и гораздо послѣ него. Никто не противился браку; не было никакихъ мучительныхъ заботъ о будущемъ; оставалось носиться мечтами въ эмпиреяхъ и беспрепятственно пить чашу блаженства, сожалея только о невозможности сохранить навсегда въ полной свѣжести весь волшебный ароматъ молодого любовнаго упоенія. Лѣтопись любви Аксакова къ невѣстѣ поэтому носитъ на себѣ исключительно лирической характеръ.

Во второмъ часу ночи съ 26-го на 27-ое число онъ снова пишетъ невѣстѣ: „Ахъ, милая Оллига, я поступилъ неосторожно; я слишкомъ рано открылъ тебѣ всѣ сокровенные изгибы моего сердца: это можетъ устрашать тебя, смущать!... Пѣть, не опасайся, милая, добрая, скромная Оллига! Души столь чистыя, сердца столь невинныя, какъ у тебя, ничего не должны опасаться! Не думай (умоляю тебя), чтобъ малѣйшая тѣнь сомнѣнія скрывалась въ моихъ мысляхъ! излишняя откровенность моя не должна ли ясно открытъ неограниченную мою къ тебѣ довѣренность? Уже нѣсколько дней, какъ съ каждымъ изъ нихъ увеличивается мое благополучіе, но вчерашній вечеръ погрузилъ меня въ блаженство!...Боже мой, чѣмъ заслужилъ я твою великую милость? какую душу ты передо мною открыла, какія чувства, какія правила? Ахъ, Оллига, твоя любовь будетъ вѣчнымъ источникомъ моего блаженства. Съ какимъ восхищеніемъ слышалъ я отъ тебя упрекъ и сомнѣніе въ силѣ и постоянствѣ чувствъ моихъ. Въмѣсто огорченія новый пламень любви по нервамъ моимъ разливался!... Я торжествовалъ!

Какъ небесная гармонія открываются и теперь еще въ ухахъ моихъ восхитительные звуки твоего голоса: „Я люблю тебя! я счастлива!“ Ахъ, эти слова будутъ для меня утѣшеніемъ въ скорби, исцѣленіемъ въ болѣзняхъ и отрадою въ несчастіяхъ, если Провидѣнію угодно будетъ прислать ихъ на меня.

Черезъ двѣнадцать часовъ я тебя увижу. Ахъ, какъ бы я желалъ ускорить полетъ времени, безъ тебя мною проводимаго, и замедлить его, когда бываю съ тобой. Сегодня я не могу быть такъ счастливъ, такъ наслаждаться, какъ вчера—мы будемъ окружены людьми; ихъ холодное присутствіе, глупое приличіе не допуститъ сердца наши такъ изливаться, какъ вчера въ блаженномъ уголку“.

Какъ видно изъ писемъ, составляющихъ содержаніе альбома, виновникомъ своего счастья С. Т. Аксаковъ считалъ иѣкоего Кавелина, который былъ, очевидно, такъ или иначе посредникомъ въ первомъ сближеніи его съ будущей невѣстой, едва ли только въ томъ смыслѣ, что онъ ихъ лишь познакомилъ. О любви своей Аксаковъ ясно говоритъ въ одномъ изъ писемъ, что она „родилась не отъ перваго взгляда“ и что она созрѣвала и возрастала, по мѣрѣ того, какъ онъ съ предметомъ своей любви постепенно узнавали другъ друга, что сначала онъ даже избѣгалъ этого чувства (впрочемъ, не въ отношеніи къ какой-нибудь опредѣленной личности, а вообще), но незамѣтно для него любовь завладѣла всѣмъ его существомъ и притомъ проявлялась такими страстными и бурными порывами, что именно эта чрезмѣрная страстность являлась единственной причиной, омрачавшей ихъ блаженство. Доходило даже до того, что нетерпѣливый женихъ оскорблялъ свою невѣсту упреками въ холодности, тогда какъ она съ своей стороны излишней пылкостью чувствъ разстраивала свое здоровье настолько, что доктора находили нужнымъ предостеречь ее отъ неумѣренныхъ душевныхъ восторговъ, предупреждая, что этотъ душевный восторгъ даже „вреднѣе всякихъ, самыхъ презрительныхъ“.

2-го іюня 1816 г. въ церкви Симеона Столпника на Поварской совершилось бракосочетаніе. Мы имѣемъ любопытное поздравленіе молодому отъ друга Аксакова, извѣстнаго идиалиста В. И. Панаева.

„Поздравляю тебя со вступленіемъ въ обширное и просторное море житейское. Ай да философъ! „Я женюсь!“ сказалъ ты при прощаніи. Миѣ казалось это шуткою, анъ вышло совсѣмъ напротивъ. Интересно! Если Высшая Власть управляетъ всѣми нашими дѣйствіями, то почему хотѣлось противиться ей, когда дѣлаемъ такой важный въ жизни шагъ, каково супружество?—Отъ того-то, можетъ быть, большая часть нынѣшнихъ браковъ ни то, ни се. Кто женится болѣе по разсудку, нежели по любви, тотъ сберегаетъ для переду (sic) много лишнихъ удовольствій. Чтò новаго откроетъ въ супругъ своей любовникъ, пристрадавшій два или три года, и пламенное же-

ланіе чего-либо достигнуть, не оставляетъ ли по достиженіи нѣкоторой въ сердцѣ пустоты? Такова натура человѣческая.

Но полно философствовать. Прошу откомендовать меня своей супругѣ и засвидѣтельствовать ей истинное почтеніе любящаго тебя

В. Панаева“.

VI.

Жизнь Сергѣя Тимофеевича Аксакова въ зрѣлую пору можетъ быть раздѣлена на три періода: до женитьбы, послѣ женитьбы до поступленія старшаго сына Константина Сергѣевича въ университетъ и остальное время до кончины. Въ судьбѣ нашего писателя мало имѣли значенія внѣшнія грани, напримѣръ, неоднократное поступленіе на службу и выходъ въ отставку, переѣзды изъ имѣнія въ Москву и обратно; все это не было важно; но при впечатлительности и мягкости его характера на него всегда оказывали огромное вліяніе знакомства и дружескія связи. Онъ всегда жилъ преимущественно интимной жизнью, которой отдавался вполне. Наклонности и пристрастія, образовавшіяся во время отрочества, и новыя увлеченія юности сохраняли для него обаяніе въ теченіе всей жизни, но къ нимъ постоянно присоединялось что-нибудь изъ послѣдующихъ душевныхъ наслоеній, и эти наслоенія сильно зависѣли отъ интимныхъ сближеній. Благодаря такому складу его характера женитьба должна была составить эпоху въ его жизни, тѣмъ болѣе, что жена его не только обладала сильнымъ характеромъ, но и вообще была личностью исключительной, выдающейся. Это была женщина строгихъ правилъ, съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь; ея твердый нравственный закалъ и ровное авторитетное воздѣйствіе на окружающихъ при совершенномъ отсутствіи деспотическаго гнета объясняетъ намъ ту своеобразную и чрезвычайно важную роль, которую она играла въ своей семьѣ. Достаточно сказать, что семья эта, имѣющая полное право на названіе образцовой, была создана больше всего любящимъ и замѣчательно выдержаннымъ характеромъ Ольги Семеновны, ея рѣдкимъ тактомъ, ея умомъ и сердцемъ, а между тѣмъ она достигла этого незамѣтно, не только не выдвигая себя на первый планъ, но даже не имѣя притязанія ни на какое нравственное преобладаніе, но совершенно естественно, скромно и незамѣтно исполняя свой высокій долгъ. Ея назначеніе было сохранять въ семьѣ внѣшній порядокъ и внутреннюю гармонію. Она вносила въ нее теплый, ровный свѣтъ и, не уступая

своему мужу въ сердечности, далеко превосходила его моральной устойчивостью. При такомъ характерѣ жены семейная жизнь, можно сказать, имѣла воспитывающее дѣйствіе и на самого Сергѣя Тимооевича, культивируя въ немъ все доброе и смягчая и сглаживая его слабости и недостатки ¹⁾. Знакомые очень цѣнили ея мнѣнія, но она не заслоняла собой для нихъ своего мужа, что объясняется столько же ея даровитостью, сколько и вышеуказанными симпатичными свойствами ея личности. Впослѣдствіи дѣти въ своихъ письмахъ преимущественно обращались къ отцу, который пользовался самой нѣжной ихъ любовью, а Ольга Семеновна съ перваго взгляда какъ будто оставалась для нихъ на второмъ планѣ, но въ то же время видно, что родители составляли для нихъ нераздѣльное цѣлое.

Семейныя отношенія Аксаковыхъ, сложившіяся на свѣтломъ фонѣ общей любви и матеріальнаго довольства, отличались сердечностью и теплымъ радушіемъ. Въ ихъ домѣ царствовало тихое счастье; здѣсь все было основано на полной свободѣ и взаимномъ доброжелательствѣ, деспотизма или муштровки не было и въ поминѣ. Сергѣй Тимооевичъ былъ добрымъ гениемъ своей семьи и знакомыхъ; на его душевномъ горизонтѣ почти никогда не показывались тучи, и онъ бывалъ отъ души радъ своимъ многочисленнымъ посѣтителямъ. Никого не стѣсняя, онъ былъ далекъ отъ желанія быть главой или повелителемъ въ семьѣ. Онъ былъ добрый другъ, благодушный хозяинъ, приятный собесѣдникъ, а нерѣдко и живой, увлекающійся партнеръ въ карточной игрѣ. У него въ домѣ всѣ держали себя съ полной непринужденностью, и дѣти не составляли исключенія. Они не росли въ отчужденіи отъ родителей, какъ это иногда бываетъ, но принимали участіе, насколько это было имъ доступно, во всѣхъ интересахъ старшихъ, и даже литературныя дѣла и труды отца были имъ такъ же близки, какъ и ему всякая мелкая подробность ихъ домашней или училищной жизни. Не будучи удалены отъ общества взрослыхъ, они относились съ самой искренней любовью къ знакомымъ и роднымъ, а не играли только съ ихъ дѣтьми. Иногда, можетъ быть, они даже черезчуръ свободно осыпали ласками гостей, судя по тому, что Погодинъ однажды записалъ въ своемъ дневникѣ о томъ, что у Аксакова дѣти „облѣпили его“ ²⁾, но, насколько мы знаемъ, эта при-

¹⁾ Известно, что С. Т. Аксаковъ, очень склонный къ увлеченіямъ, легко поддавался страсти къ картамъ и проч.

²⁾ См. „Жизнь и труды Погодина“, II, 320.

вѣтливая развязность дѣтей производила скорѣе хорошее впечатлѣніе, и могла съ своей стороны только способствовать общему отрадному настроенію въ этомъ домѣ, гдѣ знакомые привыкли отдыхать душой. „Девять человѣкъ дѣтей около стола!“ восклицала въ умиленіи Погодинъ ¹⁾).

Всѣ члены семьи были соединены рѣдкимъ единодушіемъ, полнымъ согласіемъ вкусовъ, наклонностей и привычекъ, а съ годами на этой почвѣ утверждалась глубокая внутренняя связь, заключающаяся въ общности убѣжденій и симпатій. И все это создавалось не какой-нибудь обдуманной и опредѣленной системой, но счастливымъ соединеніемъ въ этой „настоящей“ семьѣ именно тѣхъ началъ, которыя имѣютъ высокое воспитательное значеніе, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что это благодѣтельное вліяніе было именно тѣмъ дѣйствительнѣе и плодотворнѣе, что оно было совершенно естественное и невольное; гдѣ сама собой заложилась такая правильная почва воспитанія, тамъ нѣтъ нужды ни въ какихъ искусственныхъ воздѣйствіяхъ и приемахъ. Въ этой семьѣ всѣ члены ея были безусловно преданы другъ другу, но при общемъ семейномъ ладѣ всѣ боготворили особенно „отесеньку“ (такъ называли дѣти С. Т. Аксакова), котораго при томъ видѣли окруженнымъ общей любовью даже постороннихъ; неудивительно, что своя семья относилась къ нему съ чувствомъ умиленной привязанности и задумчиваго благоговѣнія. Въ письмахъ другъ другу у Аксаковыхъ было принято подписываться не иначе, какъ „твой отецъ и другъ“, „твой братъ и другъ“, и это имѣло глубокій смыслъ и вовсе не было безсодержательной формой.

Въ семьѣ Аксаковыхъ сентябрь былъ мѣсяцемъ домашнихъ праздниковъ, когда стекались: 8-го сентября рожденіе Миши Аксакова, 17-го именины четырехъ сестеръ и двоюродныхъ сестеръ, а также тетокъ, изъ которыхъ особенно любимой была жившая, впрочемъ, въ Петербургѣ Надежда Тимоеевна Карташевская, 25 — именины Сергѣя Тимоеевича и 26 — день рожденія Ивана Сергѣевича. Самое большое торжество было, конечно, 25-го, когда, по словамъ письма къ Сергѣю Тимоеевичу одного изъ отсутствующихъ членовъ семьи, „поутру, еще когда вы были въ постели, вѣрно, всѣ братья и сестры пришли васъ поздравлять и по обыкновенію обсѣли вокругъ васъ и разговаривали“. Любопытно при томъ, что семейныя воспоминанія у всѣхъ Аксаковыхъ соединялись даже съ привязанностью къ тѣмъ

¹⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 249.

квартирамъ, гдѣ они когда-нибудь жили, и они часто, говоря другъ съ другомъ о прошломъ, прибавляли: въ Куракинскомъ домѣ, въ домѣ Штюмера, на Сѣнной и проч. Но самыя дорогія воспоминанія были для нихъ связаны съ подмосковнымъ дачнымъ мѣстомъ Богородскимъ, куда они въ тридцатыхъ годахъ постоянно ѣздили на лѣтнее время, оставаясь тамъ до глубокой осени, что продолжалось почти до покупки, недалеко отъ Троицкой лавры, села Абрамцева. Виды этого села неоднократно срисовывались юными членами семьи.

Былъ у Аксаковыхъ еще совершенно особенный праздникъ, придуманный Константиномъ Сергѣевичемъ,—праздникъ Вячки, въ честь одного мало извѣстнаго древнерусскаго витязя, выбросившагося изъ башни при осадѣ Кугегавена, чтобы не сдаться нѣмцамъ. Праздникъ этотъ чествовался ежегодно 30-го ноября слѣдующимъ образомъ: „Въ этотъ день, вечеромъ, Константинъ Сергѣевичъ наряжался съ братьями въ желѣзные латы, шлемы и проч., маленькія сестры въ сарафаны, всѣ вмѣстѣ водили хороводы и пѣли пѣсню, сочиненную Константиномъ Сергѣевичемъ для этого случая. Затѣмъ слѣдовало угощеніе,—непримѣнно сладкое,—пили медъ, ѣли пряники, орѣхи и смоквы“ ¹⁾. Одинъ изъ братьевъ, учившійся въ Петербургѣ, писалъ однажды Константину Сергѣевичу: „Милый братъ Костя, праздникъ Вячки я не забылъ и сталъ пѣть въ 6 часовъ пѣсню, но почти ничего не вспомнилъ, можетъ быть, потому, что въ это время надо было учить много статистики! Въ десять часовъ, когда я легъ, я сталъ думать о васъ и больше половины пѣсни вспомнилъ и пропѣлъ; и такъ, я тоже праздновалъ и вспоминалъ о васъ, какъ и вы, вѣроятно, вспоминали меня, съ той только разницей, что вы пили медъ и ѣли сладкое, а я ѣлъ кусокъ чернаго хлѣба“.

Точно также случайно отсутствовавшіе или обучающіеся въ другомъ городѣ младшіе члены семьи охотно переносились мыслями при каждомъ удобномъ случаѣ въ свою домашнюю обстановку, интересуясь вмѣстѣ съ тѣмъ всякими подробностями до такой степени, что въ письмахъ встрѣчаются воспоминанія и вопросы, касающіеся такихъ любимыхъ занятій семьи, какъ напримѣръ, рыбная ловля („рыбѣшки-верховка перестаетъ ли клевать? Стыдно карасямъ!“ и проч.). Была даже цѣлая переписка о томъ, какъ Константинъ Сергѣевичъ поймалъ линя; однажды одинъ изъ братьевъ Аксаковыхъ писалъ отцу: „что за счастливецъ! выудить линя! Досадно, что не при мнѣ! Я

¹⁾ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ, т. I, ст. 21.

забылъ спросить, на что Костя выудилъ лinya: на хлѣбъ или на червяка?“ „Вчера сталъ въ училищѣ вспоминать, какъ мы ходили на охоту“ и проч. Нечего и говорить, съ какимъ интересомъ сыновья разспрашивали въ письмахъ объ отдѣлкѣ квартиры, о какой-нибудь поѣздкѣ отца въ Оренбургъ и т. п., при чемъ въ послѣднемъ случаѣ къ любопытству присоединялось иногда живое безпокойство. Всякій прѣѣзжій изъ Москвы ожидался, какъ посланникъ рая. Самъ уѣхавшій членъ семьи дѣлать всегда подробный докладъ о всемъ пережитомомъ.

Таковы были внутреннія основы Аксаковской семьи ¹⁾.

VII.

Въ 1827 г. С. Т. Аксаковъ, благодаря Шишкову, получилъ должность цензора въ вновь учрежденномъ цензурномъ московскомъ комитетѣ, помѣщавшемся на Воздвиженкѣ въ домѣ предсѣдателя кн. Менцерскаго. Это назначеніе имѣло для него большую важность въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, оно доставило ему возможность остаться на жительство въ Москвѣ и безбѣдно существовать въ ней, а съ другой вовлекло въ цѣлый рядъ новыхъ отношеній, изъ которыхъ многія обратились потомъ въ дружбу. Такъ было, напримѣръ, съ Погодинимъ. Другъ Аксакова, А. Н. Казначеевъ, поздравляя его полученіемъ должности, писалъ ему: „ты хорошо слѣдѣшь, что переѣхалъ въ Москву и возвращаешься въ службу. Чинъ малъ, эка бѣда!

¹⁾ Въ литературѣ въ это время Сергій Тимофеевичъ принималъ участіе пока разными мелкими проповѣдями и часто былъ не совсѣмъ доволенъ господствовавшими литературными партіями и направленіями. Однажды, другъ его, А. И. Казначеевъ, писалъ ему по поводу какой-то присланной имъ сатиры для передачи ихъ общему знакомому Кикину: „Какъ нестата прислалъ ты, мой другъ, сюда сатиру свою для Кикина: онъ только вчерась (sic) уѣхалъ въ Москву по смерти жены брата своего. Я думаю обратно послать книжку. Скажи, пожалуйста, отчего, какъ пишешь, не занимаешься ты ничѣмъ съ удовольствіемъ? развѣ отъ того, что москвичи приторны? Шутки въ сторону, а торжествующіе якобинцы, или, лучше сказать, буяны въ словесности хоть отъ кого отобьютъ охоту къ жертвоприношеніямъ сей благородной отрасли наукъ.“ Изъ дальнѣйшаго содержанія письма видно, что Сергій Тимофеевичъ готовъ былъ по неудовольствію критикой дать зарокъ заниматься литературой, „но“—продолжаетъ Казначеевъ.—„тебѣ не должно оставлять музы. Сатира твоя переведена весьма недурно. Есть нѣкоторые неплавные стихи, но есть весьма хорошіе и, вообще, переводъ гладокъ. Мы не сравниваемъ сатиру сію съ подлинникомъ, но читая оную не какъ переводъ, а какъ сочиненіе, и *буяны словесной республики немного найдутъ себя поживы*“.

Послужимъ—будетъ побольше. А притомъ надобно отдать справедливость нашему вѣку: человѣкъ съ просвѣщеніемъ, умомъ и честностію въ большемъ уваженіи и предпочтеніи, нежели чиновный невѣжда. Мы видимъ часто старшихъ чинами подъ командою у младшихъ. Должность цензора тебѣ прилична и ты ее спесешь. Блудовъ любить умничать, но вѣрно не пойдетъ противъ дяди. Старикъ, мнѣ кажется, стоитъ уже подъ пословицей: „Les extrémités se touchent“, т. е. возвращается къ дѣтству. Съ тѣхъ поръ какъ женился, онъ ни строки мнѣ не пишетъ. Впрочемъ, можно и кромѣ министерства просвѣщенія найти мѣсто. Объ этомъ подумаемъ вѣснѣе“.

Иногда случалось, что знакомство по цензурѣ начиналось съ пререканій, причемъ Аксаковъ, какъ цензоръ, не всегда производилъ благопріятное впечатлѣніе, особенно на мало знакомыхъ съ нимъ людей, но потомъ, когда у него устанавливались съ тѣми же лицами болѣе близкія отношенія, онъ навсегда завоевывалъ ихъ симпатіи, какъ человѣкъ ¹⁾.

Съ полученіемъ новой должности въ жизни Аксакова произошелъ переломъ въ томъ смыслѣ, что на безпечнаго декламатора обрушились теперь отвѣтственныя обязанности; до сихъ поръ Аксаковъ занимался переводами и невиннымъ участіемъ въ дилетантскихъ литературныхъ упражненіяхъ; теперь онъ получилъ власть вязать и рѣшать и былъ втянутъ въ бурный омутъ литературныхъ интригъ. Прежде Аксаковъ вращался въ кругу своихъ театральныхъ друзей; теперь его литературныя отношенія значительно расширяются и усложняются. Онъ не всегда могъ угодить своей критической и цензурской дѣятельностію, и В. П. Титовъ, сообщая о недовольствѣ Пушкина критиками на „Евгенія Онѣгина“, мимоходомъ очень нехлестно отзывался и о разборѣ Аксакова. Къ Полевому Аксаковъ подружески любилъ относиться изъ-за отзывовъ объ его другѣ водевилиствѣ Писаревѣ и о его собственныхъ сочиненіяхъ.

Полевой былъ впрочемъ единственнымъ непримиримымъ врагомъ

¹⁾ Приводимъ здѣсь первое письмо Погодина къ Аксакову по поводу „Сценъ изъ Фауста“ Пушкина. „Посылаю Вамъ, Милостивый Государь Сергѣй Тимофеевичъ, „Фауста“, прочтеннаго самимъ Царемъ. Онъ также не скрѣпилъ, но, и думаю, можно имѣть довѣренность официальную къ письму Пушкина, не говори уже о бумагахъ.“

Если ставете подписывать, то прошу васъ подписать на листовомъ оригиналѣ, а царскій мнѣ хочется сохранить.

Вашъ покорный слуга

М. Погодинъ“.

Аксакова; въ большинствѣ же случаевъ послѣднему, какъ сказано, удавалось скоро расположить къ себѣ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло. Важно было прежде всего, что это былъ человѣкъ добрый и обязательный, чуждый бездушнаго формализма. Погодинъ прямо считалъ себя кругомъ обязаннымъ его цензурской мягкости: въ трудное для него время, когда подъ вліяніемъ свѣжихъ воспоминаній о бунтѣ декабристовъ, находились люди, выставившіе его „Московский Вѣстникъ“ отголоскомъ событій 14 декабря, Аксаковъ, не поддававшійся такимъ вздорнымъ сплетнямъ, былъ для Погодина находкой. „Въ качествѣ редактора журнала“—писалъ Погодинъ—„я боялся слишкомъ часто показываться въ обществѣ людей, подозрительныхъ для правительства, и, дѣйствительно, мнѣ пришлось бы плохо, если бы въ цензурномъ комитетѣ не занялъ наконецъ мѣста Сергій Тимоеевичъ Аксаковъ; онъ принялъ къ себѣ на цензуру „Московский Вѣстникъ“, и мы съ Шевыревымъ успокоились“. Въ свою очередь, С. Т. Аксаковъ отмѣтилъ: „съ издателемъ „Московского Вѣстника“ М. П. Погодинымъ и сотрудникомъ его С. П. Шевыревымъ я познакомился и сблизился очень скоро“¹⁾. Погодинъ одинъ изъ первыхъ журналистовъ „явился“ къ Аксакову, который на первыхъ же порахъ оказалъ ему услугу, когда придирчивый предсѣдатель комитета Мещерскій, „чтобы внушить къ себѣ полное уваженіе“, призналъ неразборчивую и мелко написанную представленную ему рукопись, тогда какъ Аксаковъ „сказалъ предсѣдателю, что это слишкомъ строго, что если у него не слабы глаза, рукопись прочесть очень можно“²⁾. Послѣ этого хотя онъ имѣлъ въ печали споръ съ Погодинымъ по поводу замѣчаній на „Исторію Государства Россійскаго“, но они мало-по-малу начинаютъ часто посѣщать другъ друга; Погодинъ пріѣзжаетъ на аксаковскіе вечера, играетъ тамъ въ карты, бесѣдуетъ о литературныхъ новостяхъ, сблизается съ аксаковскимъ кружкомъ и, наконецъ, пріѣзжаетъ туда по вечерамъ запросто отвести душу, посоветоваться о чемъ-нибудь, что-нибудь поразсказать. Когда дѣла „Московского Вѣстника“ пошли плохо, Погодинъ задумалъ было даже передать свой журналъ С. Т. Аксакову. Послѣдній познакомилъ Погодина съ Шишковымъ³⁾, и вмѣстѣ они входятъ въ близкія отношенія къ Венелину. Черезъ Погодина же Аксаковъ сблизился съ

¹⁾ Жизнь и труды Погодина, т. II, стр. 70.

²⁾ Жизнь и труды Погодина, т. II, стр. 139 и проч.

³⁾ Т. II, стр. 375.

Шевыровымъ, сопровождавшимъ его въ 1829 г. въ поѣздкѣ въ Петербургъ, когда проектировавшееся преобразование цензурныхъ учреждений угрожало Аксакову потерей мѣста въ цензурномъ комитетѣ ¹⁾).

С. Т. Аксаковъ принималъ нѣкоторое участіе въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и собственными литературными трудами, но это были не болѣе, какъ остроумныя шутки, какъ напримѣръ „Рекомендація министра“, за которую ему потомъ чуть не досталось. Погодинъ необыкновенно интересовался его критическими отзывами. Когда онъ окончилъ свою „Марю посадицу“, онъ съ восторгомъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Копчилъ! кончилъ! Слава Богу и помолился. *Надо бы послать сказать Аксаковымъ*“ ²⁾. То же повторилось, когда онъ окончилъ своего „Петра“, которымъ особенно восхищалась Ольга Семеновна. Рѣшившись продолжать въ 1830 г. изданіе „Московского Вѣстника“, онъ приглашаетъ къ себѣ въ ближайшіе сотрудники своихъ друзей: Мих. А. Дмитріева и Аксакова. Аксаковъ же ободрялъ Погодина во время его колебаній и опасеній, хотя самъ боялся быть высланнымъ изъ Москвы за „Рекомендацію министра“. И въ домашнихъ и даже сердочныхъ дѣлахъ Погодина Аксаковы принимали близкое участіе, при чемъ особенное почтеніе и благодарность внушила ему Ольга Семеновна. С. Т. Аксаковъ однажды писалъ Шевыреву, по поводу покупки Погодинымъ дома на Дѣвичьемъ полѣ: „Погодинъ теперь у насъ владѣтельный герцогъ въ княжескомъ своемъ домѣ“. Но, полюбивъ Погодина, онъ часто съ нимъ не сходилъ и спорилъ: „грѣхъ сказать“,—писалъ онъ Погодину—„чтобъ я рѣдко сердился на васъ, возлюбленный Михайль Петровичъ, — да только на минуту“ ³⁾. Аксаковъ нерѣдко побуждалъ своего пріятеля принять участіе въ какой-нибудь достойной личности, напримѣръ, К. Θ. Калайдовичѣ, въ Юріи Венелингѣ и въ племянникѣ А. С. Шишкова. Вмѣстѣ съ Щепкинымъ они любили втроемъ заходить въ Троицкій трактиръ, при чемъ Щепкинъ рассказывалъ имъ что-нибудь о Малороссіи. Съ Аксаковымъ же Погодинъ любилъ праздновать по поводу какихъ-либо пріятныхъ политическихъ извѣстій. Въ 1831 г., во время холеры, разлученный надолго съ своимъ пріятелемъ, онъ волновался за участь дорогого для него семейства, а когда Погодину пришла мысль о возможности скоронестижной смерти, онъ рѣшилъ было на-

¹⁾ Жизнь и труды Погодина, т. II, стр. 219—220.

²⁾ Барсуковъ, III, 31.

³⁾ Тамъ же, стр. 102 и 105.

писать письмо къ Аксакову и завѣщаніе, но вскорѣ въпрочемъ раздумалъ и отиѣнилъ свое рѣшеніе.

Въ 1831 г. прекратился „Московскій Вѣстникъ“, и Погодинъ долженъ былъ примкнуть къ журналамъ, издаваемымъ Надеждинымъ— „Телескону“ и „Молитвѣ“. Такая второстепенная роль послѣ самостоятельнаго редакторства,— хотя и теперь ему выпало довольно замѣтное участіе въ журналахъ товарища по университетской кафедрѣ, — была Погодину не вполнѣ по душѣ, тѣмъ болѣе, что онъ относился— и въ этомъ случаѣ справедливо— съ осужденіемъ къ нападкамъ Надеждина на Пушкина. Шевыревъ, конечно, послѣдовалъ примѣру Погодина, примкнулъ къ названнымъ журналамъ и, такимъ образомъ, возникло новое литературное товарищество. С. Т. Аксаковъ сочувствовалъ этому союзу, тѣмъ болѣе, что самъ любилъ и уважалъ Надеждина, но вскорѣ оказалось, что союзъ этотъ не проченъ. По окончаніи холеры Погодинъ снова часто навѣщаетъ Аксаковыхъ, играетъ у нихъ въ бостонъ, дѣлится съ ними радостными патриотическими впечатлѣніями и тревожными цензурными или полемическими; ежегодно встрѣчаетъ у нихъ новый годъ. Когда однажды Сергѣй Тимофеевичъ поѣхалъ съ старшимъ сыномъ Константиномъ въ свою Симбирскую деревню, Ольга Семеновна, восхищавшаяся въ то время „Петромъ“ Погодина и радовавшая автора своимъ сочувствіемъ, нуждалась, въ свою очередь, въ его дружескомъ участіи и сама ободрила его въ его литературныхъ опасеніяхъ. Но неаккуратность въ денежныхъ дѣлахъ была иногда причиной небольшихъ неудовольствій на Погодина со стороны Аксакова. Однажды онъ написалъ ему записку слѣдующаго содержанія: „Я на васъ сѣтую, какъ можно такъ неаккуратно поступать въ денежныхъ дѣлахъ? Помните, вѣдь вы брали на два дня! Я долженъ записать. Прошу васъ найти средства со мною расплатиться. Дружба дружбой, а деньги— деньгами“ ¹⁾.

Больше всего Аксаковы сходились съ Погодинымъ на почвѣ патриотической, но часто патриотизмъ ихъ проявлялся въ крайне странной формѣ, обращаясь въ узкое отстаиваніе всего не только русскаго, но московскаго и недовѣріе ко всему петербургскому и прежде всего къ петербургскимъ литераторамъ, что особенно сказалось по поводу извѣстнаго „Новоселья“ Смирдина. Въ этомъ альманахѣ петербуржцевъ Аксаковы усмотрѣли что-то непозволительное и, несмотря на участіе въ чествованіи Смирдина Пушкина, Вяземскаго, Жуковскаго,

¹⁾ Тамъ же, 322—323.

Одоевскаго и другихъ, заговорили о „необходимости оппозиціи“. Къ сожалѣнію, на эту тему много толковали и супруги Аксаковы, такъ что въ концѣ концовъ Погодинъ оказался даже терпимѣе и разсудительнѣе ихъ, принявши наконецъ и самъ участіе въ этомъ, якобы еретическомъ, альманахѣ. Быть можетъ, и въ другихъ случаяхъ онъ оказывался нерѣдко умѣреннѣе Аксаковыхъ, такъ какъ, напримѣръ, однажды онъ въ шутку выразился такъ о Сергѣѣ Тимофеевичѣ: „Петръ Великій открылъ дворъ въ Европу, а Аксаковъ хочетъ ее заколотить“, по въ вопросѣ о происхожденіи Руси „Аксаковы“, по словамъ Погодина, „были изъ варяговъ“. Съ другой стороны нѣкоторые изъ современниковъ подозрѣвали Аксакова, какъ цензора, въ личныхъ пристрастіяхъ, и сюда слѣдуетъ отнести не только нареканія на него Полевого, но и другихъ лицъ, и случалось, что подозрѣвали вліяніе на Аксакова также со стороны Погодина. И. М. Снегиревъ писалъ однажды Анастасевичу: „Аксаковъ въ дружбѣ и сотрудникъ Погодина, пропустилъ наглую и клеветническую брань на мою рѣчь, одобренную университетомъ, поставляя опечатки въ опибки и дѣлами обидными для лица и мѣста выходки“¹⁾. Въ 1832 г. закончилась цензорская дѣятельность Аксакова. Онъ навлекъ на себя неудовольствіе властей за пропускъ журнала П. Кирѣвскаго „Европеецъ“, гдѣ была, между прочимъ, напечатана статья „Девятнадцатый вѣкъ“, въ которой подъ словомъ „просвѣщеніе“, по мнѣнію проникательныхъ людей, разумѣлась свобода, подъ дѣятельностью разума—революціа, а подъ выраженіемъ „искусно отысканная середина—конституція“. За пропускъ этой-то статьи и баллады „Двѣнадцать спящихъ будочниковъ“ Аксаковъ и былъ лишенъ мѣста. Погодинъ объ этомъ такъ извѣщалъ Шевырева: „Отставили нашего благороднаго, нашего добраго Аксакова! Какой-то пьяница написалъ глупую книжонку. Аксаковъ пропустилъ, ибо не могъ не пропустить, когда у насъ играютъ „Ябеду“²⁾. Погодинъ, очевидно, считалъ непозволительнымъ и опаснымъ благородное обличеніе общественныхъ неправдъ, какъ видно изъ послѣднихъ приведенныхъ его словъ. Сожалѣя объ отставкѣ Аксакова, онъ больше всего горевалъ за Ольгу Семеновну, которую любилъ и уважалъ до того, что обыкновенно выражался о ней: „О. С. *всѣми*“ или называлъ ее своей „первой начальницей“³⁾.

¹⁾ Жизнь и труды Погодина, III, 164.

²⁾ IV, 12—13.

³⁾ Тамъ же, т. III, 105 и IV, 182.

VIII.

1832 годъ былъ знаменательнъ для Аксаковыхъ и въ другомъ отношеніи. Въ это время старшему сыну ихъ, Константину Сергѣевичу, минуло уже пятнадцать лѣтъ. Это былъ очень живой и воспріимчивый юноша, обладавшій богатыми способностями и склонный къ увлеченіямъ, изъ которыхъ инныя несомнѣнно унаслѣдовалъ отъ отца; сюда слѣдуетъ отнести его страстную любовь къ рыбной ловлѣ и особенно къ ружейной охотѣ. Живостью характера и умомъ онъ возбуждалъ симпатію во всѣхъ знакомыхъ, но при своей блестящей даровитости и привлекательной натурѣ, имѣлъ одинъ недостатокъ, заботившій его родителей — безпечность и даже просто лѣнь. Пора было подумать о серьезномъ его образованіи, и рѣшено было готовить его прямо въ университетъ, а чтобы обезпечить успѣхъ подготовительныхъ занятій, родители рѣшили отдать его въ домашній пансіонъ Погодина. Это былъ самый естественный выборъ при близости отношеній къ Погодину и авторитетности послѣдняго въ университетской корпораціи и какъ опытнаго и надежнаго педагога. Были кромѣ того и другія побудительныя причины въ данномъ случаѣ: у Погодина жилъ и занимался съ его пансіонерами Венелинъ, который давалъ также частныя уроки и у Аксаковыхъ, и такимъ образомъ вся обстановка для юноши—что было важно при его тепличномъ воспитаніи—была домашняя, почти родственная; наконецъ, быть можетъ, имѣло значеніе и то, что матеріальное положеніе Аксаковыхъ стало теперь, съ оставленіемъ С. Т.—чемъ цензорскаго мѣста, затруднительно, и есть основаніе думать, что Погодинъ, заботясь о привлеченіи къ себѣ пансіонеровъ, самъ предлагалъ свои услуги нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, съ которыхъ не желалъ брать дорогой платы. По крайней мѣрѣ по выдержаніи Константиномъ Сергѣевичемъ экзамена въ университетъ онъ обидѣлся, что послѣдняго не хотѣли оставить у него въ пансіонѣ, приписывая это щепетильности Аксаковыхъ въ денежномъ отношеніи, на что Сергѣй Тимоѣевичъ отвѣтилъ ему такъ: „Если вы подумали, что я не переселяю къ вамъ Костю, совѣстясь не платить за него денегъ, то вы ошиблись. Съ самаго перваго важнаго дружескаго и обязательнаго предложенія я сказалъ бы вамъ, что я не могу платить и не могу пользоваться даромъ вашимъ добрымъ намѣреніемъ. Но я давно рѣшился, хотя не безъ затрудненій,

хотя вполне чувствовалъ вашу дружбу“¹⁾. Изъ дальнѣйшаго содержанія отвѣтнаго письма Аксакова ясно, что инициатива помѣщенія Константина Сергѣевича въ пансіонъ Погодина вообще исходила отъ послѣдняго и это, вѣроятно, сопровождалось разговоромъ о льготахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ странно было бы объяснять упомянутое колебаніе Аксаковыхъ въ связи съ ихъ тогдашнимъ матеріальнымъ положеніемъ. Въ этомъ отвѣтномъ письмѣ, безъ сомнѣнія, правдиво изложены впрочемъ и нравственныя затрудненія Аксаковыхъ, сводившіяся въ сущности къ тому, что они тщательно оберегали свое семейное вліяніе на сына. Если имъ трудно было рѣшиться на непродолжительную разлуку съ сыномъ, когда онъ долженъ былъ для подготовки уѣхать съ Погодинымъ въ имѣніе послѣдняго Сѣрково, находившееся въ той же Московской губерніи, при чемъ это была первая разлука съ отцомъ, — съ матерью, какъ мы знаемъ, онъ уже расставался не надолго во время своей поѣздки съ Сергѣемъ Тимооевичемъ въ Симбирское имѣніе; если тогда Ольга Семеновна говорила, какъ объ особенной жертвѣ: „только бы Костенька былъ здоровъ, я могу не видѣть его мѣсяць“²⁾,—то вѣдь тогда эти жертвы оправдывалась исключительной важностью цѣли. Теперь, когда Константинъ Сергѣевичъ былъ уже студентомъ, родителямъ не хотѣлось не только расставаться съ сыномъ, но и отрывать его отъ своего воспитательнаго воздѣйствія, чѣмъ Аксаковы весьма дорожили. Здѣсь уже приходилось отстаивать принципъ: „миѣ казалось странно, что мой старшій сынъ (это важно для братьевъ) въ то время, когда долженъ былъ поступить въ друзья миѣ, будетъ жить не подъ одною кровлею со мною“³⁾. Вообще, томъ письма Аксакова показываетъ, что онъ сильно колебался въ данномъ случаѣ, а Погодинъ настаивалъ, и уступчивый Сергѣй Тимооевичъ, выставляя разныя соображенія, однако почти готовъ былъ согласиться на предложеніе, чтобы избѣгнуть неудовольствія пріятели: „если вы относите мою медленность къ другимъ причинамъ, то я *пришлю ея немедленно*“.

Съ тѣхъ поръ въ продолженіе всего университетскаго курса Константинъ Сергѣевичъ съ одной стороны сохранялъ близкія отношенія къ Погодину, съ другой — къ кружку своихъ товарищей, во главѣ котораго стояли Станкевичъ и Бѣлинскій. Хотя всѣ домашніе про-

¹⁾ Жизнь и труды Погодина, IV, 181.

²⁾ Тамъ же, стр. 51.

³⁾ IV, 181.

должали смотрѣть на Погодина, какъ на лучшаго руководителя своего Кости (такъ звали въ семьѣ Константина Сергѣевича), но самъ онъ скоро вышелъ изъ-подъ его ферулы и сталъ относиться къ своему ментору все болѣе критически. Этому много способствовало общеніе съ товарищами и постепенное образованіе извѣстнаго раскола среди московскихъ литературныхъ круговъ. Мы видѣли, что Надеждинъ и Погодинъ соединились вмѣстѣ послѣ неуспѣха „Московского Вѣстника“, и послѣдній принималъ участіе въ „Телескопѣ“, равно какъ и послѣ онъ имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ „Молвѣ“ и даже позднѣе къ „Московскому Наблюдателю“ (въ первомъ изъ этихъ изданій помѣстилъ также одну статью и С. Т. Аксаковъ), и сначала Аксаковы и даже Погодинъ были въ хорошихъ отношеніяхъ между прочимъ и съ Бѣлинскимъ ¹⁾. Но во время университетскаго курса, безъ сомнѣнія, юноша вынесъ то неблагоприятное мнѣніе о Погодинѣ, которое было имъ потомъ высказано въ его „Воспоминаніяхъ“, гдѣ онъ такъ отзывался о своемъ бывшемъ профессорѣ: „Богъ знаетъ, какъ умѣлъ Погодинъ, при многихъ своихъ достоинствахъ, возстановить противъ себя почти всѣхъ. Мнѣ кажется, что главная причина — неумѣнье обращаться съ людьми. Я помню, что и намъ однажды съ каедры сказалъ онъ, что мы мальчики, или что-то въ этомъ родѣ, — аудиторія наша не вспыхнула, не зашумѣла на сей разъ, но слова эти оставили глубокой слѣдъ негодованія“ ²⁾. Вѣроятно, мнѣніе это о неумѣніи Погодина дѣйствовать авторитетно на студентовъ было сообщено Константиномъ Сергѣевичемъ Гоголю и послѣднимъ потомъ однажды было высказано Погодину ³⁾. Константинъ Сергѣевичъ все больше потомъ отдалялся отъ своего ментора и созрѣвалъ духовно подъ вліяніемъ молодого кружка гегелистовъ, неприятнаго Погодину. Послѣдній пытался сохранить свое вліяніе на бывшаго питомца, но это ему не удалось, а только послужило поводомъ къ новой досадѣ. Погодинъ пробовалъ убѣждать „несчастливаго Костю“ своими наставническими бесѣдами въ присутствіи его родителей (за обѣдомъ), но и это не помогло и, замѣчая, что молодой человѣкъ совершенно ускользаетъ отъ его вліянія, онъ изливалъ свою досаду въ такихъ выраженіяхъ: „Неприятнѣйшія извѣстія о Константинѣ Аксаковѣ, который

¹⁾ См. IV, 306.

²⁾ „День“, 1862, №№ 1, 3, стр. 3.

³⁾ См. соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 20; соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 114 и полнѣе въ „Русской Старинѣ“, 1889 г., стр. 155 и 156 и „Письма Гоголя“, т. II, стр. 499.

съ ума сходятъ отъ самолюбія... Новое направленіе! Толкуеть о философіи. Дѣйствительно можетъ причинить вредъ“ ¹⁾). Въ 1838 г. въ преобразованномъ „Московскомъ Наблюдателѣ“, неофициальнымъ редакторомъ котораго, послѣ передачи журнала Андросовымъ и Шевыревымъ Степанову, сдѣлался Бѣлинскій, мы находимъ въ числѣ сотрудниковъ Константина Сергѣевича Аксакова, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается участіе въ немъ Погодина, начавшаго издавать „Москвитяинъ“, такъ какъ журналомъ завѣдывала гегелианская партія, и явленія русской литературы обсуждались съ точки зрѣнія непонятнаго и потому несимпатичнаго Погодину Гегеля. Это новое направленіе отдѣлило Погодина, Шевырева и другихъ дѣятелей прежняго поколѣнія отъ тогдашней передовой молодежи и дало послѣдней сознаніе своего превосходства. Чтò касается Сергѣя Тимофеевича Аксакова, то онъ по гибкости своего ума и мягкости характера, оставаясь въ кружкѣ Погодина и Шевырева, много воспринялъ тѣмъ не менѣе и отъ философскаго круга товарищей своего сына, чтò было для него тѣмъ болѣе возможно, что его не отдаляли отъ новыхъ теорій никакія *прежнія* теоріи и традиціи, которыя ставили къ молодежи во враждебное отношеніе профессоровъ отживающаго поколѣнія. Такимъ образомъ девятнадцатилѣтній юноша, Константинъ Аксаковъ, съ одной стороны успѣлъ обратить на себя такъ рано и такъ единодушно лестное вниманіе авторитетныхъ судей старшаго поколѣнія, не говоря уже о близкой къ нему по годамъ молодежи, но въ то же время онъ еще только готовился занять опредѣленное мѣсто въ ученомъ и литературномъ мірѣ; характеръ его будущихъ отношеній и дѣятельности былъ уже отчасти намѣченъ, но все это выяснилось и установилось позднѣе, а пока рядомъ со слухами о приглашеніи въ адъюнкты къ Максимовичу старшіе иногда подшучивали (хотя отнюдь не скептически) на счетъ его ученыхъ плановъ, напримѣръ, его будущей грамматики, а сверстники все еще не могли забыть въ немъ недавняго товарища веселыхъ игръ и забавъ. Константинъ Сергѣевичъ уже пользовался въ семьѣ правами совершенно взрослого и развитаго члена семьи, притомъ уже успѣвшаго выдвинуться, молодого человѣка, уже вполне самостоятельнаго, а не въ силу только уваженія къ родителямъ, занимающаго видное положеніе въ обществѣ; но это было еще новой ролью для него и самого и для всей семьи, и какъ обыкновенно бываетъ, войти въ эту роль нельзя было сразу. Юноша уже

¹⁾ Жизнь Погодина, т. IV, стр. 307.

годъ тому назадъ успѣлъ отчасти сблизиться съ Гоголемъ не въ качествѣ только подростка знакомой семьи, а какъ молодой почитатель и другъ, если позволить себѣ нѣкоторое преувеличеніе въ послѣднемъ выраженіи ¹⁾). Въ такихъ же отношеніяхъ онъ былъ также съ другими видными представителями современной литературы, напримѣръ, съ Надеждинымъ, и былъ сотрудникомъ тѣхъ журналовъ, редакціей которыхъ завѣдовалъ Станкевичъ; онъ также былъ близокъ съ Пановымъ и Щепкинымъ. Въ то же время тутъ же въ перепискѣ встрѣчаются слѣды еще ученичества, напримѣръ, въ слѣдующихъ строкахъ одного письма къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ (уже отъ 21-го ноября 1837 года): „Видно, что вы съ Костей дѣлаете большіе успѣхи, что уже читаете Вальтеръ Скотта, и видно, что вы занимаетесь имъ особенно; впрочемъ для одного Шекспира и Байрона можно уже учиться этому языку“.

IX.

Въ 1833 г. Сергѣй Тимоѣевичъ получилъ мѣсто директора Константиновскаго межевого института, которое занималъ до 1839 г., гдѣ потомъ, по его рекомендаціи, одно время служилъ преподавателемъ и быстро обнаружилъ замѣчательныя педагогическія способности В. Г. Вѣлинскій, но былъ уволенъ отъ занимаемой должности за неимѣніемъ формальныхъ правъ. Жизнь Аксаковыхъ въ тотъ промежутокъ, когда Сергѣй Тимоѣевичъ оставался безъ службы, ни въ чемъ не измѣнилась, и радушіе и хлѣбосольство нисколько не пострадали отъ убавленія средствъ: продолжались частые вечера, по прежнему часто собиралось большое общество, а объ обѣдахъ Погодинъ однажды совершенно вскользь и мимоходомъ замѣтилъ, въ своемъ дневникѣ, что они „слишкомъ сѣтны“. Тѣмъ не менѣе средства Аксаковыхъ все же были ограниченныя, и понадобилась новая служба. Когда она была получена, разница въ положеніи Сергѣя Тимоѣевича, главнымъ образомъ, оказалась та, что новая должность потребовала отъ него много трудовъ, и одинъ изъ его давнихъ друзей А. Княжевичъ при-

¹⁾ Зналъ, что братъ сильно интересуется Гоголемъ, Григорій Сергѣевичъ иногда сообщалъ ему свѣдѣнія о приемѣ публикой его произведеній и проч., напримѣръ: „Объ „Ревизорѣ“ я слышалъ, что эта пьеса была принята отлочно и авторъ былъ вызванъ, но также слышалъ, что въ ней много простонародныхъ бранныхъ словъ, что не совѣтъ пріятно слышать“.

вѣтствоваль его словами: „Теперь ты воззвавъ опять къ новой дѣятельности. Отъ всей души желаю тебѣ успѣха на новомъ поприщѣ“¹⁾).

Кипучая жизнь подрастающаго молодого поколѣнія имѣла, какъ мы сказали, большое вліяніе на Сергѣя Тимоеевича Аксакова. По природѣ мягкій, въ высшей степени привязчивый и привѣтливый, онъ былъ какъ бы созданъ для тихой идиллической жизни въ средѣ семьи и родныхъ.

Патріархальное хлѣбосольство и радушіе были всегда его отличительными чертами, но оживляющее вліяніе молодежи не давало ему безусловно погрузиться въ самодовольный и неподвижный квіетизмъ, къ которому онъ имѣлъ такую склонность. Необыкновенно консервативный во всѣхъ своихъ привычкахъ и вкусахъ, Сергѣй Тимоеевичъ, главнымъ образомъ благодаря дѣтямъ, расширялъ свои дѣла и задачи. Лично воспоминаія дѣтства сильно тянули его къ родицѣмъ и старымъ друзьямъ, но у него являлись, благодаря семьѣ, новые друзья и новыя привязанности, которыя, нисколько не измѣняя его характера, давали его жизни болѣе разностороннее и глубокое содержаніе. Въ особенноти была удивительна способность Сергѣя Тимоеевича совершенно сливаться своими интересами съ интересами окружающихъ близкихъ людей, и, конечно, прежде всего его собственныхъ дѣтей. Способность эта почти неуловимымъ образомъ, но часто проявляется въ его перепискѣ съ семейными, во всякихъ мелочахъ, напримѣръ: „Скажите, кто написалъ на листкѣ, гдѣ напечатано *zapedi*, день открытія училища и какого училища; нашего или отсѣнькинаго“ (т. е. Константиновскаго межевого институты)? Вообще при чтеніи Аксаковскихъ семейныхъ писемъ постоянно и живо чувствуется, что Сергѣй Тимоеевичъ съ женой въ самомъ дѣлѣ былъ неизмѣнно главнымъ фокусомъ и центромъ семьи и удивительной семейной солидарности, основаніемъ которой, какъ сказано, служила не какая-нибудь строго обдуманная и методически проводимая въ жизнь педагогическая система, а просто чистая и сильная взаимная любовь всѣхъ членовъ семьи, иногда переходившая даже въ край-

¹⁾ Кстати въ томъ же письмѣ Книжевича мы находимъ указаніе на какое-то пререканіе С. Т. Аксакова съ крестьянами: „по порученію твоему поданной якобы крестьянами деревни Кивацкой просьбы на сдѣланную намъ по сенатскому указу парѣнку и справлялся неоднократно въ департаментъ государственныхъ имуществъ, куда только она и могла поступить, но мнѣ дали знать, что *просьбы таковой съ полученіемъ не оказалось*. Можеть быть, крестьяне только погрозились“.

ность (какъ видно изъ категорическаго заявленія одного изъ братьевъ, въ письмѣ Вѣрѣ Сергѣевичѣ, что обязанность братьевъ—не допускать, чтобы сестра шла въ гувернантки и т. п.), но въ общемъ была прекраснымъ воспитательнымъ началомъ потому, что именно на почвѣ этой чистой семейной любви развивались свойственныя Аксаковымъ черты высокаго благородства и безупречнаго великодушія, иногда въ весьма трогательной формѣ обнаруживавшіяся, какъ бы нечаянно и мимоходомъ, напримѣръ въ слѣдующихъ превосходныхъ строкахъ: „Я думаю, дѣти, могу ли я быть другомъ, или, лучше, могу ли имѣть друга? Если называютъ того другомъ, для котораго всѣмъ жертвуешь, то наберется ихъ много, ибо я для всякаго, кого люблю, пожертвую, чѣмъ могу“. И дѣти съ великимъ интересомъ относились къ каждому обстоятельству, касающемуся ихъ отца, тѣмъ болѣе къ чему-нибудь болѣе серьезному и выдающемуся въ его дѣлахъ и интересахъ.

Х.

Въ началѣ 1836 г. Сергѣй Тимоѣевичъ отвезъ своего второго сына, Григорія Сергѣевича, въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы отдать его въ училище Правовѣдѣнія. Въ данномъ случаѣ, какъ и потомъ въ отношеніи Ивана Сергѣевича, имѣли значеніе не столько педагогическія соображенія, или индивидуальныя особенности молодыхъ людей, ихъ вкусы и влеченія, сколько чисто практическія соображенія. При большомъ семействѣ даже въ тѣ времена и такому сравнительно обеспеченному по нашимъ понятіямъ человеку, какъ Сергѣй Тимоѣевичъ, приходилось заботиться о болѣе удобномъ устройствѣ дѣтей какъ въ смыслѣ матеріальнаго расчета въ данную минуту, такъ и въ отношеніи видовъ на открывающуюся въ далекой перспективѣ карьеру. Будучи самъ директоромъ Константиновскаго межевого института, Сергѣй Тимоѣевичъ поступалъ весьма рационально, не помѣщая своихъ дѣтей въ это заведеніе, какъ слишкомъ специальное и притомъ слишкомъ мало общающееся въ будущемъ. Поэтому, при самой горячей и нѣжной любви къ сыновьямъ, этотъ образцовый семьянинъ рѣшался для блага дѣтей разстаться съ ними и отослать ихъ въ чужой и притомъ столь нелюбимый городъ. Съ одной стороны ему представлялась возможность воспитывать ихъ при себѣ и въ подвѣдомственномъ ему заведеніи, на своихъ глазахъ и собственномъ наблюденіи; съ другой—предстояло надолго, быть можетъ навсегда, отказаться

отъ надежды неразлучно жить съ ними, что для Аксакова, какъ образцоваго и чадолюбиваго семьянина, имѣло большое значеніе. Сергѣй Тимоѣевичъ выбралъ послѣднее. При этомъ въ опредѣленіи его дѣтей на казенный счетъ ему энергично помогалъ его всегдашній благодѣтель Кавелинъ.

Въ письмѣ своемъ къ братьямъ и сестрамъ отъ 20-го января Григорій Сергѣевичъ напоминалъ имъ и особенно наиболѣе любимому имъ брату, Константину Сергѣевичу: „ровно годъ тому назадъ, какъ мы пріѣхали сюда, какъ я ходилъ держать экзаменъ и, кончивши его, проводилъ съ тобой и Отесонькой именины мои, дни, которые мы прежде всегда проводили вмѣстѣ“. Отсюда видно, что Сергѣй Тимоѣевичъ, отвозя своего второго сына въ Петербургъ учиться, взялъ съ собой и Константина Сергѣевича, конечно по чувству нѣжной заботливости о томъ членѣ своей семьи, которому прежде всѣхъ выпалъ трудный жребій оставить родныхъ и отчий домъ. Теперь въ первый разъ семья почувствовала въ своихъ нѣдрахъ разъединеніе, но оно было совершенно вѣгншно, такъ какъ весьма трудно себѣ представить другой примѣръ такого идеальнаго семейнаго единодушія и такой неразрывной нравственной связи, какъ мы видимъ это въ семьѣ Аксаковыхъ. Это чувствуется съ полной очевидностью при чтеніи ихъ переписки, получающей по своей характерности гораздо большее значеніе, чѣмъ всякая другая домашняя переписка. Съ отъѣздомъ изъ Москвы Григорія Сергѣевича наступила новая пора въ жизни всей семьи и, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, отдѣлившійся членъ семьи сталъ привлекать къ себѣ особенныя симпатіи и попеченія, а онъ, въ свою очередь, всей душой стремился къ домашнему очагу и постоянно, какъ только мысль его не была поглощена настоящими заботами и учебными занятіями, переносился мыслью къ своимъ. Это доходило до того, что однажды, какъ мы знаемъ, Григорій Сергѣевичъ, подробно писалъ Константину Сергѣевичу о празднованіи придуманнаго послѣднимъ праздника Вячки. До такой степени простирался священный ритуальъ этого фантастическаго праздника и такъ дороги были всѣ семейныя преданія и даже малѣйшая символическая черта общей семейной связи, что молодой человекъ не только не забылъ про праздникъ Вячки, но и написалъ объ этомъ, какъ о настоящемъ дѣлѣ, при чемъ, конечно, чествованіе Вячки, являвшееся отраженной формой своеобразнаго энтузіазма, имѣло для Григорія Сергѣевича именно значеніе дорогаго воспоминанія о любимомъ братѣ.

XI.

Итакъ раньше всѣхъ суждено было испытать разлуку съ роднымъ домою Григорію Сергѣевичу Аксакову, хотя онъ былъ вторымъ братомъ въ семьѣ. Еще когда старшій братъ Константинъ, по окончаніи университетскаго курса, оставался дома, готовясь къ магистерскому экзамену, его братья Григорій и потомъ Иванъ Сергѣевичъ учились въ Петербургѣ въ училищѣ Правовѣдѣнія. Значительная свобода дѣйствій сказалась и при выборѣ каждымъ изъ сыновей учебныхъ заведеній, въ которыхъ они хотѣли получить воспитаніе. Такъ Григорій Сергѣевичъ, будучи мальчикомъ, можно сказать, рѣшилъ самъ свою карьеру. Привыкнувъ свободно высказывать вслухъ свои мысли и желанія и встрѣчать дружелюбное сочувствіе, онъ свободно поступилъ и въ данномъ случаѣ. „Помните-ли, дражайшіе родители мои“, напоминалъ онъ по прошествіи года, когда желаніе его давно уже было осуществлено,—„что еще за день до нынѣшняго числа получили мы газеты, въ которыхъ извѣщали, что 11-го ноября будетъ экзаменъ. Васъ тогда не было дома—маменька была въ „городѣ“, а вы, милый папенька, въ своемъ училищѣ; я послалъ это извѣстіе сейчасъ къ вамъ и *хотѣлъ тогда же ѣхать*, но слава Богу, *что меня не послушали*, и я пробылъ съ вами до половины января“. „Зачѣмъ эта разлука!“ писалъ онъ въ другихъ письмахъ, „но дѣлать нечего: надобно разлучиться года на четыре, потомъ соединиться и никогда больше не разлучаться... Я грущу, скучаю по васъ, и когда узнаю, что и вы грустите, тогда я готовъ почти плакать и сержусь на себя, что рѣшился вступить въ это училище и разстаться съ вами на четыре года“.

Мальчнскъ быстро освоился съ новой для него жизнью среди чужихъ людей и приобрѣлъ дружбу товарищей и благосклонность начальства. Привязанность къ дому и оставленной семьѣ нисколько не мѣшала добрымъ отношеніямъ въ школѣ, гдѣ онъ скоро расположился къ себѣ всѣхъ своей Аксаковской дружелюбностью. Но съ Петербургомъ онъ никакъ не могъ свыкнуться несмотря на любовь къ школѣ и къ роднымъ (Карташевскимъ), къ которымъ онъ ходилъ въ отпускъ каждый праздникъ. Любопытно, какъ уже въ это время, когда еще никакихъ славянофильскихъ идей не существовало и въ зародышѣ, Москва была уже для Аксаковыхъ не просто любимымъ городомъ, но какъ будто обѣтованной страной, такъ что каждый москвичъ былъ

имъ дорогъ и все, что напоминало о Москвѣ, дышало для нихъ какой-то неизъяснимой отрадой, и любовь къ нимъ была уже какимъ-то органическимъ чувствомъ, глубоко, неразрывно связаннымъ со всѣмъ, что было для нихъ дорогого. Какъ истымъ москвичамъ, Петербургъ имъ не нравился, и они относились къ нему съ сильнымъ предубѣжденіемъ, хотя совершенно незлобивымъ. Въ письмахъ нерѣдко встрѣчаются такія фразы, какъ на примѣръ: „Надѣюсь скоро видѣть и вмѣстѣ побранить петербургскій климатъ“, или: „гулянье московское гораздо лучше петербургскаго и въ Москвѣ все богаче“. Вообще все петербургское, по мнѣнію юности, оказывалось безцвѣтнѣе и блѣднѣе московскаго: „Вчера въ воскресенье былъ большой (по петербургскому) балъ у директора“.... „Въ другой разъ подѣвжаю къ Петербургу и въ другой разъ онъ мнѣ ничѣмъ не нравится. Зданія, которыя всѣ хвалятъ и которыя выше московскихъ, мнѣ вовсе не нравятся, точно какъ стѣны какой-то клѣтки. И образъ жизни другой. Какъ можно сравнивать съ Москвою!“ Петербургъ наконецъ кажется строгому критику грязнымъ городомъ въ сравненіи съ Москвою, что дѣлаетъ уже окончательно всѣ отзывы сомнительными относительно безпристрастія. „Какъ нестерпима осень въ Петербургѣ! Грязь, лужи, вѣтеръ, снѣгъ вмѣстѣ съ дождикомъ наводятъ пренепріятное чувство. У насъ, въ Москвѣ, когда идетъ дождикъ, то вода течетъ по обѣимъ концамъ улицы, вдоль тротуаровъ, а здѣсь напротивъ течетъ по серединѣ, что дѣлаетъ улицу грязнѣе“. И только Невскій проспектъ и красавица Нева вызвали нѣсколько похвалъ у юнаго пристрастнаго судьи, а Неву онъ даже предпочитаетъ по красотѣ Москвѣ-рѣкѣ. „Прекрасная рѣка, ужъ не то, что Москва-рѣка! Нечего говорить, Нева-чудо, и очень пріятно видѣть корабли!“ Иногда же рядомъ съ осужденіемъ Петербурга у него прорывался вдругъ совершенно неожиданное прославленіе подмосковнаго села Богородскаго и искреннее сожалѣніе о томъ, что за позднимъ временемъ года (дѣло было осенью) Аксаковы не будутъ въ состояніи показать его пріѣзжимъ петербургскимъ гостямъ во всей красотѣ. Однимъ словомъ, въ каждой строкѣ, въ каждомъ отзывѣ, уже чувствуется столь свойственная Аксаковымъ субъективность, или, по позднѣйшему выраженію П. М. Языкова, „черезчурность“. У подростка предубѣжденіе, конечно, принимало черезчуръ наивную форму, на примѣръ: „Я нынче ѣду въ театръ и сравню его съ московскимъ, но *заранѣе уже увѣренъ*, что московскій лучше и больше“, а общество петербургское кажется ему отличающимся необыкновенной чопорностью и принужденностью въ обращеніи.

Также по г. Аксаковскомъ вкусѣ была строгая распланированность Петербурга: „передъ нашимъ училищемъ Лѣтній садъ, который мнѣ не правится, потому что онъ уже *слишкомъ регуляренъ*“. Общее сравненіе всегда не въ пользу Петербурга. При возвращеніи послѣ каникулъ Григорій (Сергѣевичъ) писалъ: „вотъ я и опять въ проклятомъ чужомъ городѣ“. Тамъ чуть не съ дѣтства Аксаковы не влюблялись „городъ съ именемъ чужимъ“¹⁾.

XII.

Когда Г. С. Аксаковъ поступилъ въ училище Правовѣдѣнія, то начальству семейство Аксаковыхъ было извѣстно съ такой исключительно выгодной стороны, что похвалы скоро дошли до принца. Счастливый юноша такъ сообщалъ объ этомъ родителямъ: „директоръ въ началѣ прошлой недѣли, во время свиданія (воспитанниковъ) съ родственниками, увидавъ меня, сталъ говорить про наше семейство. Онъ сказалъ, что видѣлъ одного недавно пріѣхавшаго москвича, который рассказывалъ ему про васъ и про все семейство, но котораго мы не знаемъ,—какія прекрасныя правила, какая любовь между всѣми нами, какъ добра маменька и какъ благороденъ папенька. „Какъ пріятно слышать о такомъ семействѣ!“ сказалъ онъ мнѣ: „Меня всегда можно ристрогать такимъ рассказомъ, а здѣсь еще недавно видѣлъ я одно семейство, гдѣ братъ и сестра стараются всячески другъ друга унижить и оклопотать. Такъ рѣдки такія семейства, какъ ваше, что я съ особеннымъ наслажденіемъ слушаю рассказы о нихъ. Я теперь могу совершенно надѣяться на васъ, потому что вы имѣете такихъ родителей“. Послѣ этого директоръ училища не разъ находилъ случай дружески и въ поощрительномъ тонѣ говорить съ своими

¹⁾ Въ этомъ отношеніи очень забавенъ слѣдующій фактъ. Когда въ 1838 г. въ училищѣ Правовѣдѣнія долженъ былъ держать экзаменъ И. С. Аксаковъ, Сергѣй Тимоосевичъ, отвозя его, взялъ съ собой въ Петербургъ кстаи и младшаго сына Михаила. Наивный мальчикъ, слышавшійся осужденій Петербурга, первое же письмо къ матери починаетъ такъ: „наконецъ мы и въ Петербургѣ, милая маменька; покажите мы ничего хорошаго не видали“. Но личные впечатлѣнія такъ противорѣчили этому заранѣе составившемуся предубѣжденію, что въ слѣдующемъ письмѣ онъ уже сообщалъ: „Наконецъ я увидѣлъ нѣсколько Петербургъ. Я видѣлъ Зимній дворець, Александровскую колонну, памятникъ Петру Великому, Кутузову, Казанскій соборъ, Невскій проспектъ и парадъ. Ну, право, Петербургъ гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ. Но все Москва гораздо лучше. Я былъ вчера въ почтамтской церкви, гдѣ чудно поютъ и служатъ.“ и проч.

питомцами, братьями Аксаковыми. Составленное имъ выгодное мѣстѣе объ этомъ семействѣ замѣтно отражалось въ ласковомъ, дружескомъ тонѣ, которымъ онъ съ ними разговаривалъ.

Въ училищѣ Аксаковы (Григорій и позднѣе также Иванъ Сергѣевичъ) не выдавались прилежаніемъ, но производили самое выгодное впечатлѣніе любознательностью и благовоспитаемостью. Они любили независимость и, чуждые домогательства быть первыми и на виду, держали себя просто и благородно. Деликатность ихъ воспитанія сказывалась во всемъ: въ ихъ доброжелательномъ отношеніи къ товарищамъ, недостатки которыхъ они хотя и обсуждали между собой, но всегда говорили о нихъ коротко и безъ всякой тѣни злорѣчія, и въ сожалѣніи одного изъ нихъ, что по случаю ранняго возвращенія въ Петербургъ, когда еще никто изъ его товарищей не пріѣхалъ, онъ долженъ былъ затруднять дежурныхъ воспитателей, обязанныхъ исполнять свои служебныя обязанности, если въ заведеніи есть хоть одинъ воспитанникъ. Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ нерѣдко писалъ родителямъ, что занимается онъ хорошо, хотя *высшихъ балловъ не получаетъ*; изъ его писемъ также видно, что онъ съ охотой занимался рисованьемъ и посѣщалъ выставки академіи художествъ. Рисованье вообще процвѣтало въ этой семьѣ, и нѣкоторыя изъ сестеръ также могли гордиться въ немъ своими успѣхами. Братья часто въ письмахъ обмѣнивались свѣдѣніями о томъ, какія были наиболѣе важныя политическія новости (ими особенно интересовался Иванъ Сергѣевичъ, еще съ десятилѣтняго возраста), какіе успѣхи дѣлаются въ рисованьи и въ англійскомъ языкѣ (имъ усердно занимался въ срединѣ 30-хъ годовъ Константинъ Сергѣевичъ), а также охотно передавались свѣдѣнія о посѣщеніи училища принцемъ, даже государемъ и, въ свою очередь, въ Москву посылались вопросы о выдающихся событіяхъ въ межвомѣ институтѣ и т. п. Особенно интересовались братья судьбою своего общаго любимца, Константина Сергѣевича. Имъ гордились, его любили, но отчасти беспокоились за него въ виду его лѣни. Этотъ недостатокъ давно обращалъ на себя вниманіе всѣхъ его знавшихъ. „Посматривайте за Константиномъ Аксаковымъ“, писалъ Венелинъ къ Погодину, „славная голова, только лѣнивъ“, и въ другомъ письмѣ: „За Костей Аксаковымъ смотрите строго, это отличная голова“¹⁾. Когда затянулись приготовленія его къ магистерскому экзамену, то это снова стало возбуждать безпокойства. „Что Костя“? писалъ Гри-

¹⁾ Барсуковъ, III, 107—108.

горій Сергѣевичъ „будетъ ли когда-нибудь держать экзаменъ на магистра? Ахъ, еслибъ онъ поскорѣй переѣхалъ въ Погодину! Тамъ уже переменна образа жизни заставила бы его заниматься!“ и даже: „Вѣрно, ты, Костя, сталъ больше заниматься! Ко мнѣ ни слова! Но я согласился бы долго не получать отъ тебя писемъ, только чтобъ ты выдержалъ экзаменъ на магистра“. Доходило до того, что любящій братъ, высказывая желаніе успѣха въ магистерскомъ экзаменѣ своему старшему брату, ставилъ на ряду съ этимъ такое же пожеланіе объ экзаменахъ и успѣхѣ тринадцатилѣтнему тогда Ивану Сергѣевичу: „дай Богъ, чтобы будущій годъ былъ для насъ если не счастливымъ, то по крайней мѣрѣ спокойный; дай Богъ, чтобъ Ванѣ удалось выдержать экзаменъ; Костѣ тоже, если онъ еще имѣетъ намѣреніе быть магистромъ“¹⁾. Или: „Милый братъ, ты жилъ уже у Погодина, принялся за занятіе и долженъ былъ ихъ опять оставить. Я думаю, ты и самъ не радъ, что такъ случилось“. И долго репутація нѣкотораго легкомыслія и безопасности оставалась за даровитымъ юношей въ домашнемъ кругу и среди близкихъ знакомыхъ, высоко цѣнившихъ его способности, но все еще считавшихъ его не вполне установившимся. Княжевичъ, знакомый Аксаковыхъ, уже въ 1840 году считалъ возможнымъ отзывать о немъ, правда въ шутку и по поводу его „рѣдкописанія“, такимъ образомъ: „Константинъ Сергѣевичъ весь въ батюшку; оно и хорошо, только лѣвцы не худо бы, если бы было меньше“.

Въ это же время, однако, на Константина Сергѣевича возлагались обширныя надежды, и авторитетъ его былъ великъ между братьями. Къ нему обращались за разъясненіемъ всевозможныхъ филологическихъ и стилистическихъ недоумѣній. Такъ, Григорій Сергѣевичъ одинъ разъ робко высказывалъ своему брату о томъ, что и зимой бываетъ туманъ. („Милый Костя, въ синонимахъ, которые ты пишешь, ты говоришь, что туманъ бываетъ только лѣтомъ; но бываетъ также и зимою (когда иней садится на деревьяхъ, густой туманъ“). Приговоромъ Константина Сергѣевича провѣряли объясненія учителей. Напр.: „у Володи (двоюроднаго брата Аксаковыхъ) было сказано: „*стуканіе мечей*“. Свѣденцевъ говоритъ, что нельзя сказать *стуканіе* (это правда) и даже *стукъ мечей*, а что должно сказать: *стчь, стча*; но, какъ мнѣ

¹⁾ Все это, однако, нисколько не мѣшало Константину Сергѣевичу сохранять полный авторитетъ надъ братьями, и тутъ же Григорій Сергѣевичъ спрашиваетъ его, какія книги ему можно читать и проч.

кажется, слыть нельзя сказать, а что стукъ говоритса, и это хорошо для слуха. Языковъ оправдываетъ меня, говоря:

„Тамъ вечернею порою
„Будеть слышенъ стукъ мечей“.

(Мечъ объ мечъ не сѣчется, а бьется, стучить, слово же слыть говорится одно, безъ другого существительнаго)“.

Но особенно братья и сестры интересовались повѣстями Константина Сергѣевича и ихъ судьбой.

XIII.

Весьма скромный въ оцѣнкѣ собственныхъ знаній, Григорій Сергѣевичъ безгранично благоговѣлъ передъ познаніями брата. Самъ онъ никогда не имѣлъ никакихъ притязаній на ученость и литературность и, будучи человѣкомъ весьма умнымъ, для людей, не знавшихъ его лично, оставался совершенно въ тѣни передъ другими братьями. Скромность его особенно сказывалась въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сообщалъ о себѣ и своихъ уснѣхахъ. Однажды юный Гриша Аксаковъ долженъ былъ въ присутствіи принца отвѣчать на нѣмецкомъ языкѣ изъ энциклопедіи права и обнаружилъ при хорошемъ отвѣтѣ по предмету испытанія не совсѣмъ удовлетворительное произношеніе въ нѣмецкой рѣчи. „Я отвѣчалъ“, рассказывалъ онъ, „кое-какъ на нѣмецкомъ при директорѣ и думалъ, что получу выговоръ, а вмѣсто того былъ похваленъ. Послѣ того директоръ меня призывалъ и говорилъ: „ты знаешь, что я тебя очень люблю, поэтому хочу, чтобы ты исправилъ свой выговоръ и говорилъ громче“. Пользуясь прекрасной репутацией въ училищѣ, онъ нисколько не заботился, подобно большинству своихъ товарищей, быть гдѣ-нибудь на выставкѣ или быть замѣченнымъ на вечерахъ у принца и скорѣй уклонялся отъ этой чести и даже отъ посѣщеній вечеровъ у директора, что также считалось немалой честью для воспитанниковъ,—преимущественно по нелюбви къ вытяжкѣ и къ тому обществу, о которомъ онъ однажды отозвался такъ: „общество генеральское, звѣздочное, но не избранное“. Рассказывая родителямъ объ одномъ молоденькомъ пажикѣ, гордившемся своей обязанностью перемѣнять тарелки на парадныхъ обѣдахъ во дворцѣ, онъ писалъ: „нѣтъ, не хорошо быть пажемъ, совершенно лакейская должность! да и мундиръ походитъ на ливрею“, хотя въ то же время у него и у Ивана Сергѣевича былъ довольно странный взглядъ на унижительность продажи своихъ рисунковъ и т.

п.,—взглядъ, объясняемый понятіями того времени. Такъ, они были того мнѣнія, что не слѣдуетъ допустить, чтобъ ихъ сестра Вѣра могла сдѣлаться гувернанткой...

Иванъ Сергѣевичъ сдѣлался ученикомъ училища Правовѣдѣнія едва ли не потому болыно всего, что тамъ учился его братъ, который дѣйствительно питалъ пристрастіе къ юриспруденціи и предназначалъ себя къ юридической карьерѣ, заботливо изучая Codex Юстиніана и проч. Еще задолго до поступления Ивана Сергѣевича начались въ семьѣ толки о томъ, какъ его лучше устроить, въ какой классъ готовить и т. п. Но при всемъ искреннемъ желаніи Григорія Сергѣевича видѣть своего брата въ томъ заведеніи, гдѣ онъ обучался, ему приходилось вмѣстѣ съ сообщеніями объ училищныхъ требованіяхъ и программахъ до поступления брата выражать опасенія относительно самой возможности приѣма въ виду ограниченности вакансій, назначенія на которыя вполнѣ зависѣло отъ принца. Попастъ въ желаемое училище было очень трудно, потому что въ началѣ 1838 г. въ училищѣ даже вовсе не предполагалось экзамена для новичковъ, о чемъ съ большой тревогой не разъ увѣдомлялъ родителей Григорій Сергѣевичъ, выражавшій при томъ удивленіе по поводу слишкомъ смѣлыхъ надеждъ своего брата, о которыхъ онъ однажды писалъ такъ: „Валя слишкомъ много захотѣлъ: попасть въ четвертый классъ! Онъ хочетъ переводить уже Виргилія, когда не умѣетъ переводить Корнелія“. Но наконецъ все уладилось: Иванъ Сергѣевичъ подготовилъ все, что было нужно, а постоянный покровитель Аксаковыхъ, Кавелинъ, своей протекціей у принца сумѣлъ выхлопотать своему юному протеже разрѣшеніе подвергнуться экзамену для вступленія въ училище.

Кромѣ недовольства петербургскимъ климатомъ („что здѣсь за время! вси Святныя недѣля была холоднѣи Стратной!“) наши подростки уже въ этомъ раннемъ возрастѣ чувствовали себя во время своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ какъ бы нерепессонными на чуждую почву также и въ отношеніи окружающей среды. Центромъ интересовъ для юныхъ Аксаковыхъ неизмѣнно оставалась Москва съ родной семьей и близкими друзьями отца, изъ которыхъ особенной любовью пользовались М. Г. Павловъ, М. П. Погодинъ, Юрій Венелинъ, Н. И. Надеждинъ, Великопольскій, Загоскинъ и другіе; изъ жившихъ же не въ Москвѣ близкихъ Аксаковымъ семействъ слѣдуетъ назвать семейство Кавелинскихъ въ Петербургѣ и Княжевичъ въ Одессѣ. Въ качествѣ молодыхъ отпрысковъ литературной семьи юности горячо прини-

мали къ сердцу литературные интересы, и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые такъ или иначе сопривасались съ ихъ семейными интересами, напримѣръ, касаясь близкихъ друзей дома. Такъ съ живымъ участіемъ принялъ Григорій Сергѣевичъ извѣстіе о запрещеніи „Телескопа“ и о ссылке Надеждина, возмущаясь зѣло, что „здѣсь изъ всего Петербурга едва ли отыщется и сто человѣкъ, которые сожалѣють о запрещеніи „Телескопа“. Онъ живо интересовался судьбой Надеждина и его журнала и желалъ скорѣе увидѣть его. Такимъ образомъ и здѣсь сказывалась рознь, отдѣлявшая юношей отъ всего петербургскаго. Очень много способствовала ихъ симпатіямъ къ „Телескопу“ дружба Константина Сергѣевича съ Бѣлинскимъ и кружкомъ Станкевича. О Бѣлинскомъ, впрочемъ, мы мало находимъ упоминаній и притомъ незначительныхъ, напримѣръ: „Бѣлинскаго грамматикѣ“ разбирали „Литературныя Прибавленія“. Кажется, его не бранятъ. „Что Ефремовъ? что Бѣлинскій? потолстѣлъ ли первый и похудѣлъ ли Кривоустый? Кланяйся отъ меня имъ, также Станкевичу“. Въ другомъ письмѣ читаемъ: „Я думаю, Павловъ не можетъ поспорить тебя съ кругомъ Станкевича; да, какъ мнѣ кажутся, и по къ чему. Что Виссаріонъ Кривоустый: отдалъ ли, или есть ли надежда, что скоро отдастъ тебѣ долгъ?“ О запрещеніи „Телескопа“ Григорій Сергѣевичъ писалъ: „Пріѣхавши въ Петербургъ, нѣкоторые москвичи встрѣтили меня извѣстіемъ, что «Телескопъ» запрещенъ за какую-то статью о правленіи Виссаріона Бѣлинскаго (какъ его здѣсь всѣ называютъ), что Болдыревъ смѣненъ съ ректорства и былъ посаженъ подъ арестъ на двѣ недѣли“. Кромѣ того однажды встрѣчается презрительный отзывъ о „Библіотекѣ для Чтенія“: „на Библіотеку для Чтенія и здѣсь уже стали возставать: эдакая дрянь, что въ руки нельзя брать“, и есть упоминанію о какомъ-то задуманномъ журналѣ: „Дай Богъ, чтобы журналъ пошелъ хорошо; вѣрно, Костя тоже будетъ содѣйствовать ему; что вы ничего никто объ немъ не пишете“?

XIV.

Въ Петербургѣ у юныхъ Аксаковыхъ былъ и одинъ близкій, родной домъ—Карташевскихъ. Надежда Тимофеевна Карташевская („Наташа“ извѣстной повѣсти того же названія Сергѣя Тимофеевича) была любимой сестрой ихъ отца и любимой ихъ теткой. Кромѣ ея они особенно любили ея дочь, Машеньку Карташевскую, которая счита-

лась очень умной и симпатичной дѣвушкой. Хотя въ семействѣ Карташевскихъ было нѣсколько молодыхъ людей, сверстниковъ молодыхъ Аксаковыхъ, обучавшихся въ артиллерійскомъ училищѣ и также приходившихъ на праздники домой, гдѣ такимъ образомъ тогда сразу являлся съ двухъ сторонъ наплывъ молодежи, но ни съ однимъ изъ нихъ ихъ двоюродные братья не сблизились, несмотря на вполне родственныя и пріятельскія отношенія, и здѣсь сказалась разница воспитанія. При всей любви къ Карташевскимъ Григорій Сергѣевичъ сразу почувствовалъ въ этомъ отношеніи ощутительную разницу съ своей семьей. Все, что онъ видѣлъ въ родномъ домѣ, казалось ему идеальнымъ, и каждое отступленіе отъ этого идеала онъ уже принималъ съ легкимъ осужденіемъ и сожалѣніемъ. Впрочемъ, преимущество во всѣхъ подобныхъ случаяхъ было въ самомъ дѣлѣ явно на сторонѣ семьи Аксаковыхъ. „Милый другъ Вѣра“, писалъ сестрѣ Григорій Сергѣевичъ, „вотъ планы мои разрушаются понемногу: я не увижу, какъ ты познакомишься съ Машей; она хотя очень умная и добрая дѣвушка, но очень мало имѣетъ соотношенія съ матерью и, какъ кажется, скорѣе и прежде все скажетъ madame Котьѣ. Она воспитана Котьѣ, и, слѣдовательно, это воспитаніе не похоже на то, которое получили мы, и, разумѣется, оно гораздо хуже. Характеръ ея вовсе не похожъ на твой, и потому я бы желалъ самъ видѣть, въ какомъ ты будешь съ нею отношеніи. Костя смотрѣлъ только на ея умъ, съ высокой точки, а я опустился ниже и наблюдалъ ея воспитаніе, которое дало ей другой характеръ, нежели какой бы она должна была имѣть“. Между тѣмъ это была весьма умная и развитая особа, во всѣхъ отношеніяхъ звезда и украшеніе своей семьи, и потому неудивительно, что въ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ“ С. Т. Аксакова приводятся мѣстами, кромѣ мнѣній и отзывовъ Сергія Тимофеевича, его сыновей и Вѣры Сергѣевны, еще и мнѣнія и отзывы Машеньки Карташевской. Она была такой же выдающейся личностью въ своей семьѣ, какъ Вѣра Сергѣевна въ женской половинѣ Аксаковской семьи. Она была живымъ звеномъ, соединявшимъ разнообразныя взгляды и интересы двухъ родственныхъ семействъ. Она даже, познакомившись съ Москвой, стала ею интересоваться и восхищаться, чѣмъ особенно привлекла сочувствіе Константина Сергѣевича, уже съ первыхъ встрѣчъ оцѣнившего ея умъ и сильно заинтересовавшегося ея мнѣніями. Она съ тѣхъ поръ стала ѣздить въ Москву и такъ сроднилась съ Аксаковыми, что Григорій Сергѣевичъ писалъ уже такъ: „поздравляю васъ всѣхъ съ именинницами, но,

если бы я и не писалъ этого, то, вѣрно, вы думали бы, что я всегда вспоминаю и участвую въ вашихъ праздникахъ. Очень жалѣю, что *Машенька не съ вами проводитъ это время*“. Она, въ свою очередь, сильно симпатизировала Константину Сергѣевичу, и тотъ же Григорій Сергѣевичъ писалъ о ней: „теперь-то я узналъ совершенно, какъ Машенька любитъ наше семейство; теперь я прибавилъ къ понятіямъ о ней еще новыя, дѣлающія еще болѣе чести ей... Знаешь что, Костя, если бы ты могъ, во время пребыванія ея здѣсь, держать и выдержать экзаменъ на магистра, она говоритъ, что тогда не жалѣла бы о своемъ отъѣздѣ изъ Москвы ¹⁾. Какъ не нравится ей теперь Петербургъ! какъ тягостны для нея общества принужденны! она хочетъ остаться одна и прочесть твою повѣсть“... и проч. О повѣсти этой, кстати, возбуждался вопросъ, будетъ ли она напечатана въ „Телескопъ“ или „Наблюдатель“, журналахъ, въ которыхъ близко стоялъ Бѣлипскій и которымъ сочувствовалъ Константинъ Аксаковъ? Тѣмъ не менѣе даже эта представительница семьи Карташевыхъ не вполне подходила подъ Аксаковскіе идеалы. Но особенно противорѣчило традиціямъ и правиламъ Аксаковской семьи то обстоятельство, что юнымъ Карташевымъ давали деньги на мелкіе расходы. Это уже такъ поражало своимъ диссонансомъ съ духомъ воспитанія молодого поколѣнія Аксаковыхъ, что Григорій Сергѣевичъ почти съ ужасомъ говоритъ объ этомъ невѣроятномъ, по его мнѣнію, обычаѣ, укоренившемся въ дорогой и родственной семьѣ. „Мнѣ не нравится“, — пишетъ онъ, „что имъ (дѣтямъ) даютъ деньги. Это произведетъ скупость, должниковъ и займодавцевъ между братьями и сестрами. Они сами себѣ все покупаютъ. Мальчикамъ давать деньги и позволять покупать на нихъ это еще ничего, а дѣвочкѣ это нейдетъ. Даже и Васѣ, которому только четыре года, даютъ жалованье, и онъ уже твердитъ о копѣйкахъ и рубляхъ“. „Юля хорошая дѣвочка, только есть разница въ воспитаніи въ отношеніи къ нашему“. Поражало Аксаковыхъ и то, что сестра заявляетъ, что не позволитъ братьямъ дѣлать себѣ замѣчанія, — вещь совершенно невыносимая

¹⁾ Константину Сергѣевичу, въ это самое время, Максимовичъ, еще до полученія имъ ученой степени, предлагалъ сдѣлаться адъюнктомъ (изъ 1836 г.) почти только-что открытаго тогда Кіевскаго университета (основанъ въ 1834 г.) „Ты пишешь“, читаемъ въ письмѣ къ нему Григорія Сергѣевича, „что Максимовичъ зоветъ тебя въ адъюнты. Ты, вѣрно, не согласишься; но ужъ если ты станешь служить въ скоромъ времени, то это мѣсто прекрасное и выгодное. Но для этого мѣста ты немного молодъ; надобно прежде быть магистромъ“.

среди Аксаковыхъ, гдѣ никто не претендовалъ на насильственный авторитетъ и не опирался на права. Здѣсь существовало мнѣніе, что „если и существуютъ права старшинства въ семействѣ, все-таки можно позволить младшему говорить старшему, чтò онъ думаетъ (иначе это будетъ деспотизмъ—запрещать¹⁾ свободу (sic) выражать свои мысли), и если онъ говоритъ вздоръ, то старшій долженъ убѣдить младшаго и показать, что онъ ошибался (не сердясь и не крикомъ); если же младшій говоритъ правду, то почему же не согласиться съ нимъ, притомъ же старшинство не можетъ долго промедлиться, потому что младшій, выростая, уже равняется со старшимъ; тогда старшинство и мѣсто его занимаютъ уваженіе и дружба“.

Если чтò и нравилось Аксаковымъ въ Петербургѣ, то даже какое и мимолетное, пріятное впечатлѣніе напоминало что-нибудь московское. Напримѣръ: „Читая нынче письма твои и Костенькины къ Машенькѣ, я услышалъ громкій звонъ колоколовъ и обрадовался чрезвычайно; такъ здѣсь его рѣдко слышишь“²⁾. „Нынче, когда я ѣхалъ на санкахъ, то я забылся, и мнѣ показалось, что я ѣду по улицамъ московскимъ“.

XV.

Въ училищѣ Правовѣдѣнія братья Аксаковы обучались на казенный счетъ. Несмотря на извѣстную матеріальную обезпеченность семейства, открытая жизнь на широкую ногу, вѣроятно, заставляла не разъ подумывать о денежныхъ дѣлахъ. Семья была велика, въ расходахъ не стѣснялись, такъ что временами все же давала себя знать необходимость позаботиться объ уравниженіи бюджета, и тогда-то являлась мысль отпустить дочь въ гувернантки, пристроить сыновей на казенный счетъ. Но все это приходило въ голову, повидимому, въ трудныя минуты и не надолго, вѣроятно подъ вліяніемъ какихъ-нибудь экстренныхъ нуждъ, такъ какъ нерѣдко сразу являлись боль-

¹⁾ Т. е., стѣснять свободу.

²⁾ Въ числѣ московскихъ происшествій, которыя особенно занимали Григорія Сергѣевича, было поднятіе колокола. „Скоро наступитъ подниманіе священнаго колокола“,—писалъ онъ Константину Сергѣевичу—„и народъ московскій и подмосковный соберется въ Кремль для такого важнаго дѣла; ступай Кости, непромѣнно ступай и опини мнѣ все, какъ будетъ. Ты счастливъ, что можешь быть свидѣтелемъ этого, и какъ я завидую тебѣ! Теперь любовь моя къ Кремлю и Москвѣ стала еще болѣе“.

шіе расходы, когда напрімѣръ Константина Сергѣевича отдавали въ пансіонъ къ Погодину за очень недешевую плату, а также помѣщали къ нему для занятій во время и даже послѣ окончанія университетскаго курса, или когда нужны были деньги для его заграничной поѣздки и т. п. Этимъ, кажется, легче всего объяснить съ одной стороны составленіе названныхъ проектовъ, часто не осуществлявшихся, а съ другой возможность спокойнаго забвенія тѣхъ же проектовъ и послѣ того покунки имѣнія и т. д. Сергій Тимоосовичъ считалъ себя нуждавшимся въ службѣ и старался найти другую, когда ему случалось терять мѣсто, но когда ему пришлось оставить службу окончательно и уже не удалось замѣнить ее другой, онъ могъ вполне благополучно и безъ малѣйшихъ признаковъ не только нужды, но хотя бы просто сколько-нибудь ощутительныхъ матеріальныхъ стѣсненій, въ довольствѣ продолжать свою жизнь, и развѣ только умѣряя незначительные расходы городской жизни, можетъ быть нѣсколько болѣе продолжительнымъ, иногда до осени пребываніемъ въ деревнѣ.

Изъ переписки Аксаковыхъ видно, что сначала предполагалось устроить Ивана Сергѣевича въ училищѣ Правовѣдѣнія на казенный счетъ и, ради тѣхъ же экономическихъ соображеній, другого брата, Михаила Сергѣевича, думали отдать въ Пажескій корпусъ, что потомъ не состоялось. Между тѣмъ домъ Аксаковыхъ былъ, что называется, полной чашей и весь былъ биткомъ набитъ дворней. „Это была не городская жизнь въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее теперь“, говоритъ Панаевъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“, „а патриархальная, широкая, помѣщичья жизнь, перенесенная въ городъ. Домъ Аксаковыхъ снаружи, и внутри по устройству и расположенію совершенно походилъ на деревенскіе барскіе дома; при немъ были: обширный дворъ, людскія, садъ и даже баня въ саду“¹⁾.

При такомъ матеріальномъ довольствѣ, счастливый въ своей домашней жизни, благодушно наслаждавшійся декламацией и частымъ посѣщеніемъ театра, предававшійся отъ души гостепримству и невнимнымъ занятіямъ человѣка, не угнетаемаго заботами (въ родѣ уженья рыбы въ окрестностяхъ Москвы), Сергій Тимоосовичъ сохранилъ столько душевной бодрости, а съ другой стороны невозбранно пользовался такимъ значительнымъ досугомъ, что свободно могъ въ свои

¹⁾ Литературныя воспоминанія, стр. 198.

пятидесять лѣтъ не только жить жизнью своихъ дѣтей, но, какъ выражается Острогорскій, „слѣдя за сыномъ, по мѣрѣ его умственнаго роста, и самъ росъ умственно и невольно выходилъ изъ замкнутаго круга театральныхъ, мелко литературныхъ и карточныхъ интересовъ, проводя время среди даровитой и горячей студенческой молодежи“¹⁾. И такъ, подобно тому, какъ съ одной стороны, по случайнымъ причинамъ, Сергій Тимоѣевичъ мало воспользовался своимъ университетскимъ временемъ, такъ съ другой стороны, по столько же случайнымъ причинамъ, онъ подвергся благодѣтельному вліянію оживленной университетской жизни во время студенчества своего старшаго сына.

О преподаваніи въ училищѣ Правовѣднія Сергій Тимоѣевичъ много слышалъ отъ своихъ сыновей, Григорія и Ивана, но и самый характеръ изучаемыхъ тамъ предметовъ и жизнь въ другомъ городѣ были причиною того, что въ то время, какъ онъ всею душою отдавался университетскимъ интересамъ своего старшаго сына, школьные интересы другихъ сыновей не имѣли для него такого захватывающаго значенія. Разница объясняется еще, конечно, и тѣмъ, что половина московскихъ университетскихъ профессоровъ были если не друзьями, то хорошими и давними его знакомыми. При этомъ многіе изъ тогдашнихъ профессоровъ училища Правовѣднія были ничто передъ свѣтилами московскаго университета. О нѣкоторыхъ изъ нихъ получались отзывы совершенно неслестные; напр.: „Георгіевскій, профессоръ нашъ русскаго языка, (ужасный д... и оригиналь)“²⁾, издалъ остальные части своего руководства къ изученію русской словесности, именно: теорію краснорѣчія, пѣтику объ изящныхъ искусствахъ и исторію литературы; но въ изящныхъ искусствахъ онъ ужасно глупо опредѣляетъ воображеніе, чудесное, гений, талантъ и проч., а въ исторіи литературы очень несправедливо судить, хвалить словъ Кайданова, а про автора Дикалки говорить: „видно, что авторъ *силится* быть остроумнымъ“. Не особенно лестно отозвались питомцы о Кайдановѣ: „Кайдановъ старичекъ; лѣтъ двадцать пять или больше читаетъ одно и то же, вызубрилъ свое глупое красно-

¹⁾ И. С. Аксаковъ, стр. 96.

²⁾ Не Георгіевскаго ли разумѣлъ Сергій Тимоѣевичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, когда, говоря о бездарномъ и отсталомъ профессорѣ Городчанинѣ, онъ прибавляетъ: „точь въ точь похожій на известнаго профессора Г—го, или К—ва, нѣкогда обучающаго благородное руссійское юношество“. (Соч. Аксакова, т. I, стр. 355).

рѣше и любить, чтобы и ему отвѣчали такъ, какъ онъ написалъ въ своей исторіи“. Хотя нѣкоторые другіе профессора возбудили больше симпатій въ юныхъ Аксаковыхъ, какъ напримѣръ, особенно профессоръ политической экономіи Уткинъ, но въ перепискѣ мы не видимъ предпочтительнаго увлеченія юношей кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Семейное начало было такъ сильно въ Аксаковыхъ, что они привыкли интересоваться преимущественно или людьми, имѣвшими отношеніе къ ихъ дому, друзьями или знакомыми отца, или въ учебномъ заведеніи—воспитателями, естественно ближе стоящими по своимъ отношеніямъ къ воспитанникамъ. Такъ въ письмахъ часто упоминается воспитатель Андреевъ, но особенную симпатію внушилъ къ себѣ нѣкто Гельмерсенъ, „прекраснѣйшій воспитатель, о которомъ всѣ отзываются, какъ о благородномъ человѣкѣ“. Этотъ воспитатель просилъ Аксаковыхъ „быть съ нимъ знакомыми, откровенными и звалъ къ себѣ всегда, какъ только будетъ можно, кому-нибудь изъ насъ“. Такое дружеское, *неофициальное* отношеніе было неоцѣнимо особенно для нашихъ молодыхъ людей, при всей своей общительности и дружелюбности къ товарищамъ, всегда чувствовавшихъ себя въ чужой сферѣ, что особенно слѣдуетъ замѣтить о Григоріи Сергѣевичѣ, до пріѣзда нетерпѣливо ожидаемаго имъ Ивана Сергѣевича. Мѣсяца за два до поступленія послѣдняго въ училище, Григорій Сергѣевичъ писалъ родителямъ: „Какъ живо представилось мнѣ Богородское и вы, окруженные братьями и сестрами! какъ хотѣлось тогда быть мнѣ съ вами! А здѣсь иногда находить ужасная скука, мысли, для чего живемъ мы, къ чему стремимся и какой конецъ всего этого будетъ, часто по вечерамъ тревожатъ меня, я чувствую, что еще не имѣю власти надъ самимъ собой и что имѣю мало твердости въ своихъ намѣреніяхъ и поступкахъ. Притомъ у насъ въ училищѣ и ни въ одномъ воспитанникѣ не увѣренъ; если и станешь говорить съ нимъ пооткровеннѣе, то въ какую-нибудь минуту дурного расположенія мои же слова могутъ послужить насмѣшкой надо мной. Самый пріятный разговоръ въ училищѣ можетъ быть только о родномъ семействѣ: съ кѣмъ же здѣсь могу я говорить объ этомъ? Разумѣется, я былъ бы очень доволенъ, если бы Ваня поступилъ къ намъ, и это для него должно быть пріятно“. Особенно такое тяжелое настроеніе, соединенное съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ пріѣзда родныхъ, овладѣвало Григоріемъ Сергѣевичемъ по мѣрѣ приближенія радостнаго свиданія и усиливалось, главнымъ образомъ, подъ впечатлѣніемъ осенняго пейзажа: „Какъ нестерпима осень въ Петербургѣ! Грязь, лужи, вѣ-

теръ, снѣгъ вмѣстѣ съ дождикомъ такое наводятъ пренепріятное чувство. Я нынче совершенно все дѣлаю машинально, безсознательно! Богъ знаетъ, чтò приходитъ въ голову! особенно когда приходитъ въ голову, чтò я такое и чтò буду; исполню ли всѣ надежды?—Я очень желаю видѣть васъ, милый отбѣсенька, здѣсь съ Вапичкой, только если бы навѣрное знать, что онъ поступитъ къ намъ въ училище“.

Особенно выдающимся событіемъ было въ училищѣ каждое посѣщеніе принца Ольденбургскаго, который принималъ живѣйшее участіе въ покровительствуемомъ заведеніи, пріѣзжая на экзамены, которыми онъ интересовался до того, что часто самъ велъ все испытаніе и входилъ во всѣ подробности училищнаго быта. Однажды мы читаемъ слѣдующія строки, относящіяся къ посѣщенію имъ училища: „Принцъ нѣсколько разъ былъ у насъ на прошлой недѣлѣ. Самъ спрашивалъ всѣхъ насъ изъ государственнаго права, былъ доволенъ и далъ нашему классу таблицу, составленную имъ самимъ объ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ (о государственномъ совѣтѣ, о кабинетѣ министровъ, о сенатѣ и проч.). Онъ также осматривалъ нашу одежду и проч.“. „Нынче поутру принцъ былъ въ классѣ психологін и спросилъ меня; я отвѣчалъ (о вниманіи) хорошо, и онъ, кажется, былъ доволенъ. На этой недѣлѣ онъ бывалъ у насъ каждый день“.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Russia. Min. nar. pros.
"ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССCLVI.

1904.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

С. Т. АКСАКОВЪ И ЕГО СЕМЬЯ ¹⁾.

XVI.

Въ концѣ 1837 года Константинъ Сергѣевичъ перенесъ какую-то тяжелую болѣзнь, отъ которой медленно оправлялся. Этой болѣзнию была задержана его поѣздка за-границу, которую онъ намѣренъ былъ предпринять передъ магистерскимъ экзаменомъ. Передъ путешествіемъ онъ былъ страстно и безнадежно влюбленъ въ одну молодую особу, и по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ самая поѣздка была вызвана этимъ эпизодомъ. Ко времени его отъѣзда Аксаковская молодежь и Машенька Карташевская, по мѣрѣ своего созрѣванія, все больше принимаетъ участіе въ интересахъ старшаго брата, на котораго все больше обращается общее вниманіе семьи. Какъ изъ старшихъ, кромѣ самого Сергѣя Тимофеевича, во всѣхъ важныхъ вопросахъ наибольшимъ авторитетомъ пользовался голосъ М. П. Погодина, такъ что, если кто-либо высказывалъ какое-нибудь мнѣніе, какъ слѣдуетъ лучше поступить въ томъ или другомъ случаѣ, напримѣръ, хорошо ли будетъ помѣстить Ивана Сергѣевича въ училище Правовѣднія, то сейчасъ же ставился вопросъ, что объ этомъ думаетъ Михаилъ Петровичъ,— такъ такими же надежными и авторитетными считались сужденія и отзывы Константина Сергѣевича. Братья и сестры даютъ другъ другу совѣты о томъ, что читать, обмѣниваются мыслями, дѣлятся своими предположеніями и планами (о рисованіи, объ изученіи иностранныхъ языковъ, о посѣщеніи концерта музыкальной знаменитости и т. п.), но все это имѣетъ характеръ болѣе тѣснаго круга интересовъ срав-

¹⁾ *Продолженіе.* См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1904 годъ.

нительно съ тѣмъ, что касается Сергѣя Тимоѣевича и Константина Сергѣевича. Послѣдній являлся какъ бы другимъ представителемъ семейства, такъ что казалось болѣе естественнымъ обращаться къ нему въ письмахъ, когда дѣло касалось всѣхъ, напримѣръ: „Какъ досадно, милый братъ Костя, что вы всѣ такъ безпокоились! Надѣюсь, что въ другой разъ этого не будетъ. Мы сами о васъ здѣсь (т. е. Григорій и Иванъ Сергѣевичи) безпокоились, потому только, что вы были безпокойны объ насъ“. Также общій интересъ возбуждали знакомые и друзья Константина Сергѣевича, какъ и отца. „Кланяйся Попову и Щепкину“, писалъ брату Григорій Сергѣевичъ, „это только изъ твоихъ знакомыхъ, которыхъ я люблю, развѣ еще Боткина, да Ефремова, да Станкевича, который оттого и несчастенъ, что былъ знакомъ съ Бакунинымъ“, но онъ также просилъ въ другомъ письмѣ кланяться, кромѣ Станкевича, Бѣлинскому и Ефремову.

Константинъ Сергѣевичъ сохранялъ еще вполне въ это время свои дружескія отношенія ко всему кружку Станкевича, кромѣ Бакунина, къ которому онъ и всѣ Аксаковы охладѣли прежде, чѣмъ къ другимъ, хотя и имъ интересовались настолько, что изъ Петербурга сообщали ему даже новости, касавшіяся брата Бакунина, впрочемъ пользовавшагося у Аксаковыхъ лучшей репутаціей ¹⁾: „Братъ Бакунина—прекрасный молодой человѣкъ, былъ въ старшемъ классѣ артиллерійскаго училища, старшимъ портупей-юнкеромъ, но онъ поссорился съ однимъ изъ юнкеровъ и у нихъ назначена была дуэль“ и проч.

XVII.

Незадолго до отъѣзда за-границу Константинъ Сергѣевичъ, по-видимому, опять жилъ у Погодина, къ которому его братья не разъ писали, чтобъ узнать о немъ, о его житьѣ и о томъ, что онъ пишетъ. Простившись съ своими, онъ выѣхалъ въ дилижансѣ по направленію къ Петербургу, гдѣ долженъ былъ остаться на нѣсколько дней у Карташевскихъ. За-границей онъ предполагалъ пробыть не менѣе года, но это намѣреніе скоро поколебалось, и онъ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Рѣшиться оставить родителей и семью на продолжительное время было для него подвигомъ. Уже заранѣе долговременная отлучка изъ дому смущала его самого и другихъ членовъ

¹⁾ Въ то же самое время онъ продолжалъ интересоваться Надеждинымъ и жалѣлъ о его положеніи.

семьи; еще прежде, когда рѣчь касалась совершенно постороннихъ людей, и еще не было въ виду никакого проекта заграничнаго путешествія, мысль о жизни въ чужой странѣ казалась страшною молодымъ Аксаковымъ: „остаться жить въ чужой землѣ, кромѣ ужъ другихъ причинъ, должно быть очень неприятно“, писалъ Григорій Сергѣевичъ по поводу одной знакомой. Но въ первые дни послѣ отъѣзда воображеніе отъѣзжающаго отказывалось представить себѣ, что предстоитъ долговременная разлука, и любопытно, что и здѣсь, въ этой мелкой подробности, сказалась близость душевнаго склада молодыхъ Аксаковыхъ. „Когда я сѣлъ въ дилижансъ“, писалъ Константинъ Сергѣевичъ, „то мнѣ было грустно нѣсколько времени, а потомъ какъ-то страшно. Я не могъ себѣ вообразить, что я не только ѣду въ чужіе края, нѣтъ—что я просто уѣхалъ отъ васъ на нѣсколько дней. Я видѣлъ только, что теперь не вмѣстѣ съ вами, такимъ образомъ не вмѣстѣ, какъ это часто бывало, когда я ѣздили изъ деревни въ Москву. Я смотрѣлъ въ окно, говорилъ съ купцомъ, но все это такъ, какъ бы я не разставался, даже на недѣлю, какъ бы я долженъ былъ опять скоро увидѣть васъ“¹⁾. Почти то же за годъ передъ тѣмъ писалъ родителямъ Григорій Сергѣевичъ: „Въ пятницу былъ я еще съ вами, дражайшіе родители, а теперь уже за семьсотъ верстъ. Грустно разлучаться, очень грустно! Куда ни смотришь, все чужое. Дорогой и теперь все мнѣ кажется, что вы передо мной и слышатся ваши голоса. Доло не хотѣлось мнѣ вприты, когда садился я въ дилижансъ, что я оставилъ васъ на цѣлый годъ; мнѣ казалось, что я поѣхалъ на день, а потомъ опять къ вамъ во-рочусь въ Богородское“.

Еще не переѣхавъ черезъ границу, Константинъ Сергѣевичъ уже писалъ: „Завтра въ 10 часовъ выѣзжаю изъ Петербурга. Итакъ, прощай, милая Россія, дорогая страна! Сколько горестей и радостей было мною здѣсь испытано, сколько воспоминаній! Боже мой! вся жизнь моя прикована къ этимъ мѣстамъ; нѣтъ, нельзя,—только безчувственный человѣкъ можетъ поселиться на чужбинѣ“²⁾. На слѣдующій день Константинъ Сергѣевичъ уже съ любовью смотритъ на ямщика и говоритъ: „въ его лицѣ для меня существуетъ теперь вся Россія. Онъ запѣлъ пѣсню, и никогда еще пѣсня русская не дѣйствовала такъ особенно на меня“. Въ своихъ мечтахъ и мысляхъ о

¹⁾ „Cosmopolis“, 1898, 1, 70.

²⁾ „Cosmopolis“, стр. 74.

покидаемъ отечествѣ и о родной семьѣ Константинъ Сергѣевичъ, подобно брату, переносится воображеньемъ въ село Богородское и рисуетъ себѣ тихую картину счастья. „Свое счастье я воображаю тихимъ вечеромъ, однимъ изъ вечеровъ Богородскаго: солнце уже зашло, заря разлилась по небу, и я, вполне согласный душой съ этимъ чуднымъ, таинственнымъ состояньемъ природы, сижу надъ прудомъ—и счастливъ—да, здѣсь счастье“¹⁾. Для того, чтобъ это счастье могло осуществиться, предстояло сдѣлать успѣхи въ древнихъ языкахъ и написать первую часть грамматики.

Въ своихъ письмахъ къ родителямъ Константинъ Сергѣевичъ установилъ слѣдующій порядокъ: такъ какъ ему приходилось, подобно Карамзину, съ которымъ онъ себя и сравниваетъ, писать письма какъ-нибудь, при дорожной обстановкѣ: на станціяхъ, на лоскуткахъ, карандашемъ и проч. и при этомъ онъ долженъ былъ торопиться и постоянно отрываться,—то, параллельно съ описаніемъ текущихъ дорожныхъ впечатлѣній, мы находимъ у него то прерываемый, то опять возобновляемый послѣдовательный рассказъ о томъ, что съ нимъ случилось и съ кѣмъ онъ встрѣчался во время пути и въ тѣхъ городахъ, гдѣ онъ останавливался. Изъ этого отчета мы узнаемъ, что въ Петербургѣ онъ засталъ Н. И. Надеждина, возвратившагося изъ ссылки въ Усть-Сысольскъ. Тамъ же онъ познакомился съ Панаевымъ и Краевскимъ. Связью съ Панаевымъ служило для нашего путешественника знакомство послѣдняго съ Сергѣемъ Тимофеевичемъ и расположеніе его къ Бѣлинскому, съ которымъ Аксаковъ былъ еще въ дружбѣ (въ одномъ изъ дорожныхъ писемъ Константинъ Сергѣевичъ поручаетъ родителямъ „взять у Бѣлинскаго Лауру, подъ предлогомъ, что Вѣрочка хочетъ срисовать ее“²⁾ и, слѣдовательно, предполагаются частыя встрѣчи съ Бѣлинскимъ).

Объ этомъ свиданіи съ Константиномъ Сергѣевичемъ рассказываетъ и Панаевъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“. „Весною 1846 г.³⁾ остановился на нѣсколько дней въ Петербургѣ проездомъ за-границу К. Аксаковъ. Онъ на другой же день послѣ своего пріѣзда пришелъ ко мнѣ. Послѣ объятій и крѣпкихъ рукопожатій я спросилъ его:

— Надолго ли вы къ намъ, Константинъ Сергѣевичъ?

¹⁾ Тамъ же. стр. 75.

²⁾ „Cosmopolis“, 1898, I, 74.

³⁾ Здѣсь явная ошибка въ годѣ, слѣдуетъ читать 1838.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — зачѣмъ мнѣ оставаться здѣсь?.. Вы знаете, что мнѣ противенъ вашъ Петербургъ... Я послѣзавтра уѣзжаю за-границу. Мнѣ просто душно здѣсь. Вашъ Петербургъ... точно громадная казарма, выгнутаая въ струнку. Этотъ гранитъ, эти мосты съ цѣпями, этотъ безпрестанный барабанный бой — все это производитъ подавляющее, гнетущее впечатлѣніе... Лица какія-то не русскія... Болота, нѣмцы и чухна кругомъ. Нѣтъ, сохрани Боже, оставаться здѣсь долго“!

Когда мы вышли вмѣстѣ съ Аксаковымъ на улицу, онъ съ недоброжелательствомъ началъ посматривать на все: на дома, на людей, встрѣчающихся намъ; его раздражалъ громъ отъ экипажей, движеніе на улицахъ... И какъ будто для того, чтобъ забыться, отвлечь свое вниманіе отъ всего этого, онъ началъ смотрѣть вверхъ, на небо. Небо было ясно, одна только небольшая тучка пробѣгала по синевѣ... Аксаковъ схватилъ меня за руку, остановился и началъ съ жаромъ декламировать:

„Послѣдняя туча разсѣянной бури.
Одна ты несешься по ясной лазурн“.

Онъ продекламировалъ мнѣ все стихотвореніе, не замѣчая ничего и никого, и около насъ уже образовалась толпа съ ироническими улыбками.

Когда я обратилъ на это вниманіе Аксакова, Аксаковъ печально покачалъ головой:

„Я забылъ“,—сказалъ онъ,—„я думалъ, что я въ Москвѣ. У насъ нисколько не кажется страннымъ, если человѣку вздумается прочесть стихотвореніе, идя по улицѣ. А у васъ, вѣрно, это не принято, оттого эти господа и обступили насъ. Въ Москвѣ широта, просторъ, свобода во всемъ, а здѣсь“...

И онъ продолжалъ на эту тему, прибавивъ въ заключеніе:

— „Бога ради, извините, можетъ быть, я скомпрометировалъ васъ“ ¹⁾.

XVIII.

Совершенно согласно съ этимъ рассказомъ Константинъ Сергѣевичъ не упускаетъ случая заступиться за Москву и Московскій университетъ въ бесѣдахъ съ своими случайными спутниками и радостно

¹⁾ Панаевъ. „Литературныя воспоминанія“, I, 315—316.

сообщаетъ родителямъ о слышанныхъ выгодныхъ отзывахъ о Москвѣ; напимѣрь, „Шредеръ сказалъ, что Москва нравится ему гораздо больше, хотя въ Петербургѣ онъ больше нажилъ денегъ“ ¹⁾. Вниманіе его постоянно устремлено на національныя различія и почти вездѣ онъ отдаетъ безусловное преимущество русскимъ; при этомъ вездѣ слышится тонъ глубокаго убѣжденія и отношеніе къ чужеземцамъ не высокомѣрное и совершенно чуждое ненависти, но нѣсколько добродушное и даже иногда какъ бы сочувственно насмѣшливое. Иноземцы представляются Аксакову людьми, уступающими русскимъ, главнымъ образомъ, такъ сказать, въ натурѣ. „Почему, скажите, почему русскій ящикъ на четверкѣ везетъ скорѣе, нежели чухонецъ на восьми лошадахъ? На это развѣ одинъ отвѣтъ: тутъ русскій, а то чухонецъ“ ²⁾. „Скоро плохая ѣзда напомнила мнѣ, что на козлахъ сидитъ нѣмецъ, а не русскій“ ³⁾. „Въ русскомъ ящикѣ я вижу жизнь, движеніе, онъ хочетъ погулять, но, когда это холодное, безстрастное, безсильное твореніе туда же захочетъ вышить, то это у него не избытокъ жизни, которая принимаетъ такое направленіе въ простомъ народѣ, — нѣтъ, а насильственное раздраженіе“ ⁴⁾. Но въ то же время Константинъ Сергѣевичъ съ любовью и благоговѣніемъ смотритъ на гробницу Канта, съ умиленіемъ погружается въ историческія воспоминанія, любуясь памятниками католицизма, рыцарства и т. д., восхищается видами Рейна. Онъ легко осваивается съ нѣмцами и чувствуетъ себя хорошо среди нихъ, когда передъ нимъ открывается мирная домашняя обстановка нѣмецкой семьи. Порядокъ и уютность производятъ на него пріятное впечатлѣніе, такъ что однажды онъ, говоря о своихъ митавскихъ впечатлѣніяхъ, выражается такъ: „мнѣ такъ стало хорошо, такъ все вокругъ приводило меня въ такое пріятное состояніе духа, въ какой-то старинный, милый сонъ. Изъ сосѣднихъ комнатъ слышалась веселая беседа, женскій смѣхъ, слышались голоса людей довольныхъ и счастливыхъ. Все это привело меня въ самое пріятное расположеніе, дало мнѣ на то время и миръ и тишину“ ⁵⁾. Вообще, у Константина Сергѣевича отнюдь не было часто предполагаемаго въ немъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, особенно же онъ любилъ нѣм-

¹⁾ *Cosmopolis*“, 1898 г. 1, 74.

²⁾ Тамъ же, 1898 г. 1, 81.

³⁾ II, 18. 9.

⁴⁾ II, 191.

⁵⁾ II. 188.

цевъ, какъ однажды говорить ему въ своемъ письмѣ Григорій Сергѣевичъ, но причиной отрицательнаго къ нимъ отношенія у него была горячая любовь къ Россіи и склонность сравнивать и противопоставлять русское иностранному. Притомъ національныя предубѣжденія бывають обыкновенно обоюдны, и за-границей Константину Сергѣевичу не разъ случалось слышать возмущавшіе его отзывы о Россіи. Но съ большимъ интересомъ присматривался онъ къ нѣмецкимъ городамъ и деревнямъ, и многое ему нравилось: „весело“, говоритъ онъ, „смотрѣть на простой народъ: опрятность, чистота, довольство“ ¹⁾. Посѣщеніе музеевъ, бесѣды съ образованными нѣмцами, воспоминанія о Гете и Шиллерѣ приводили его въ восхищеніе, и тутъ же рядомъ у него вырываются осужденія нѣмецкаго хладнокровія: „Если нѣмецъ шибко ѣдетъ, то все у него такъ регулярно, такъ правильно, какъ по масштабу; ни разу лошади его не помчатся, какъ стрѣла, ни разу не прикрикнетъ онъ, какъ русскій ямщикъ, съ которымъ ѣхать иногда просто наслажденье. Характеръ народовъ высказывается всюду; посмотрите, сколько жизни въ русскомъ ямщикѣ! Она выражается у него всюду, подберетъ ли онъ возжи и прикрикнетъ: „эхъ вы!“; запоетъ ли онъ нѣсню, протяжную и грустную... вездѣ видно одушевленіе, вездѣ виденъ человекъ, Богомъ отмѣченный. Есть вещи, которыхъ не даетъ никакое просвѣщеніе: это моя замѣтка въ мое еще краткое пребываніе въ Германіи“. Но просвѣщеніе тѣмъ не менѣе сильно дѣйствовало на благороднаго юношу: „Въ первый разъ увидѣлъ я въ Кенигсбергѣ памятникъ среднихъ вѣковъ: католическую церковь, мрачную и грозную; я вошелъ и встрѣтилъ наконецъ слѣды рыцарства... Со всѣхъ сторонъ памятники, портреты рыцарей во весь ростъ и плиты, по которымъ ходилъ я, съ ихъ изображеніемъ. Да, рыцарство въ первый разъ показало міру, что есть сила духа, сила внутренняя. Какое значеніе получило чувство любви во время рыцарства“ ²⁾. „На пути видѣлъ я много хорошихъ городовъ, очень населенныхъ; вообще вездѣ встрѣчалъ я опрятность, трудолюбіе, бодрость на лицахъ, удобства жизни возведены до высшей степени. Все напоминаетъ, что вы въ странѣ образованной, въ странѣ наукъ; особенно въ Берлинѣ вы это чувствуете живѣе: честь и слава нѣмцамъ! Все, что дано имъ отъ природы, все развили они до высшей степени и продолжаютъ

¹⁾ III, 277—278.

²⁾ „Cosmopolis“, III, 283.

развивать, но *субстанція* народа, говоря ихъ же выраженіемъ, гораздо ниже *субстанціи* русскаго народа. Другими словами: больше талантовъ дано русскому, нежели нѣмцу; но въ томъ и состоитъ заслуга и преимущество послѣдняго, что онъ развилъ, обработалъ все, что дано ему“ ¹⁾. По временамъ Аксаковъ чувствуетъ себя такъ пріятно въ чуждой обстановкѣ, что на мгновеніе забывается и думаетъ, что онъ въ Россіи; иногда ему приходитъ мысль впоследствии вновь посѣтить Германію въ обществѣ своихъ братьевъ и сестеръ, съ которыми онъ хочетъ подѣлиться всѣмъ, что его увлекало. Въ Дрезденѣ же восторгъ его достигъ до такой степени, что онъ начинаетъ одно изъ своихъ писемъ словами: „Ахъ, Дрезденъ, Дрезденъ! Какой прекрасный городъ! Здѣсь только явилась мнѣ дорогая моя Германія, съ которой я давно знакомъ и которую увидалъ наконецъ! Сейчас былъ я въ Большомъ Саду! Какъ хорошо!“ Все письмо проникнуто такимъ же настроеніемъ. Вообще, чѣмъ меньше выступаетъ у К. Аксакова національное пристрастіе, тѣмъ живѣе онъ поддается увлеченію именно Германіей, вынесенному имъ изъ кружка Станкевича; вліяніе становится очевиднымъ въ виду частыхъ упоминаній, кромѣ Гете и Шиллера, о Гофманѣ, о критикѣ Марбахѣ и другихъ нѣмецкихъ писателяхъ, особенно чтимыхъ въ кружкѣ Станкевича и часто упоминаемыхъ въ перепискѣ Станкевича, Боткина, Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ того же кружка, мимоходомъ не разъ проявляется предубѣжденіе юноши противъ французовъ. По мѣрѣ углубленія во внутрь Германіи, Константинъ Сергѣевичъ все сильнѣе отдается захватывающимъ его впечатлѣніямъ и совершенно живетъ душой въ этой странѣ, такъ, какъ жилъ на родинѣ, но его слухъ пріятно поражается славянскими званіями нѣкоторыхъ городовъ, и онъ предается національнымъ и политическимъ размышленіямъ съ онѣмеченными поляками. Въ Саксонской Швейцаріи онъ былъ въ такомъ упоеніи отъ роскошныхъ картинъ природы, что долго находился подъ ихъ обаяніемъ, и потомъ такъ захопотался въ Дрезденѣ, что даже забылъ „поздравить въ другой разъ“ свою мать съ днемъ ангела ²⁾. Однажды въ письмѣ изъ Страсбурга онъ говоритъ: „Теперь утро: изъ моего окошка прекрасный видъ на Рейнъ; окна обращены на востокъ къ Россіи“ ³⁾. Въ Ман-

¹⁾ III, 234.

²⁾ IV, 82.

³⁾ VI, 269.

⁴⁾ VII, 75.

теймъ ночь надъ Рейномъ напомнила ему родныя мѣста: „небо то покрывалось облаками, то снова прочищалось; сквозь облаковъ, то ярче, то блѣднѣе, свѣтиль мѣсяцъ, и отъ него протягивался серебряный столбъ, который напомнилъ мнѣ прудъ и ночи въ Богородскомъ“ ¹⁾. Въ Лейпцигѣ и Веймарѣ Константинъ Сергѣевичъ предавался литературнымъ и историческимъ воспоминаніямъ. Въ Лейпцигѣ онъ видѣлъ надгробный памятникъ Геллерта, старинную церковь, освященную Лютеромъ, и погребъ Ауэрбаха, откуда, по преданію, Фаустъ выѣхалъ верхомъ на бочкѣ; въ Веймарѣ онъ съ благоговѣніемъ посѣтилъ гробницы Шиллера и Гете. Его увлеченіе Шиллеромъ сильно сказалося еще въ Москвѣ, когда онъ перевелъ изъ него нѣсколько стихотвореній, напечатанныхъ потомъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“. Въмѣстѣ съ Станкевичемъ онъ былъ самымъ пламеннымъ поклонникомъ Шиллера въ кружкѣ Станкевича, въ то время какъ отношеніе къ Шиллеру Бѣлинскаго и нѣкоторыхъ другихъ колебалось отъ восторженнаго преклоненія до холодности и озлобленія ²⁾. У гробницъ Шиллера и Гете онъ испыталъ сильное волненіе и „въ полной мѣрѣ чувствовалъ, у чьихъ гробовъ стоялъ“ ³⁾. Юнаго энтузіаста глубоко оскорбляло, когда онъ встрѣчалъ невѣжественное отношеніе къ Шиллеру на его родинѣ, и приводило въ восторгъ сочувственное къ нему отношеніе. Извѣстенъ рассказъ Панаева о встрѣчѣ его въ Берлинѣ съ одной уличной продавщицей, совершенно не знакомой съ Шиллеромъ, и объ ужасѣ его, когда послѣдняя, получивъ отъ него въ подарокъ его любимаго автора, откровенно высказала свое сожалѣніе, зачѣмъ онъ не подарилъ ей просто деньгами. Напротивъ, его приятно поразило обидчивое недоумѣніе одной простой дѣвушки, которой онъ задалъ вопросъ, знаетъ ли она грамотѣ, тогда какъ оказалось, что она читаетъ на двухъ языкахъ, знакома съ Шиллеромъ и обладаетъ видами Саксонской Швейцаріи ⁴⁾. Изъ Веймара онъ писалъ своему лядѣ Карташевскому: „Сейчасъ я стоялъ у гроба Шиллера... Боже мой, какое важное, великое значеніе имѣеть для меня это имя! Со сколькими другими душами соединяетъ онъ меня! Сколько разъ, читая его стихотворенія, испытывалъ я святое, глубокое наслажденіе! Это

¹⁾ VII, 81.

²⁾ Изъ Гете онъ также перевелъ нѣсколько стихотвореній для „Московского Наблюдателя“. Онъ писалъ также собственные стихотворенія подъ псевдонимомъ Эврипидина и печаталъ нѣкоторыя изъ нихъ.

³⁾ VI, 279.

⁴⁾ VI, 273.

были такія минуты, которыя очищаютъ, возвышаютъ душу! Съ пятнадцати лѣтъ я уже зналъ его, въ немъ находилъ я удовлетвореніе потребности истинной духовной жизни, которую Богъ вложилъ въ меня“ ¹⁾. Въ Майнцѣ у Ранке онъ пилъ кофе изъ чашки Шиллера ²⁾. Въ Страсбургѣ онъ еще больше утвердился въ своихъ нѣмецкихъ симпатіяхъ и въ антипатіи къ французамъ; онъ писалъ тогда: „Германія не только не проиграла, но выиграла въ моемъ путешествіи; узнавъ ближе нѣмцевъ, я больше полюбилъ ихъ. Но французы напротивъ: я теперь о нихъ гораздо меньше думаю, чѣмъ прежде, и еще болѣе увѣрился во всѣхъ недостаткахъ, которые находилъ въ нихъ и прежде“ ³⁾. Въ Швейцаріи Аксаковъ имѣлъ случай больше сталкиваться съ французами и не перемѣнилъ о нихъ своего мнѣнія, и его заключеніе о нихъ было таково: „французы храбрый, добрый, пылкій народъ, съ стремленіемъ къ высокому, но совсѣмъ не на настоящемъ пути, а на пути вѣшняго, на пути разсудка“ ⁴⁾. Онъ сообщаетъ о французахъ едва вѣроятные рассказы о томъ, какъ они говорятъ пустыя фразы безъ всякой мысли, до такой степени, что одинъ изъ нихъ, на возраженіе Аксакова, что русскіе не хладнокровный, а живой народъ, сказалъ: „да, это правда, русскій хладнокровенъ и горячъ вмѣстѣ“ ⁵⁾. Константину Сергѣевичу казалось даже, что французы говорятъ умнѣе, когда объясняются по нѣмецки, но говорятъ невозможный вздоръ на своемъ родномъ языкѣ.

XIX.

Въ Германіи Аксакову нравилось также свойственное нѣмцамъ ученое увлеченіе прошлымъ при равнодушіи къ настоящему—черта, такъ сильно отличающая нѣмцевъ отъ французовъ. Съ большими ожиданіями и съ нетерпѣніемъ стремился Аксаковъ въ Швейцарію. Тамъ онъ мечталъ нанять загородный домикъ или по крайней мѣрѣ, комнату въ загородномъ домикѣ ⁶⁾ и наслаждаться уединеніемъ среди роскошной природы. „Когда-то я буду въ комнаткѣ, писалъ онъ, хорошенькой и небольшой, гдѣ-нибудь около рѣчки или озера въ

¹⁾ VII, 73.

²⁾ VII, 85.

³⁾ VII, 83.

⁴⁾ VIII, 154.

⁵⁾ VIII, 150. Это напоминаетъ уже отношеніе Фонвизина къ французамъ въ его письмахъ.

⁶⁾ VI, 272.

Швейцаріи“. Любопытно, что къ этимъ мечтамъ также присоединялись желаніе и надежда удить и сообщать отцу объ успѣхѣхъ уженья ¹⁾. Это желаніе мирной, идиллической жизни въ Швейцаріи онъ называетъ въ одномъ изъ писемъ „давнишнимъ“, и мало-по-малу выборъ его останавливается на Люцернѣ и Фирвальшtedскомъ озерѣ: „скоро поѣду въ Люцернѣ, гдѣ недалеко отъ Фирвальшtedскаго озера найму себѣ комнатку, и такимъ образомъ исполнится мое давнишнее желаніе и среди прекрасной природы въ уединеніи, мирѣ и тишинѣ улягутся, примутъ настоящее опредѣленіе всѣ впечатлѣнія моего путешествія, и вообще, вся внутренняя жизнь, надѣюсь, проявится опредѣленнѣе, явственнѣе, и трудъ живо пойдетъ“ ²⁾. Въ Люцернѣ онъ надѣялся отдохнуть: тамъ ему хотѣлось насладиться швейцарскою природою, бродя по его окрестностямъ. И дѣйствительно, уже по пріѣздѣ въ Люцернѣ, оказалось, что Швейцарія вообще не обманула его ожиданій. Изъ Люцерна онъ съ восхищеніемъ писалъ: „Я сижу у окна и прямо передо мной гора Пилатусъ, около вершины ея ходятъ облака,—видны горы, покрытыя снѣгами. Я теперь среди настоящей Швейцарской природы“ ³⁾.

Но заранѣе составленное представленіе о райской тишинѣ и уединеніи не вполне оправдалось, и „домижъ не сходился съ понятіемъ, какое онъ составилъ себѣ о своемъ уединенномъ мѣстопребываніи“ ⁴⁾.

Виды Швейцарія восхищали Константина Сергѣевича, но, какъ впоследствии оказалось, въ немъ не было жилки туриста, такъ что, отдавъ дань восторгамъ этой чудной странѣ, онъ нисколько не пристрастился къ путешествіямъ и даже наоборотъ не одобрялъ потомъ въ своемъ братѣ Иванѣ Сергѣевичѣ его пристрастія къ южному климату и къ перемѣнѣ мѣстъ. Швейцарскія снѣговыя горы, водопады, озера—все это, однако, не могло не производить на него сильнаго впечатлѣнія, такъ что во время этихъ своихъ странствованій онъ почти не дѣлалъ наблюденій надъ національностями и не проводилъ между ними параллелей, что въ другихъ случаяхъ составляетъ одну изъ любимыхъ темъ его писемъ изъ-за границы. Въ своихъ путешествіяхъ онъ обращалъ вниманіе вообще не столько на природу, сколько на челоуѣка, но и здѣсь у него не было той способности и желанія сживаться съ людьми съ цѣлью ближе узнать

¹⁾ VII, 71.

²⁾ VII, 76.

³⁾ VIII, 144.

⁴⁾ VIII, 155.

ихъ, какъ у того же Ивана Сергѣевича, чѣмъ и объясняются та непрактичность и незнаніе жизни, которыми онъ послѣ всегда отличался. Со своими случайными собесѣдниками Константинъ Сергѣевичъ говорилъ обыкновенно о вопросахъ отвлеченныхъ, касающихся литературы и политики, не имѣя времени и возможности, а также и желанія ближе всматриваться въ жизнь. Притомъ, чувствуя себя гостемъ на чужбинѣ и постоянно стремясь душой на родину, по которой ему также никогда почти не приходилось и послѣ много путешествовать, онъ никогда не отдавался путешествію всѣмъ существомъ. Путешествія правда еще сильнѣе упрочили его патриотизмъ; но онъ до такой степени былъ наклоненъ переноситься на время въ чуждую среду, что напримѣръ въ Регенсбургъ ему вспоминается не какой иной русской ландшафтъ, но именно село Богородское. „Мнѣ весело было“,—говорилъ Константинъ Сергѣевичъ, — „идти между полей, освѣщенныхъ вечернимъ солнцемъ! Почти прямо противъ него, тамъ далеко, еще далеко, лежитъ моя Россія безконечная, тамъ середь нея Москва, а тамъ въ Москвѣ вы, дражайшіе мои родители, и братья и сестры“.... „Я возвратился въ Регенсбургъ. Богородское вспоминалось мнѣ ¹⁾).

XX.

Невольно приходитъ по этому поводу мысль, что если семью Аксаковыхъ вообще можно назвать почти идеальной по тѣмъ прекраснымъ нравственнымъ началамъ, которыя были положены въ ея основу, то въ ней былъ не совсѣмъ благопріятный элементъ замкнутости въ тѣсномъ кругѣ. Эта семья развивала въ своихъ младшихъ членахъ гуманное, доброжелательное отношеніе ко всѣмъ, задушевную преданность всѣмъ историческимъ и національнымъ завѣтамъ; въ домѣ Аксакова неизмѣнно царилъ семейный ладъ и полнѣйшая искренность и простота въ отношеніяхъ. Всѣ эти качества у Аксаковыхъ притомъ дружно и гармонично соединялись съ серьезнымъ образованіемъ, такъ рѣдко уживающимся съ простосердечной патриархальностью. Но если мы сравнимъ Константина Сергѣевича съ его братьями, то должны будемъ признать, что въ отношеніи къ послѣднимъ общественное образованіе, несомнѣнно, внесло необходимую поправку въ излишнюю односторонность домашняго вліянія, которое съ годами становилось все болѣе и болѣе замѣтно въ Константинѣ Сергѣевичѣ. Несомнѣнно,

¹⁾ XI, 149.

съ другой стороны, что по той же причинѣ изъ него вышелъ болѣе цѣльный и яркій славянофильскій типъ. Искренняя и глубокая взаимная привязанность дѣлала совершенно невозможнымъ со стороны членовъ этой семьи пессимистическое отношеніе къ людямъ и холодное равнодушіе или презрѣніе къ участи ближняго. Въ такой семьѣ ея подрастающіе члены находили слишкомъ большой запасъ внутренняго душевнаго равновѣсія и теплой любви къ окружающему, чтобы легко склониться въ сторону отрицанія или отчаянья. Все близкое съ дѣтства было священнымъ для Аксаковыхъ, но тѣсный кругъ завѣтныхъ симпатій дѣтства долженъ былъ съ годами расширяться (мы не видимъ этого въ Константинѣ Сергѣевичѣ, хотя съ другой стороны его симпатіи выигрывали въ силѣ и задушевности). За границей онъ весьма дорожилъ случаями говорить и спорить о Россіи. „Не упоминая даже о семейственныхъ связяхъ, о сердечномъ стремленіи“—говорилъ Константинъ Сергѣевичъ,—„Россія, земля самая,—моя страна, тамъ моя жизнь, тамъ кругъ моего дѣйствія, и космополитизмъ кажется мнѣ совершенной глупостью, и это опять не старинный патриотизмъ, который былъ утрированъ, но я теперь люблю больше, истиннѣе отечество, потому что истиннѣе понимаю его значеніе“¹⁾. И только для нѣмецкой національности, къ которой Константинъ Сергѣевичъ относился всегда весьма сочувственно, дѣлалъ онъ исключеніе въ своемъ холодномъ отношеніи къ иноземцамъ. „Славные, чудные нѣмцы“, говорилъ онъ: „мнѣ хорошо съ ними; я сочувствую съ ихъ ясными, глубокими душами“²⁾. Возвращаясь въ Россію, Константинъ Сергѣевичъ былъ въ самомъ свѣтломъ, ликующемъ настроеніи. Онъ съ увлеченіемъ читалъ Пушкина и „съ наслажденіемъ погружался въ музыку родного языка“. Съ пріятнымъ сознаніемъ достигнутой цѣли въ душѣ, онъ находилъ, что путешествіе ему было полезно для его филологическихъ изученій, и первымъ вступленіемъ въ филологическій міръ онъ избиралъ критику грамматики Бѣлинскаго. О послѣднемъ онъ вспоминалъ съ самымъ теплымъ чувствомъ, говоря: „пріѣду помогать Виссаріону,—помогать буду изо всѣхъ силъ, писать, переводить и прозой, и стихами“³⁾. Въ Мышиной (или Гаттоновой) башнѣ, гдѣ эхо прекрасно повторяетъ даже трехсложныя слова, онъ заставилъ его семь разъ прокричать „Мо-

¹⁾ XI, 149.

²⁾ XI, 154. Любопытенъ здѣсь невольный германизмъ К. С.—ча.

³⁾ XII, 220.

сква“ ¹⁾. Всѣ помыслы нашего путешественника были теперь направлены въ Россію, въ Москву, къ своимъ.

XXI.

По возвращеніи въ Россію Константинъ Сергѣевичъ явился уже вполне сформировавшимся славянофиломъ, но онъ отличался отъ другихъ славянофиловъ тѣмъ, что значительно суживалъ ихъ доктрину, сосредоточивая свои симпатіи исключительно на русской народности и оставаясь почти совершенно равнодушнымъ къ другимъ славянскимъ племенамъ. Въ этомъ опять сказались слѣды его воспитанія, такъ же, какъ и въ томъ, что и изъ русской національности онъ сильно выдѣлялъ въ своихъ симпатіяхъ только великорусскую отрасль. Всѣмъ этимъ онъ довольно существенно отличался отъ другихъ славянофиловъ, но, какъ горячій послѣдователь Гегелевской философіи и восторженный поклонникъ русскихъ національныхъ началъ, въ высшей степени подходилъ къ ихъ направленію. По мѣрѣ сближенія его съ славянофилами выяснялась идейная рознь его съ Бѣлинскимъ и съ другими представителями западничества. Еще въ письмахъ изъ-за границы, въ то время, когда въ его мысляхъ о возвращеніи на родину вмѣстѣ съ другими пріятными надеждами видную роль занимали его предположенія о дружной дѣятельности съ Виссаріономъ, назрѣвали уже и постепенно начали все больше обнаруживаться несогласія ²⁾, а въ семьѣ Аксаковыхъ Бѣлинскаго уже давно не долюбливали за рѣзкость сужденій.

Съ распаденіемъ кружка Станкевича на партіи славянофильскую и западническую, литературные интересы молодого поколѣнія все сильнѣе стали захватывать Сергѣя Тимоѣевича, и если прежде его волновала полемика съ Полевымъ, то теперь его возмущаютъ Бѣлинскій, Бакунинъ и другіе. Къ концу тридцатыхъ годовъ относится чуть-ли не послѣднее письмо къ Сергѣю Тимоѣевичу его друга Великопольскаго, въ которомъ корреспондента Сергѣя Тимоѣевича интересовалъ Полевой. „Теперь онъ“,—писалъ Великопольскій о Полевомъ,—„опять со щетинистымъ своимъ слогомъ является на журнальное поприще со всѣмъ проявленіемъ своего духа партій: мщеніе противъ Лажечникова за статью, напечатанную имъ противъ него въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“; нападки на Погодина за то, что

¹⁾ XII. 226.

²⁾ XI. 73.

онъ смѣть не уважать его какъ историка; похвалы Булгарину и Гречу“¹⁾ и прочее.

Но это былъ уже послѣдній, замирающій отголосокъ прежнихъ волненій и интересовъ, отходившихъ теперь въ область преданія и смѣнявшихся другими.

Сергѣй Тимофеевичъ, по своему возрасту и складу образованія уже не испытавшій на себѣ вліянія Гегелевской философіи, если, быть можетъ, не былъ подготовленъ вполнѣ къ воспріятію философской стороны славянофильскаго ученія, то по своимъ симпатіямъ могъ такъ же легко примкнуть къ представителямъ этого ученія, какъ и его сыновья. Къ нему смѣло можно примѣнить слѣдующія слова, сказанныя Иваномъ Аксаковымъ о Константинѣ Сергѣевичѣ, за исключеніемъ только оговорки о вліяніи Гегелевской философіи: „въ немъ были всегда, съ дѣтства, живы всѣ инстинкты народные и православныя, и какъ ни сильно было въ юности вліяніе на него Гегеля, Аксаковъ никогда не разрывалъ связи съ этими инстинктами“. „Напротивъ, и тогда“—читаемъ мы дальше—„Гегель употреблялся имъ какъ орудіе для защиты и пушлага возвеличенія русской народности. При первомъ же его сближеніи съ Хомяковымъ, уяснились и оправдались въ немъ его православныя инстинкты: тутъ не было ни борьбы, ни обращенія“²⁾. Такимъ образомъ философія Гегеля была для К. Аксакова лишь орудіемъ и вещь второстепенной; главное заключалось въ инстинктахъ; но инстинкты эти были унаслѣдованы отъ отца, которому въ данномъ случаѣ незнаніе Гегеля также не могло мѣшать. И вотъ Хомяковъ и другіе славянофилы теперь все болѣе сближаются съ Аксаковыми, и внутренняя связь славянофильскаго кружка крѣпнеть. Но чѣмъ больше усиливалось на Константина Аксакова вліяніе Хомякова и другихъ славянофиловъ, тѣмъ больше отдѣлялъ его отъ Бѣлинскаго „китайскій элементъ, который примѣшался къ прекраснымъ элементамъ его духа“³⁾. Въ 1839 г. началось затѣмъ сближеніе Аксакова съ Ю. Ѳ. Самаринимъ, и въ то же время произошелъ его окончательный разрывъ съ Бѣлинскимъ. И. И. Панаевъ сообщаетъ намъ много интересныхъ свѣдѣній о занимающемъ насъ времени въ своихъ „Литературныхъ Воспоминаніяхъ“; рассказывая о переселеніи Бѣлинскаго въ 1839 году въ Петербургъ для

¹⁾ Въ томъ же письмѣ находимъ вопросъ о томъ, написалъ ли Сергѣй Тимофеевичъ письмо къ Гоголю.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1873, XII, 2523.

³⁾ *Пыпинъ*, „Бѣлинскій. Его жизнь и переписка“, I, 278.

участія въ редактированіи „Отечественныхъ Записокъ“, онъ говоритъ, что Константинъ Сергѣевичъ тогда „смотрѣлъ на него съ грустью, съ сожалѣніемъ и почти съ досадою“¹⁾. Пуще всего, не могъ понять Константинъ Сергѣевичъ, какъ Бѣлинскій могъ рѣшиться разстаться съ Москвой. Послѣ этого когда онъ получилъ отъ всегда сильно увлекавшагося Бѣлинскаго письмо, яко бы „преисполненное самыхъ грубыхъ, неистовыхъ, циническихъ ругательствъ на Россію и русскаго человѣка и самоувѣренной похвалы, что въ этомъ его новомъ отношеніи къ русской народности заключался новый моментъ развитія“, то ихъ разрывъ не замедлилъ состояться. Когда Погодинъ вскорѣ задумалъ основать „Москвитянинъ“, то Константинъ Сергѣевичъ, за неимѣніемъ настоящаго славянофильскаго органа, сначала съ готовностью примкнулъ къ этой редакціи, и такимъ образомъ различіе между двумя извѣстными направленіями обозначалось еще сильнѣе.

XXII.

Съ 1826 года Сергѣй Тимоѣевичъ прочно поселился въ Москвѣ, но его все-таки тянуло по временамъ въ излюбленный Оренбургскій край, съ которымъ такъ тѣсно связаны его дѣтскія и юношескія воспоминанія, а также воспоминанія охотничьи и обо всѣхъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ сильныхъ увлеченіяхъ красотами природы. Въ 1839 г. Сергѣй Тимоѣевичъ, недавно получившій послѣ смерти отца (въ 1837 г.) большое наслѣдство, вышелъ въ отставку. Теперь онъ сдѣлался совершенно свободнымъ человѣкомъ и могъ посвящать значительную часть своего времени литературѣ и жить, гдѣ угодно. Понятно, что при сильно развитыхъ литературныхъ наклонностяхъ онъ тотчасъ же въ широкихъ размѣрахъ воспользовался предоставленной ему свободой и, поощренный совѣтами и высокой оцѣнкой Гоголя его литературныхъ произведеній, принялся за первый свой крупный трудъ „Семейную хронику“—уже въ 1840 г.²⁾ Въ томъ же году Академія наукъ предложила ему принять участіе въ ея трудахъ по присужденію Уваровскихъ премій. Такимъ образомъ, уже передъ пятидесятилѣтнимъ старикомъ Аксаковымъ открылось широкое литературное цоприще. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полученіемъ полной свободы, у него,

¹⁾ Панаевъ, „Литературныя Воспоминанія“, стр. 256.

²⁾ Панаевъ прямо говоритъ, что „безъ Гоголя Аксаковъ едва ли написалъ бы „Семейство Багровыхъ“ („Литер. Воспомин.“, стр. 230).

человѣка уже весьма пожилого, возникаютъ новыя планы. Одинъ изъ друзей писалъ ему въ началѣ сороковыхъ годовъ въ отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо: „О необходимости не жить въ Москвѣ круглый годъ ты мнѣ ничего не писалъ, но я и безъ того чувствую хорошо необходимость въ лѣтніе жары вздохнуть чистымъ воздухомъ. Со всѣмъ тѣмъ я совершенно согласенъ, что въ Оренбургской губерніи ты бы долго не нажилъ. Въ лѣсахъ къ звѣрямъ мудрено забиться изъ столицы. Но отчего у тебя разошлась покупка имѣнія, которымъ ты такъ восхищался въ проѣздъ мой чрезъ Москву и которое, кажется, было у тебя уже сторговано“? (вѣроятно, купленное вскорѣ Абрамцево). Приходило также на мысль Сергѣю Тимофеевичу искать новой службы, какъ на это указываетъ сохранившееся письмо его стараго университетскаго товарища и пріятеля В. И. Панаева, который писалъ ему изъ Петербурга отъ 27-го іюля 1842 г.: „узнавъ изъ письма твоего къ Княжевичу, что ты желалъ бы служить по министерству финансовъ или министерству двора, я вздумалъ предложить тебѣ открывшуюся здѣсь ваканцію управляющаго конторой театровъ. Оклады мѣста сего весьма значительны и простираются до 7000 руб.; но должно напередъ тебѣ сказать, что труда не мало: надобно, такъ сказать, *посвятить себя службѣ*“. Панаевъ повелѣлъ дѣло весьма энергично, какъ показываютъ слѣдующія слова его письма: „Признаюсь, что я даже говорилъ о тебѣ министру, который позволилъ мнѣ войти съ тобой по сему случаю въ переписку“. Такимъ образомъ, со стороны министра, безъ сомнѣнія прекрасно знавшаго или по крайней мѣрѣ обстоятельно освѣдомленнаго Панаевымъ объ отношеніяхъ Аксакова къ театральному міру и особенно о любви его къ театру, было уже получено въ сущности согласіе на назначеніе Аксакова на просимую для него должность, и дѣло было, повидимому, въ его рукахъ. Между тѣмъ никакой дальнѣйшей переписки, судя по дошедшимъ до насъ документамъ, не воспослѣдовало, изъ чего можно заключить, что Аксаковъ самъ же и не захотѣлъ дать дѣлу дальнѣйшаго хода. Причина же такого страннаго на первый взглядъ оборота дѣла, кажется, заключалась въ слѣдующихъ строкахъ того же выше цитированнаго письма Панаева, гдѣ дальше читаемъ: „Сила въ томъ, захочешь ли ты: 1) надѣтъ на себя лямку настоящей службы? 2) находиться въ командѣ князя Гагарина? и 3) промѣнять Москву на Петербургъ? Если рѣшеніе сихъ вопросовъ будетъ въ пользу моего предложенія, то я совѣтовалъ бы принять оное, ибо мѣсто управляющаго здѣшними театрами довольно видное и обезпечено хорошимъ

содержаніемъ“. Такимъ образомъ надо предполагать, что, достаточно уже обеспеченный собственными средствами и сильно привязанный къ Москвѣ, Сергѣй Тимоѳеевичъ не захотѣлъ на себя брать „лямку настоящей службы“ и, вѣроятно, не долго колеблясь, послалъ отрицательный отвѣтъ, и уже послѣ этого „зажилъ рѣшительно частнымъ человѣкомъ“, какъ выражается г. Венгеровъ, относящій впрочемъ за неимѣніемъ исполнѣ точныхъ свѣдѣній о сообщаемомъ нами эпизодѣ окончательное рѣшеніе Аксакова остаться свободнымъ на всю жизнь къ нѣсколько болѣе раннему времени, именно къ порѣ оставленія имъ межевого института, т. е. къ 1839 г. ¹⁾.

XXIII.

Между тѣмъ М. С. Аксаковъ, оставшійся до сихъ поръ въ Москвѣ съ родителями, былъ привезенъ въ концѣ 1839 г. въ Петербургъ для поступленія въ Пажескій Корпусъ, а Григорій Сергѣевичъ былъ уже на выходѣ изъ училища Правовѣднія. Одинъ изъ его товарищей и хорошихъ знакомыхъ Аксаковской семьи, Николай Калайдовичъ, писалъ о нихъ: „Гриша, какъ говорится, и спитъ и видитъ, какъ бы скорѣе выдти. Онъ будетъ славный дѣлецъ и законникъ. Онъ рожденъ для жизни дѣловой. И теперь первое наслажденіе его читать записки дѣлъ, не рѣшенныхъ въ общемъ собраніи сената“. Характеристика эта оказалась исполнѣ вѣрной и впоследствии блистательно оправдалась. Григорій Сергѣевичъ былъ настолько же дѣльный и умный практикъ, насколько Константинъ Сергѣевичъ—талантливый теоретикъ и человѣкъ принципа и идеи. Изъ писемъ его можно видѣть, что когда онъ учился, то не выдавался особенно среди товарищей единокурсниковъ и никому изъ нихъ не приходило въ голову считать его звѣздой, виднымъ человѣкомъ своего круга, какъ это въ той или другой степени несомнѣнно имѣло мѣсто относительно его братьевъ; у него не было ни отвлеченно-научныхъ стремленій, ни извѣстнаго литературнаго дарованія; но онъ былъ хороший, честный дѣятель въ болѣе скромной сферѣ и по службѣ шелъ прекрасно. Объ Иванѣ Сергѣевичѣ тотъ же Калайдовичъ отзывался такъ: „Ваня—другой человѣкъ; онъ больше литераторъ и философъ, хотя между тѣмъ и юридическія занятія его идутъ успѣшно“ ²⁾. Сохранившіяся письма Ивана Сергѣевича отъ 1840 года къ Погодину

¹⁾ „Критико-біогр. словарь“, Венгерова, I, стр. 167.

²⁾ *Барсуковъ*, V, 483—484.

доказываютъ его любознательность, а въ его позднѣйшихъ письмахъ къ отцу мы имѣемъ доказательство его теплаго, сердечнаго отношенія къ тому заведенію, въ которомъ онъ получилъ воспитаніе. Приѣхавъ черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса въ Петербургъ, онъ, уже много испытавшій въ жизни и, такъ сказать, потерпѣвшій по службѣ, съ радостью писалъ своимъ родителямъ, что „часть оконъ его квартиры обращена на садъ училища Правовѣдѣнія и на окна классовъ, въ которыя онъ часто смотрѣлъ“ ¹⁾. Онъ былъ тронутъ до слезъ, когда вошелъ черезъ семь лѣтъ по окончаніи курса въ училищную церковь и услышалъ голосъ того же священника ²⁾; для него было знаменательно говѣнье въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ говѣлъ семь лѣтъ назадъ еще юношей, для котораго разстилалась только впереди безвѣстная дорога жизни ³⁾. Ему было пріятно приходиться въ торжественные дни слушать богослуженіе въ дорогихъ для него стѣнахъ училища Правовѣдѣнія ⁴⁾. Въ интимныхъ письмахъ его къ родителямъ мы узнаемъ и о причинѣ этой любви къ мѣсту его воспитанія и о томъ, съ какими воспоминаніями оно было соединено, и почему эта духовная связь была для него такъ драгоценна. Это объясненіе мы находимъ въ слѣдующихъ строкахъ его письма къ родителямъ отъ 21-го февраля 1849 года, вполне подтверждающихъ выше приведенныя слова Калайдовича: „Вспоминаю, какъ часто хаживалъ я одинъ по этому церковному коридору, и сколько неясныхъ стремленій мучило меня тогда и какъ мнѣ дѣтски хотѣлось, несмотря на всѣ отрицанія разсудка, писать и быть литераторомъ!.. Какое невольное желаніе было всякій случай, всякій предметъ, всякую картину перенести на бумагу, оторвать отъ земли, обрамить. Я не исполнилъ этого желанія, но внутри, въ душѣ эта работа происходила, и обыкновенно, какъ помню я, за всенощной. Тамъ сочинялъ я цѣлыя сочиненія, которыхъ никогда не писалъ“ ⁵⁾. Такимъ образомъ, въ началу сороковыхъ годовъ, довольно отчетливо обозначалось сходство и различіе характеровъ трехъ братьевъ Аксаковыхъ (мы не говоримъ здѣсь о четвертомъ братѣ Михаилѣ, скончавшемся въ ранней юности, въ началѣ 1841 года): Константинъ Сергѣевичъ—отвлеченный

¹⁾ „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, II, 99.

²⁾ II, 105.

³⁾ И. С. Аксаковъ, II, 107.

⁴⁾ Тамъ же, II 128, 130.

⁵⁾ II, стр. 113.

мыслитель, идеалистъ; Иванъ Сергѣевичъ—идеалистъ, практическій дѣятель,—какъ впоследствии выяснилось съ призваніемъ къ публицистикѣ, и Григорій Сергѣевичъ—честный, дѣловой практикъ. О своемъ заведеніи, будучи еще воспитанникомъ, онъ отзывался такъ: „къ чести нашего училища, надо сказать, что у насъ послѣ университетовъ (исключая Петербургскаго Педагогическаго института) занимаются лучше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ заведеніяхъ,—конечно не такъ, какъ въ Московскомъ университетѣ, не съ тѣмъ духомъ; у насъ скорѣе учатся, нежели изучаютъ. Впрочемъ и нельзя иначе: первое всегда предшествуетъ послѣднему“ ¹⁾.

Въ 1841 г., какъ мы уже упомянули, скончался юный Михаилъ Сергѣевичъ; смерть была скоростижная, и отчаяніе всей семьи безграничное. Погодинъ, при всемъ благоговѣніи къ Ольгѣ Семеновнѣ, выговаривалъ ей, что „она гнѣвитъ Бога прихотью материнской нѣжности“. „Давно хочется мнѣ сказать ей“—прибавлялъ онъ,—„чтобъ она приготовлялась къ смертямъ“ ²⁾. Гоголь по этому поводу писалъ Погодину: „Ужасно мнѣ жаль Аксаковыхъ, не потому только, что у нихъ умеръ сынъ, но потому, что безграничная привязанность до упоенія къ чему бы то ни было въ жизни—есть уже несчастье“ ³⁾.

Начало сороковыхъ годовъ было для Сергѣя Тимоѣевича переходнымъ временемъ отъ прежнихъ интересовъ и отношеній къ новымъ: какъ прежде молодое поколѣніе семьи, начиная съ ранняго дѣтства, принимало живое участіе въ знакомствахъ своихъ родителей, такъ теперь оно само со своими собственными знакомствами и друзьями уже даетъ тонъ духовнымъ интересамъ отца. Прежніе друзья Сергѣя Тимоѣевича частью были отдалены отъ него благодаря сыновьямъ, какъ напр., Погодинъ и Шевыревъ, частью, какъ Надеждинъ,—самыми обстоятельствами жизни. 3-го апрѣля 1840 г. скончался одинъ изъ давнихъ друзей Сергѣя Тимоѣевича профессоръ М. Г. Павловъ. Сергѣй Тимоѣевичъ былъ крестнымъ отцомъ одного изъ его сыновей ⁴⁾ и вообще любилъ все семейство Павловыхъ. Послѣ смерти своего друга онъ написалъ своему другу Княжевичу письмо въ Одессу, въ которомъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма послѣдняго, просилъ его объ устройствѣ дѣтей покойнаго Павлова.

¹⁾ Барсуковъ, V, 485.

²⁾ Барсуковъ, VI, 57.

³⁾ Соч. и письма Гоголя, V, 445. „Письма Гоголя“. т. II, стр. 108.

⁴⁾ Н. М. Павлова, извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ Бицына.

XXIV.

Года черезъ два послѣ этого въ Правовѣдѣніи окончилъ курсъ Григорій Сергѣевичъ и около того же времени скончался Гр. Ив. Карташевскій, нѣжно любимый мужъ сестры Сергѣя Тимошеевича Надежды Тимошеевны, изображенный имъ въ повѣсти „Наташа“. Послѣ несчастнаго перваго брака съ Мосоловымъ, о жизни въ семьѣ котораго рассказано въ повѣсти, — „Наташѣ“ т. е. Надеждѣ Тимошеевнѣ удалось выдти за давно ей нравившагося бывшаго учителя ея брата, Гр. Ив. Карташевскаго, съ которымъ она и прожила счастливо больше двадцати лѣтъ. Смерть его была для нея такимъ тяжелымъ ударомъ, что она впадала въ отчаяніе и писала „милому братцу Сереженькѣ“, какъ называется Сергѣй Тимошеевичъ въ одномъ изъ вариантовъ повѣсти: „за каждый часъ, который проходитъ, я благодарю Господа, что мнѣ болѣе его не жить. Положеніе ея было тѣмъ болѣе тяжелое, что къ великому, непоправимому горю присоединялись еще второстепенныя, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно чувствительныя неудачи и непріятности: изъ Петербурга долженъ былъ уѣхать сильно любимый ею Григорій Сергѣевичъ, раскрылись какія-то проказы одного изъ ея взрослыхъ сыновей, и кромѣ того былъ полученъ отказъ въ приѣмѣ младшаго сына въ Правовѣдѣніе, не удалось получить пенсіи въ полномъ размѣрѣ, чего она въ правѣ была ожидать въ виду того, что мужъ ея, умершій на службѣ, не успѣлъ дослужить только нѣсколько мѣсяцевъ и т. п. Горе до того сокрушало бѣдную вдову, что она часто видѣла покойнаго мужа во снѣ.

XXV.

Когда скончался Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, Надеждинъ, общій другъ Аксакова, Павлова и Княжевича, раздѣлялъ съ ними общую скорбь; онъ писалъ по этому поводу М. П. Погодину: „поразила насъ вѣсть о кончинѣ М. Г. Павлова“, а Д. М. Княжевичъ также писалъ Погодину съ своей стороны: „я все ждалъ отъ него писемъ, наконецъ написалъ къ нему выговоръ и получилъ въ отвѣтъ, что отвѣта въ здѣшнемъ свѣтѣ уже не будетъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, очевидно, эта смерть унесла съ собой многое изъ прошлой жизни всего этого круга; съ Павловымъ отходила въ область преданія часть интересовъ, прежде наполнявшихъ жизнь Сергѣя Тимошеевича. Надеждинъ

¹⁾ Барсуковъ, V, 373.

жилъ теперь давно уже не въ Москвѣ и, хотя посѣщаль Аксаковыхъ во время проѣзда черезъ послѣднюю и по старому проводилъ у нихъ время, нерѣдко играя въ преферансъ, а въ остальное время сообщался съ ними чрезъ посредство Княжевича, но уже ихъ близость теряла свое прежнее значеніе. Очень часто сношенія съ Надеждинымъ, благодаря веселому и шутивому характеру Дмитрія Княжевича, имѣли характеръ очень не серьезный. Д. Княжевичъ описываетъ въ одномъ письмѣ свое путешествіе отъ Москвы, при чемъ подъ Рязанью съ ними произошло непріятное приключеніе—опрокинулся экипажъ; но такъ какъ ничего серьезнаго ни съ кѣмъ не случилось, то по приведенію экипажа въ порядокъ начались шутки и споры объ этимологическомъ происхожденіи выраженія „вверхъ тормашками“, которое одинъ изъ спутниковъ объясняетъ весьма фантастически отъ жорня мах, откуда махнуть, наотмашъ, тогда какъ Н. И. Надеждинъ производитъ его отъ слова тормазъ; рѣшено написать объ этомъ Константину Сергѣевичу или подождать выхода въ свѣтъ его грамматики. Намекъ на этотъ шутивый разговоръ мы находимъ и въ письмѣ Надеждина Погодину, напечатанномъ г. Барсуковымъ, въ которомъ первый говоритъ: „Смотри только, чтобъ моя статья не была слишкомъ тяжела для твоего любезнаго дѣтища (т. е. „Москвитянина“) и не опрокинула бы его „вверхъ тормашки“, или „тормашкой“ (до объясненія, котораго мы ждемъ отъ Константина“) ? ¹⁾).

Старые друзья разсѣивались и умирали, но, какъ это всегда бываетъ на переходѣ отъ среднихъ лѣтъ къ пожилымъ, оставшіеся въ живыхъ сильнѣе привязывались другъ къ другу. Одинъ изъ нихъ писалъ Сергѣю Тимоѣевичу: „Ничего нѣтъ натуральнѣе, какъ въ единообразной, удушливой скукѣ деревенской жизни заглянуть въ архивъ своихъ чувствъ и воспоминаній, я это сдѣлалъ, и по справкѣ оказалось, что изо всѣхъ отсутствующихъ нѣтъ милѣе сердцу моему, какъ любезнѣйшаго моего друга! Воспоминаніе быстро перенесло меня въ пустынный Белебей, гдѣ дружба твоя услаждала мои чувства, вознаграждала съ избыткомъ шумныя удовольствія, и потому я съ жадностью ухватился за первую возможность писать къ тебѣ. Милый другъ мой, время не коснулось всеразрушающей рукой своей нашего дружества. Я не имѣю ни пріятнѣйшаго желанія, ни усладительнѣйшей надежды, какъ видѣть и обнять тебя со всѣми чувствами нѣжнѣйшаго и искреннѣйшаго дружества“.

¹⁾ Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина“, т. VI, стр. 94.

XXVI.

Съ Погодинымъ отношенія Сергѣя Тимоѣевича продолжали портиться благодаря принадлежности Константина Сергѣевича къ послѣдователямъ Гегелевской философіи, или, лучше сказать, критическому отношенію къ Погодину философствовавшей молодежи. „Москвитянинъ“ также не могъ возбуждать восторговъ, тогда какъ Погодинъ хотѣлъ оставаться менторомъ и чуть не оракуломъ для своихъ юныхъ сотрудниковъ и знакомыхъ. Константинъ Сергѣевичъ былъ, конечно, не одинъ изъ „непокорныхъ коронатовъ“, но съ него Погодинъ строже взыскивалъ, какъ съ своего бывшаго питомца. Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ къ Константину Сергѣевичу: „Сейчасъ получилъ „Москвитянина“. Куда какъ плохъ!“ ¹⁾ и проч.

5-го января 1841 г. Погодинъ отмѣтилъ въ „Дневникѣ“ по поводу неудовольствія, причиненнаго ему Сергѣемъ Тимоѣевичемъ Аксаковымъ, за опущеніе при извѣстномъ стихотвореніи Глинки „Москва“ обозначенія, что оно посвящается Константину Сергѣевичу: „Къ Аксаковымъ въ комнату, гдѣ были Надеждинъ, Томашевскій, такъ что нельзя было укрыться. О „Москвѣ“ долженъ былъ заговорить самъ. Больно. Гегелева философія, ха, ха, ха, разлучаетъ меня съ добрыми людьми. Замѣтилъ *охлажденіе* и изъ сужденій С. Т-ча о моихъ статьяхъ, сужденій, совершенно глупыхъ (sic!) и пустыхъ. Почти такія же о статьяхъ Шевырева. Значить, что сынъ нашепталь въ уши, и тотъ по сильной любви повѣрилъ. Я не вино ни того, ни другого, но жалко. Одна Ольга Семеновна остается и останется мнѣ вѣрной“ ²⁾.

Менѣ ясными изъ всѣхъ этихъ отношеній являются отношенія Надеждина ко всѣмъ названнымъ лицамъ. Однажды Погодинъ записалъ въ Дневникѣ ³⁾: „Обѣдаю у Аксаковыхъ, и толковали о Надеждинѣ, о которомъ я услышалъ новость: онъ обманывалъ насъ всѣхъ, а меня въ особенности, и мы дѣлались подлыми его орудіями“ ⁴⁾.

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1880, II, стр. 275.

²⁾ *Барсуковъ*, VI, 54. Ольгу Семеновну онъ любилъ называть своей „командиршей“.

³⁾ *Барсуковъ*, VI, 100.

⁴⁾ Въ Одессѣ Надеждину была неудача. Княжевичъ (уже въ 1843 г.), вспоминая объ этомъ, писалъ С. Т-чу: „Жаль, что планы наши разстроились, и онъ долженъ былъ уѣхать отсюда, а мы было замыслили много хорошаго. И все это происходило не отъ нехотѣнія, а отъ одной безвѣчности людей, которые болѣе всего должны были заботиться и которые послѣ горько сожалѣли, но уже было поздно“. По переселеніи

Въ 1842 г. онъ переселился изъ Одессы въ Петербургъ и примирился съ Погодинымъ, а Аксаковы, повидимому, по прежнему оставались съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и, вслѣдствіе перемѣны мѣста его жительства, въ свою очередь, сдѣлались теперь посредниками его отношеній къ Д. М. Княжевичу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ конца 1842 года послѣдній говорилъ Сергѣю Тимоѣевичу: „Душевно радъ, что вы всѣ здоровы. Извѣстіе о Надеждинѣ также порадовало меня, хотя я въ тотъ же день получилъ отъ него коротенькую записочку“ и т. д. Когда одна изъ статей Надеждина „О философіи въ Россіи“, была отложена печатаніемъ въ „Москвитянинѣ“, то Надеждинъ поручалъ Погодину передать ее, въ случаѣ отъѣзда самого Погодина, Сергѣю Тимоѣевичу Аксакову ¹⁾. Княжевичъ же съ своей стороны не прочь былъ, по крайней мѣрѣ заочно, подшучивать надъ Погодинымъ: „Добрый нашъ Михайлъ Петровичъ—писалъ онъ Сергѣю Тимоѣевичу—„добрый нашъ Михайлъ Петровичъ на старости лѣтъ дѣлается какимъ-то чудотворомъ. Вдругъ пишетъ намъ изъ Маріенбада ²⁾, что ѣдетъ черезъ Галацъ въ Рени, что будетъ держать карантинъ и чтобы всѣ туда писали; оттуда же пріѣдетъ къ намъ въ Одессу. Вотъ мы ему туда и пишемъ. Черезъ недѣлю получаемъ другое письмо; что онъ прежде этой поѣздки вздумалъ съѣздить въ Копенгагенъ (!) и оттуда уже будетъ къ намъ. По дорогѣ!!“

XXVII.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Сергѣй Тимоѣевичъ уже пользовался значительнымъ авторитетомъ и популярностью въ ученomъ и литературномъ мірѣ. Академія наукъ баллотировкой избрала его рецензентомъ комедіи Львова подъ названіемъ „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“. Книгопродавцы стали искать протекціи Сергѣя Тимоѣевича, чтобы онъ познакомилъ ихъ съ вліятельными московскими литераторами. Такъ книгопродавецъ Ольхинъ, черезъ Д. М. Княжевича, просилъ С. Т. Аксакова познакомить его съ Загоскинымъ, Шевыревымъ,

Надеждина въ Петербургъ, Княжевичъ жаловался Аксакову: „правду сказать, съ отъѣзда Н. И. я очень чувствую его недостатокъ. Онъ былъ единственный человекъ, съ которымъ я дѣлилъ ежедневно досуги. Теперь у меня никого нѣтъ“. Вслѣдствіе этого, у него явилось желаніе повидать Аксакова въ Москвѣ. „Хочется пожить съ людьми, а здѣсь ихъ нѣтъ“.

¹⁾ VI, 331.

²⁾ Очевидно, лѣтомъ 1841 г.

Погодинымъ и другими, при чемъ имѣлось въ виду, что слова С. Т-ча чрезвычайно вѣски въ литературныхъ кругахъ. Тотъ же Княжевичъ отправлялъ къ нему музыкантовъ для знакомства съ Загоскинымъ и Верстовскимъ. Такимъ образомъ Сергѣй Тимоѣевичъ во всѣхъ отношеніяхъ незамѣтно вступалъ въ роль почтеннаго и всѣми уважаемаго „маститаго“ писателя, который, благодаря своему живому общенію съ молодежью и своей гибкой воспримчивости еще не старческаго ума, не обращался только въ архивный авторитетъ. Кромѣ того, онъ живо сочувствовалъ многимъ прогрессивнымъ идеямъ и въ особенности идеѣ освобожденія крестьянъ, котораго онъ ждалъ, съ нѣкоторыми иными, по поводу брака наслѣдника въ 1841 году.

Раньше было упомянуто о томъ, что К. С. Аксаковъ, найдя возможнымъ примирить гегелевскую философію съ „православными инстинктами“, безъ внутренней ломки и безъ надлежащей переработки воспринятаго матеріала, такъ сказать механически примкнулъ къ ученію, не требовавшему отъ него, по приведенному выше выраженію Ивана Сергѣевича, „ни борьбы, ни обращенія“. Но этотъ недостатокъ органической переработки ученія Гегеля, конечно, не могъ укрыться отъ людей, основательнѣе съ нимъ знакомыхъ. Въ особенности Герцену бросалось это въ глаза, и онъ съ изумленіемъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Я говорилъ долго съ Аксаковымъ, желая посмотрѣть, какъ онъ примирилъ свое православіе съ своимъ гегелианствомъ; но онъ и не примиряетъ, онъ признаетъ религію и философію разными областями и позволяетъ имъ жить какъ-то вмѣстѣ“ ¹⁾. Поэтому Герценъ гораздо выше ставилъ Кирѣевскихъ, какъ болѣе послѣдовательныхъ славянофиловъ и значительно лучше вникавшихъ въ сущность гегелевской философіи. Разстояніе между Кирѣевскими и особенно Иваномъ Васильевичемъ въ этомъ отношеніи съ другими славянофилами представлялось ему весьма значительнымъ и хотя онъ считалъ Петра Кирѣевского стоявшимъ значительно ниже брата, но тѣмъ не менѣе находить, что „онъ далеко оставляетъ за собой своихъ единомышленниковъ“. Существенное преимущество обоихъ братьевъ передъ другими славянофилами для Герцева заключалось въ томъ, что они „хотятъ на основаніяхъ современной науки построить зданіе Славено-Византійское“ ²⁾, тогда какъ „Аксаковъ во вѣки вѣковъ останется благороднымъ, но и не поднимется дальше москвофиліи“ ³⁾.

¹⁾ Сочиненія Герцена, изд. женеваго 1875 г., т. I, стр. 72.

²⁾ Тамъ же, стр. 144.

³⁾ Стр. 199.

Вообще Аксаковское славянофильство Герцень считалъ только мракобѣсіемъ и абсурдомъ, хотя и высоко цѣнили гуманность и благородство Константина Сергѣевича ¹⁾).

Точно также недостаточно освѣломленъ былъ вначалѣ въ области изученія гегелевской философіи и Ю. Э. Самаринъ, который, вмѣстѣ съ Константиномъ Сергѣевичемъ составлялъ особый отъ Хомякова и Кирѣевскихъ отгѣнокъ славянофильства. Но трудясь надъ своей диссертацией о Стефанѣ Лворскомъ и Теофанѣ Прокоповичѣ и выясняя отношеніе перваго къ католицизму, а втораго къ протестантству, онъ чувствовалъ, что у него остается недостаточно выясненнымъ самое православіе, и дальнѣйшая работа мысли побудила его сильнѣе углубиться въ философію Гегеля, при чемъ онъ во многомъ пришелъ далеко не къ тѣмъ выводамъ, которые имъ прежде предполагались. Это обстоятельство вызвало въ немъ переломъ и внутреннюю борьбу, которую ранѣе предсказывалъ ему Хомяковъ. Такимъ образомъ возрѣнія славянофиловъ постепенно вырабатывались опредѣленнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливѣе уяснялось и отношеніе ихъ къ западникамъ, окончательный разрывъ съ которыми совершился уже позднѣе.

Въ концѣ 1843 года Грановскій открылъ свой знаменитый курсъ публичныхъ чтеній по средневѣковой исторіи, имѣвшихъ отношеніе къ вопросамъ, волновавшимъ западниковъ и славянофиловъ. Успѣхъ ихъ былъ необычайный и всѣми признанный, только Погодинъ, изливая безсильную злобу въ своемъ дневникѣ на даровитаго лектора, называлъ его посредственностью и сравнивалъ съ нѣмецкимъ студентомъ,

¹⁾ Объ Аксаковѣ онъ однажды пишетъ: „Аксаковъ становится скученъ отъ фанатизма московщины“ (т. I, стр. 246). „Аксаковъ“—говорилъ онъ—„свое московбѣсіе довелъ до absurdissimum“ (т. I, стр. 224). Онъ называетъ Аксакова „безумнымъ о Москвѣ“ (I, 232). Но личность Аксакова, его характеръ ему нравились. „Аксаковъ“—разсказываетъ онъ—„остался до конца жизни вѣчнымъ, восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей; онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 г., когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ, К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему; онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера. Вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. „Мнѣ было слишкомъ больно“—сказалъ онъ, проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься“. Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его до минуты ссоры!“ (соч. Герцена, т. VII, 306—307). О томъ же см. въ Дневникѣ (т. I, стр. 264).

начитавшимся французскихъ газетъ. Даже поэтъ Языковъ, вскорѣ въ своемъ стихотвореніи „Не нашимъ“ оскорбившій Грановскаго именемъ „блистательнаго лакея“ Европы, не выходявшій изъ дому по болѣзни, но узнававшій о всемъ, что происходило въ Москвѣ, отъ очевидцевъ, поддавался общему настроенію и признавалъ пока талантъ и блистательный результатъ его лекцій, въ то же время насмѣшливо говоря о зависти противоположной партіи, которая возлагала, въ свою очередь, надежды на публичныя же лекціи Шевырева по исторіи русской словесности, и насмѣшливо прибавляя: „того и гляди, Погодинъ зачитаетъ публичныя лекціи по русской исторіи“. Последнее предположеніе, между прочимъ, было не лишено основанія, такъ какъ въ дневникѣ Погодина мы находимъ подъ 24-го ноября 1843 г. запись: „думалъ о лекціяхъ противъ западниковъ“¹⁾. По окончаніи лекцій Грановскаго состоялся подписной обѣдъ, въ которомъ приняли участіе одинаково въ честь профессора—тріумфатора, какъ западники, такъ и славянофилы, Погодинъ и Шевыревъ, интриговавшіе противъ Грановскаго и вызвавшіе съ его стороны въ заключительной лекціи возраженіе противъ его пристрастія къ Западу.

XXVIII.

Въ слѣдующемъ году былъ диспутъ Ю. Ѳ. Самарина, незадолго передъ которымъ молодой ученый, сознавъ необходимость переработки своихъ прежнихъ воззрѣній, сблизился съ Хомяковымъ, котораго призналъ теперь своимъ учителемъ. Между тѣмъ, начались лекціи Шевырева, имѣвшія очень скромный успѣхъ, но занятннныя выходками противъ представителей иного направленія, а журналъ Погодина до такой степени упалъ къ тому времени, что издателю приходилось искать себѣ преемниковъ, чтобы передать журналъ въ другія руки. Предполагалось продать „Москвитянинъ“ Кирѣевскому, при чемъ въ переговорахъ въ числѣ другихъ лицъ принималъ участіе и С. Т. Аксаковъ. Затрудненія были съ обѣихъ сторонъ: Погодинъ, по своему обыкновенію, слишкомъ энергично торговался и выгадывалъ, а Кирѣевскій, совершенно не призванный къ журнальной дѣятельности, медлил и колебался и наконецъ сталъ совершенно отказываться подъ предлогомъ болѣзни. С. Т. Аксаковъ былъ сильно огорченъ такимъ исходомъ дѣла, вслѣдствіе котораго славянофилы, до сихъ норъ не имѣвшіе своего самостоятельнаго органа, упустили сами изъ своихъ

¹⁾ Барсуковъ, VII, 115.

рукъ благопріятное для нихъ стеченіе обстоятельствъ. За этимъ послѣдовали новыя пренія о выборѣ редактора, при чемъ Погодинъ крайне досадовалъ, что всѣ совѣщавшіеся, и въ томъ числѣ даже alter ego его Шевыревъ, склонялись къ устраненію его отъ активной роли въ журналѣ въ пользу молодого поколѣнія,—предлагая такимъ образомъ именно то, что для Погодина было всего убійственнѣе,—того самаго молодого поколѣнія, о которомъ онъ презрительно выражался, что оно „грамотѣ не умѣетъ“. Положеніе дѣла стало потомъ довольно трагическимъ, когда всѣ стали отказываться отъ участія въ „Москвитянинѣ“. При такихъ обстоятельствахъ легко было отгадать, какъ это и сдѣлалъ С. Т.—чѣ, что редактированіе „Москвитянина“ снова возвратится въ руки Погодина, что, конечно, опять не могло обойтись безъ ссоръ и неудовольствій; Кирѣевскіе и Хомяковъ, лучшіе сотрудники, перестали участвовать въ „Москвитянинѣ“, и книжки его стали запаздывать выходомъ, пока все дѣло не перешло въ руки извѣстной „молодой редакціи“ „Москвитянина“ съ участіемъ А. Григорьева.

XXIX.

Мало-по-малу къ славянофильскому кругу присоединился И. С. Аксаковъ. Онъ кончилъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія въ 1842 г. и служилъ нѣкоторое время въ Москвѣ въ департаментѣ правительствующаго сената, а въ концѣ 1843 года онъ былъ назначенъ членомъ ревизіонной комиссіи, отправленной въ Астрахань подъ начальствомъ П. П. Гагарина. Изъ Астрахани онъ дѣятельно переписывался съ родителями, при чемъ на этотъ разъ, какъ и всегда впослѣдствіи, принялъ за обычай сообщать имъ въ письмахъ свои впечатлѣнія въ самомъ подробномъ видѣ и хронологическомъ порядкѣ, руководясь въ началѣ примѣромъ Константина Сергѣевича, письма котораго изъ-за границы были одобрены родителями ¹⁾. Отношеніе его къ славянофильству было пока самое отдаленное и выражалось развѣ въ томъ, что на вопросъ Калайдовича, можно ли прочесть Бѣлинскому сочиненную И. С.-мъ мистерію, послѣдній отвѣчалъ: „рѣшительно нѣтъ, ибо Бѣлинскій можетъ подумать, пожалуй, что я придерживаюсь его мыслей, а я этого совсѣмъ не хочу“ ²⁾. Но, не углубля-

¹⁾ И. С. Аксаковъ, I, 46 и 56. „Кажется, письмо обширно: чуть ли я не одержалъ верхъ надъ Константиномъ“.

²⁾ „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, I, 136.

ясь въ гегелевскую философію, онъ быстро воспитывался изученіемъ дѣйствительной жизни и, наблюдая изрѣдка и со стороны за славянофилами, здравымъ умомъ ясно видѣлъ ихъ заблужденія. Преклоняясь передъ даровитостію Константина Сергѣевича, онъ ужасался, видя его медлительность и непрактичность. „Ахъ, Константинъ, Константинъ! 27 лѣтъ и не готова диссертация и не вышло на свѣтъ зрѣлыхъ и очищенныхъ плодовъ, которыхъ всякій ожидать былъ въ правѣ“ ¹⁾). Ту же неподвижность и недѣятельность онъ съ грустью замѣчалъ и въ другихъ москвичахъ. „Равнодушіе и лѣнь, лѣнь и равнодушіе—вотъ главныя черты образованнаго класса, но онѣ не должны имѣть мѣста въ душѣ не пошлой. Равнодушія, то у нашихъ москвичей нѣтъ, а бесплодный жаръ, или жаръ, дающій такой медленный плодъ, которымъ бы я не удовлетворился. Мнѣ больно, что Константинъ не только не согласится, но не захочетъ даже вникнуть въ мои слова, обратить на нихъ вниманіе, а чтѣ всего больнѣе: разсердится даже. Пусть онъ дѣйствуетъ хоть на поприщѣ науки, окончить диссертацию, занять кафедру и изучить Россію не по одной Москвѣ, ибо помышляющій о благосостояніи ея долженъ узнать всѣ протоки, по которымъ оно должно пролиться. Но увы! глухъ останется Константинъ къ моимъ воззрѣніямъ, а грѣшно будетъ ему не принести государству дани, соразмѣрной съ его обильными талантами... Господи Боже мой! Сумѣлъ же человѣкъ оградить себя такой непроницаемой сѣтью; съ позволенія Кости, я, въ заключеніе, сдѣлаю еще сравненіе. Костя, точно паукъ, наткалъ около себя хитро сплетенную паутину и цѣлый день цѣпляется по ней, такъ что не можетъ идти по простому и прямому пути, а долженъ дѣлать разные сложные повороты и уступы. И мало того, онъ безпрестанно проводить новыя нити, еще сплетеніе дѣлаетъ сѣть; только я боюсь, чтобъ онъ, наконецъ, въ ней не запутался“ ²⁾). Онъ жалѣлъ также, что К. С.—чѣ слишкомъ мало интересуется сельскимъ хозяйствомъ ³⁾). Наконецъ, онъ говоритъ о себѣ даже, что онъ „совсѣмъ не славянофилъ“ ⁴⁾), совершенно не сочувствовалъ ношенію русскаго костюма и не-бритью бороды. „Неужели Костя не сбрилъ бороды и не скинулъ зипуна? Право, это можетъ навлечь ему множество непріятностей, насмѣшекъ, которыя только раздражатъ его, изъ чего все это, какая

¹⁾ И. С. Аксаковъ, т. I, стр. 98.

²⁾ И. С. Аксаковъ, I, 169.

³⁾ I, 210.

⁴⁾ I, 192.

существенная отъ того польза“¹⁾? А между тѣмъ, Константинъ Сергѣевичъ въ своихъ славянофильскихъ увлеченіяхъ доходилъ до какаго-то даже фанатическаго неистовства, какъ о немъ справедливо выразился въ своемъ дневникѣ Погодинъ: „оно доходило до того, что въ его присутствіи не смѣли говорить по французски и однажды даже во время своихъ именинъ (21 мая 1845 года) сумасшедшій Константинъ *взбѣлся* на Надеждина за то, что онъ назвалъ себя случайнымъ представителемъ Петербурга и отказался чокнуться съ его бокаломъ“²⁾. А. О. Смирнова, вернувшаяся въ это время изъ-за границы и ѣхавшая въ Калугу, куда мужъ ея былъ назначенъ губернаторомъ, писала Гоголю: „сына Аксакова въ терлигѣ и мурмолкѣ я еще не видала“³⁾. Въ это время Иванъ Сергѣевичъ, прожившій зиму съ 1844 на 1845 годъ въ Москвѣ у родителей, пробывъ съ весны снова нѣсколько мѣсяцевъ въ должности секретаря 2-го отдѣленія департамента, получилъ мѣсто товарища предсѣдателя калужской уголовной палаты и вскорѣ познакомился съ Смирновой. Между ними часто происходили споры изъ-за несочувствія послѣдней къ славянофильскому направленію. Знакомство ея съ Аксаковыми началось съ середины 1845 г. при проѣздѣ ея черезъ Москву, когда она, по совѣту Гоголя, рѣшила навѣстить многихъ его друзей, въ томъ числѣ С. Т—ча. Послѣдній былъ въ то время въ весьма печальномъ состояніи: всегда бодрый, здоровый и жизнерадостный, онъ, по достиженіи пятидесятилѣтняго возраста, сталъ замѣтно слабѣть и прихварывать. Прежде всего ему стало измѣнять зрѣніе; сперва онъ сталъ плохо видѣть лѣвымъ глазомъ и наконецъ совершенно потерялъ его, при чемъ и правый глазъ также замѣтно отказывался служить. Потеря зрѣнія производила сначала самое удручающее дѣйствіе на его настроеніе, тѣмъ болѣе, что онъ уже давно болѣлъ духомъ за свою больную дочь Ольгу, которая страдала отъ какой-то тяжелой нервной болѣзни, требовавшей самаго попечительнаго ухода и постоянныхъ наблюденій врача, для какой цѣли и была для нея нанята лѣтомъ 1844 г. дача на Башиловкѣ, неподалеку отъ имѣнья доктора Овера, который могъ такимъ образомъ ежедневно навѣщать пациентку; Ольгѣ Сергѣевнѣ, сказать мимоходомъ, онъ велѣлъ исключительно питаться мороженымъ и виноградомъ. Болѣзнь оказалась

¹⁾ II, 218.

²⁾ *Баренжовъ*, VIII, 62.

³⁾ *Русская Старина*, 1890 г., VI, 652.

тяжелая и упорная, и съ этого бѣдствія начались злоключенія прежде всегда счастливой и благоденствовавшей семьи Аксаковыхъ. Въ это время финансовыя дѣла Аксаковыхъ были весьма въ неудовлетворительномъ состояніи. 23-го ноября 1843 г. еще Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Вечеръ у Аксаковыхъ... Я услышалъ горестное извѣстіе. Да, семейство идетъ къ гибели, развѣ онъ отыграется“ ¹⁾. Несмотря на то, Аксаковы вскорѣ могли купить помѣстье Абрамцево на берегу рѣки Вори близъ Хотьковского монастыря, недалеко отъ Троицкой Лавры.

Теперь, когда по словамъ С. Т—ча, „глаза его пришли въ весьма дурное положеніе“, такъ что „лѣвымъ глазомъ онъ не видитъ даже солнца, а правымъ глядитъ сквозь сѣтку пятенъ, волосевъ и ключевъ“ ²⁾, его прежде всегда благодушное настроеніе стало измѣнять ему. Къ тому же жившій лѣтомъ 1845 г. еще въ Москвѣ, И. С—чъ, также былъ боленъ золотухой и геморроемъ, а когда онъ уѣхалъ въ Калугу, то были огорченія иного рода. Во всякомъ случаѣ, когда Смирнова посѣтила Аксакова, она застала его совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ былъ прежде и какимъ она знала его по рассказамъ.

Въ маѣ 1846 года Аксаковы принуждены были переѣхать въ Москву изъ Абрамцева, гдѣ провели всю зиму и начало весны для консилиума: А. О. Смирнова 14-го мая этого года писала Гоголю: „Сергѣй Тимоѣевичъ очень страдаетъ и страдаетъ со всѣмъ нетерпѣніемъ новичка: *нетерпѣливъ, отрывистъ въ отвѣтахъ на семейныя важныя вопросы*; меня это болѣе огорчило, чѣмъ удивило, потому что, кажется, ему предстоитъ долгая болѣзнь и, можетъ быть, потеря зрѣнія“ ³⁾. 13-го мая Погодинъ въ дневникѣ отмѣтилъ: „У страдающихъ Аксаковыхъ. Поклоненіе дѣтямъ губить ихъ“ и подъ 1-е іюня: „У Аксаковыхъ новыя болѣзни, истинныя и мнимыя, и несчастныя просто сходятъ съ ума“ ⁴⁾. Надежды на помощь московскихъ врачей не оправдались, и настроеніе, господствовавшее въ семьѣ, было далеко не обычное.

XXX.

Въ Калугѣ И. С—чъ очень часто бывалъ у Смирновыхъ, и то приходилъ въ очарованіе отъ необыкновеннаго ума Александры Оси-

¹⁾ Барсуковъ, VII, 109.

²⁾ Барсуковъ, VIII, 335.

³⁾ Русская Старина, 1890 г., VII, 210—211.

⁴⁾ Барсуковъ, VIII, 337.

новны, о которой онъ выражался, что „она умна, какъ бѣсъ“, то возмущался ея свѣтскостью и многими недостатками ея характера. Смирнова въ одно и то же время интересовала и влекла его (конечно, не въ пошломъ смыслѣ) и бѣсила своими сужденіями и поступками, а особенно рѣзкими выходками противъ славянофильства. Въ іюнѣ 1846 г. И. С—чь встрѣтился у нея съ Бѣлинскимъ, котораго привелъ къ ней проѣзжавшій въ то время съ нимъ черезъ Калугу артистъ Щепкинъ, другъ какъ Аксаковыхъ, такъ и Бѣлинскаго. Бѣлинскій не спрашивалъ ни слова ни о Константинѣ Сергѣевичѣ, ни о Москвѣ и другихъ москвичахъ, но спросилъ о Сергѣѣ Тимоеевичѣ, чтѣ очень тронуло Ивана Сергѣевича. Послѣдній произвелъ на него самое выгодное впечатлѣніе: „славный юноша“! говорилъ о немъ Бѣлинскій: „славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ. Вообще я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами дѣйствительно могутъ быть порядочные люди“ ¹⁾. Когда до С. Т—ча дошло, что А. О. Смирнова съ одинаковымъ радушіемъ принимала его сына и отверженнаго и чуть не прокаженнаго, по его мнѣнію, Бѣлинскаго, онъ оскорбился, и И. С—чь долженъ былъ написать въ отвѣтъ, что онъ не сочувствуетъ деспотизму, которымъ пропитанъ его братъ Константинъ. „Почему“—говорилъ онъ—„не удостоить Бѣлинскаго разговоромъ, его, человѣка умнаго и талантливаго? Вся жизнь Бѣлинскаго, вся дѣятельность этого человѣка прошла не въ пошлыхъ интересахъ“ ²⁾. Удивительно впрочемъ послѣ того, какъ даже и въ Иванѣ Сергѣевичѣ до нѣкоторой степени отражался духъ Аксаковской нетерпимости, такъ что онъ сознавалъ, что былъ съ Бѣлинскимъ сухъ и холоденъ ³⁾.—Между тѣмъ въ концѣ 1845 г. Грановскій возобновилъ чтеніе публичныхъ лекцій, при чемъ успѣхъ ихъ снова былъ чрезвычайно великъ, такъ что даже славянофилы рѣшили принять участіе въ данномъ ему весной 1846 г. обѣдѣ. 30-го ноября 1846 г. И. С—чь писалъ брату: „Радуюсь сближенію Грановскаго; воображаю, какъ ты шумѣлъ и кричалъ весь ужинъ и потому очень пріятно провелъ время“ ⁴⁾, но вскорѣ за то послѣдовалъ окончательный разрывъ славянофиловъ съ западниками.

Какъ извѣстно, на этомъ обѣдѣ К. С.—чь „съ энергически сжа-

¹⁾ *Лыпинъ*, Бѣлинскій. Его жизнь и переписка. II, 262.

²⁾ И. С. Аксаковъ, I, 338.

³⁾ Тамъ же, I, 331.

⁴⁾ И. С. Аксаковъ, I, 399.

тымъ кулакомъ и сверкающими глазами, торжественнымъ голосомъ“ предложилъ тостъ за Москву. „Тостъ этотъ“—разсказываетъ И. И. Панаевъ—„былъ принятъ всѣми съ энтузіазмомъ... и въ эту самую минуту раздался звонъ колоколовъ, призывавшихъ къ вечернѣ. Шевыревъ, воспользовавшись этимъ, произнесъ своимъ глѣбучимъ и тоненькимъ голосомъ: „Слышите ли, господа, московскіе колокола отвѣтствуютъ на этотъ тостъ?“¹⁾

XXXI.

Въ 1847 году Сергѣй Тимоѣевичъ выпустилъ въ свѣтъ: „Записки объ уженъи рыбы“, встрѣтившія въ литературѣ самый благосклонный пріемъ, послѣ чего онъ принялся за свои „Записки ружейнаго охотника“. Гоголь писалъ ему, что желалъ бы, чтобы его люди во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ были такъ же живо изображены, какъ птицы въ книгѣ Аксакова²⁾. Хомяковъ, Погодинъ, всѣ друзья и знакомые маститаго литератора, даже не имѣвшіе сами никакой склонности къ охотѣ, отнесли къ новому его произведенію съ самымъ полнымъ сочувствіемъ. Единодушное признаніе достоинствъ новой книги было, повидимому, причиной того, что главные интересы самого автора и всей его семьи были устремлены на другіе факты общественной и литературной жизни. Прежде всего Аксаковы были сильно заняты книгой Гоголя—„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“—и судьбой диспута и сочиненій Константина Сергѣевича; также отчасти заботила ихъ предстоявшая Ивану Сергѣевичу перемѣна служебной дѣятельности и, наконецъ, во второй половинѣ 1847 года—сватовство и приготовленія къ женитьбѣ Григорія Сергѣевича. Въ многолюдной семьѣ, состоявшей изъ дѣятельныхъ и выдающихся людей, всегда было такъ много разнообразныхъ, животрепещущихъ интересовъ, что иногда даже событіе такой крупной важности, какъ выпускъ въ свѣтъ книги объ уженъи рыбы и встрѣченный ею сочувственный пріемъ, заслонялись многимъ другимъ, привлекавшимъ къ себѣ вниманіе Аксаковской семьи.

На первый планъ для всѣхъ Аксаковыхъ выдвинулся нетерпѣливо ожидаемый магистерскій диспутъ Константина Сергѣевича и разныя соединенныя съ нимъ волненія и передраги. Но на ряду съ этимъ напряженнымъ и захватывающимъ интересомъ стояли также такіе

¹⁾ Литературныя Воспоминанія, стр. 271.

²⁾ Соч. и письма Гоголя. т. VI, стр. 510; „Письма Гоголя“, т. IV, стр. 398.

крупные факты, какъ переходъ „Современника“ отъ Плетнева въ руки Бѣлинскаго подѣ officialной редакціей Панаева и Некрасова. Еще больше толковъ и волненій возбудила „Переписка съ друзьями“ Гоголя и неудовольствіе, возникшее у Сергѣя Тимоѣевича по поводу его самого съ Гоголемъ и А. О. Смирновой. Сергѣй Тимоѣевичъ, уже недовольный направлениемъ Гоголя и его излишнимъ мистицизмомъ, увидѣлъ въ его книгѣ подтвержденіе своихъ опасеній и счелъ своимъ долгомъ друга остановить и образумить его. Рѣзкость отзыва о „Перепискѣ“ дошла до А. О. Смирновой и повела къ ссорѣ ея съ прочитавшимъ ей письмо отца Иваномъ Сергѣевичемъ, несмотря на то, что послѣдній далеко не раздѣлялъ въ данномъ случаѣ взгляда Сергѣя Тимоѣевича и, недовольный нѣкоторыми мѣстами въ новомъ сочиненіи Гоголя, въ общемъ вначалѣ вынесъ изъ чтенія его самое выгодное впечатлѣніе (ему казалось даже, что второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ долженъ разрѣшить задачу, которой не разрѣшили всѣ 1847 лѣтъ христіанства ¹⁾), и что Гоголь миритъ искусство съ религіей, что наконецъ книгу его надо читать не разъ и не два, а двадцать тысячъ разъ). Прочитавъ въ письмѣ Сергѣя Тимоѣевича о сумасшествіи Гоголя и яко бы „слутовствѣ его въ сумасшествіи“, Александра Осиповна „вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, потомъ затряслась, потомъ подняла руки *вверху и пошла потиха*“ ²⁾. Она назвала Аксаковыхъ надувателями и стала въ своей бесѣдѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ осущать ихъ упреками за то, что они обманывали Гоголя, прикидываясь его друзьями, дорожа на самомъ дѣлѣ не имъ, а только его талантомъ и именемъ. Эта бурная сцена была началомъ названныхъ непріятностей, продолжавшихся около полугода, къ концу котораго всѣ испорченныя отношенія уладились, а Иванъ Сергѣевичъ въ значительной степени уступилъ взглядамъ своего отца, какъ видно изъ его письма къ князю Д. А. Оболенскому, въ которомъ онъ говоритъ: „долженъ признаться, что въ книгѣ Гоголя много лжи и нелѣпицы, много скрытой гордости и самолюбія,—словомъ умъ за разумъ зашелъ“ ³⁾ и проч. Толки о новой книгѣ Гоголя были такъ оживленны и страстны, что отодвинули на второй планъ даже полемическую статью Ю. Ѳ. Самарина противъ „Современника“: „О мнѣніяхъ „Современника“ историческихъ и литературныхъ“, хотя Кон-

¹⁾ И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, I, 413.

²⁾ И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ, I, 422—423.

³⁾ И. С. Аксаковъ, т. I, стр. 437.

стантинъ Сергѣевичъ особенно желать ей успѣха и распространенія. Но онъ былъ занятъ въ то время преимущественно дѣлами своей диссертациі и выпущеннымъ тогда славянофилами „Московскимъ Сборникомъ“. Графъ Строгановъ потребовалъ нѣкоторыхъ измѣненій въ диссертациі Константина Сергѣевича о Ломоносовѣ, и въ виду сильного разгара вражды партій, у Ивана Сергѣевича возникло даже предложеніе, что „графа, вѣрно, кто-нибудь подучиваетъ“¹⁾.

„Дѣло гласно и наступаетъ серьезная развязка, такъ что не диспутъ и не участь книги меня занимаетъ, а судьба автора“²⁾, говоритъ Иванъ Сергѣевичъ. Диспутъ многими ожидался съ нетерпѣніемъ, и не только Иванъ Сергѣевичъ, но и нѣкоторые изъ знакомыхъ, какъ напр. А. О. Смирнова, несмотря даже на беременность, собирались пріѣхать въ Москву, чтобы присутствовать на немъ.

XXXII.

Между тѣмъ фанатизмъ Константина Сергѣевича достигъ крайнихъ предѣловъ, сильно отражаясь и на всей семьѣ Аксаковыхъ (кроме Ивана Сергѣевича), въ которой авторитетъ его, всегда высоко стоявшій, еще больше поднялся послѣ блестящаго магистерскаго диспута, наконецъ состоявшагося.

Людямъ непредубѣжденнымъ его сужденія и выходки стали казаться чрезвычайныя странности. А. О. Смирнова во время своего проѣзда черезъ Москву въ 1845 г. очень заинтересовалась имъ и полюбила его, но отчаянно спорила съ нимъ и однажды довела его до такого азарта, что онъ виѣ себя отъ гнѣва застучалъ кулакомъ по столу, а она покатила со смѣху³⁾. Когда до нея дошелъ слухъ въ Калугу о его рѣчахъ и поступкахъ и о томъ, что онъ вознамѣрился носить русскую одежду, опустить бороду и проч., она поручила Ивану Сергѣевичу написать ему: „мы его перемѣнимъ, сдѣлаемъ терпимымъ и снимемъ съ него русское платье“, а одна калужская барышня утверждала, будто видѣла его во снѣ въ русскомъ кафтанѣ и ужасно боялась⁴⁾. Такимъ образомъ онъ дѣлался притчей далеко за предѣлами Москвы. Боткинъ писалъ о немъ: „Аксаковъ не ѣстъ те- лятины, ходитъ къ обѣднѣ и ко всенощной. Въ этомъ направленіи о

¹⁾ И. С. Аксаковъ въ своихъ письмахъ“, I, 406—407.

²⁾ И. С. Аксаковъ, I, 406—407.

³⁾ См. „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. IV, стр. 382, примѣч.

⁴⁾ И. С. Аксаковъ, т. I, стр. 409 и 412.

цивилизациі, освобожденіи отъ предрасудковъ иѣтъ помину. Въ сущности, это ничто другое, какъ до-Петровская Россія, которая поднимаетъ голову и осматривается, и которая вовсе не есть прошедшее, а окружающее, въ которомъ составляетъ самое незамѣтное, ничтожное меньшинство“¹⁾. Языковъ подсмѣивался надъ своимъ пріятелемъ, рассказывая въ письмѣ къ одному изъ братьевъ анекдотъ о томъ, какъ Константинъ Аксаковъ ѣздилъ по знакомымъ и будто бы спрашивалъ у дѣтей, кто, по ихъ мнѣнію, лучше: лакей или мужикъ, при чемъ отвѣтъ долженъ былъ получиться въ пользу послѣдняго, и на этомъ оригинальномъ испытаніи „мальчики Свербеевы прославились, а Великопольскіе осрамылись“. Погодинъ, давно не довольный своимъ бывшимъ питомцемъ и относившійся несочувственно ко многому въ славянофильскомъ кружкѣ, осуждавшій „Московский Вѣстникъ“ и даже, —что странно было бы ожидать съ его стороны,—помѣстившій въ „Москвитянинѣ“ возраженіе Мельгунова на статью Самарина противъ „Современника“—сильно негодовалъ на Константина Сергѣевича. Съ досадою записалъ онъ въ своемъ дневникѣ: „Сначала длился споръ о Плесси, которая, по мнѣнію всего семейства, не можетъ быть хорошей актрисой, и что во Франціи нѣтъ актеровъ. Даже слышать несносно, какъ все семейство сводить съ ума Константія“. Какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, дѣйствительно въ семействѣ Аксаковыхъ стали смотрѣть на него, какъ на какого-то оракула: „очень не хотѣлось читать имъ исторіи, но принеси жертву старой пріязни. Всѣ несчастные слушали, ожидая, что скажетъ Константинъ“²⁾. Тотъ же Погодинъ осуждаетъ „суетность“ К. Аксакова и наконецъ говоритъ, что ему становится неприятно бывать у Аксаковыхъ. Поводомъ къ такому заключенію послужило мнѣніе Константина Сергѣевича о томъ, что онъ хорошо рисуетъ, высказанное имъ за обѣдомъ въ день его именинъ (21-го мая), но настоящія причины, конечно, были глубже³⁾.

Что касается Ивана Сергѣевича, то онъ хотя и ужасался по поводу неприготовленія въ Калугѣ „четверговой соли“, но былъ чуждъ крайностей, въ которыя впадалъ его старшій братъ. Онъ раздѣлялъ съ другими членами семьи уваженіе къ Константину Сергѣевичу, но оставался независимымъ въ своихъ сужденіяхъ. „Дѣятельность Кон-

¹⁾ „Анненковъ и его друзья“, ст. 539.

²⁾ Барсуковъ, IX, 64—65.

³⁾ Барсуковъ, IX, 65.

стантина“, говорилъ онъ—„меня необыкновенно радуетъ: скачетъ, ѣздитъ, рыскаетъ, говоритъ, читаетъ, пишетъ драму и мимоходомъ статейки въ газетахъ“¹⁾. Онъ восхищается статьями, стихотвореніями и вообще всей дѣятельностью брата, поздравляетъ его одновременно съ днемъ его рожденія и семисотлѣтіемъ Москвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ дружески подшучиваетъ: „Что это тамъ въ Москвѣ у Константина дѣлается; ночныя катанья съ горь?“ Отказываясь по причинѣ дурныхъ дорогъ пріѣхать на Пасху въ Москву, онъ говоритъ: „За это посердится на меня только Костя, а вы, вѣрно, согласитесь со мной, что ѣхать *теперь* на полторы недѣли въ Москву—просто безразсудство“²⁾, а однажды, рекомендуя своему отцу двухъ молоденькихъ студентовъ-калужанъ, Иванъ Сергѣевичъ выразилъ опасеніе, чтобы братъ Константинъ не сдѣлалъ какой-нибудь безтактной выходки: „поручаю ихъ въ особенности маменькѣ и Вѣрѣ, которыя умѣютъ занять и приласкать всякаго. Константинъ же прошу не выругать ихъ съ перваго раза, какъ нѣкогда онъ сдѣлалъ это съ Унковскимъ, обѣдавшимъ у насъ по просьбѣ Гриши, раздражившись тѣмъ, что Унковскій никакъ не могъ вдругъ понять, почему у Віардо, пріѣхавшей изъ Петербурга, и голосъ долженъ быть скверный, и сама она подлець!...“³⁾ Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда К. С. былъ правъ, сужденія его отличались рѣзкостью и нетерпимостью; такъ, катанья, устраиваемыя высшимъ кругомъ въ Москвѣ, подъ предлогомъ благотворительныхъ цѣлей, онъ называлъ „богоугоднымъ коверканіемъ“. Но случалось, что и самъ онъ вдругъ оказывался повиннымъ въ какой-нибудь ереси, какъ напримѣръ, когда онъ возмутилъ однажды Ивана Кирѣевского своей шуточной перепиской съ С. М. Соловьевымъ на славянскомъ языкѣ, что было принято Кирѣевскимъ за кощунство. Напротивъ, Иванъ Сергѣевичъ, хотя и проявлялъ нетерпимость и славянофильскую завзятость въ отношеніи къ А. О. Смирновой, но его обличенія всякихъ излишествъ и распущенности и его нападки на празднованіе масленицы нисколько не напоминаютъ эксцентричностей совершенно субъективнаго характера, какими часто поражалъ Константинъ Сергѣевичъ. Главное же онъ былъ чуждъ фанатизма и, искренно исповѣдуя славянофильство, могъ напримѣръ написать, что „его тоску не развлечетъ и Москва“, что напротивъ онъ увѣренъ,

¹⁾ И. С. Аксаковъ, I, 421.

²⁾ И. С. Аксаковъ, I, 420 и 431.

³⁾ Тамъ же, стр. 408.

что нигдѣ ему „не будетъ такъ грустно и тяжело, какъ въ Москвѣ“ ¹⁾. Между тѣмъ многіе привыкли соединять съ именемъ славянофильства представленіе о крайностяхъ, такъ что Боткинъ писалъ о немъ Анненкову: „У Аксакова есть братъ, который, по несчастію, не славянофиль; онъ наканунѣ Вознесенья пошелъ смотрѣть Плесси въ театрѣ“ ²⁾ и проч. Что же могло подать поводъ къ утвержденію, что П. С.—чѣ былъ не славянофиль? Не то ли, что онъ иногда писалъ такія вещи: „Слава Богу, что я не обремененъ животомъ древняго русскаго боярина и, подобно ему, не обязанъ въ лѣтній зной носить юрлатную шапку“ ³⁾, или: „я не раздѣляю мечты Константина, что можно намъ, уже выскочившимъ изъ сферы чистой національности, сочувствовать вполнѣ народу“ ⁴⁾.

Изъ виѣшнихъ фактовъ, касающихся жизни Ивана Сергѣевича въ рассматриваемое время, слѣдуетъ отмѣтить переходъ на службу въ Москву въ сенатъ оберъ-секретаремъ 2-го отдѣленія 6-го департамента правительствующаго сената; при чемъ есть основаніе думать, что получить эту должность ему помогъ своими хлопотами братъ его, Григорій Сергѣевичъ ⁵⁾.

XXXIII.

Между тѣмъ неудовольствія Погодина на Константина Сергѣевича, а черезъ него и вообще на Аксаковыхъ, продолжались. Когда въ концѣ 1847 г. журналъ его „Москвитянинъ“ сталъ приходиться въ явный упадокъ, пришлось подумать о передачѣ его въ другія руки. Дѣло дошло до того, что Погодинъ писалъ одному литератору: „Я радъ отдать вамъ „Москвитянинъ“ совсѣмъ, съ подписчиками, со связями, съ сотрудниками, съ матеріаломъ, со всѣми доходами и расходами. Исторія меня призываетъ, и я снятіе журнальнаго бремени сочту себѣ за одолженіе“ ⁶⁾, на что получилъ отъ своего корреспондента откровенный упрекъ за то, что онъ, Погодинъ, все скупится и желаетъ даровыхъ статей. Обращаясь къ разнымъ лицамъ, Погодинъ предложилъ было журналъ и Аксакову. Изъ дневника Погодина

¹⁾ И. С. Аксаковъ, I. 417.

²⁾ „П. В. Анненковъ и его друзья“ стр. 535 и *Барсуковъ*, IX т., стр. 76.

³⁾ И. С. Аксаковъ, I. 435.

⁴⁾ Тамъ же, 418.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 432.

⁶⁾ *Барсуковъ*, IX, 351.

видно, что ему, въ стѣсненномъ положеніи, приходилось дѣлать уступки, скрѣпя сердце, но что и эти уступки ему не помогли: „Аксаковъ о журналѣ, въ которомъ вызывается участвовать. Толки о сотрудникахъ, и мнѣ тяжело было говорить о Давыдовѣ, Дмитріевѣ, Глинкѣ. Слабость фантазера и даже, думаю, неблагородство“. Рѣчь здѣсь идетъ, повидимому, о тѣхъ сотрудникахъ Погодина, которыхъ не соглашались принять отъ него его преемники, но которыхъ Погодинъ всегда тщательно отстаивалъ. „Обѣдать къ Аксаковымъ. Игралъ и имѣлъ глупость проиграть имъ сто рублей. Молодцы не позволяютъ поставить своего имени. Я сказалъ имъ, что радъ. Приведа въ ясность свои литературныя сношенія съ ними, я *щадить ихъ не буду*“ ¹⁾. Любопытно при этомъ отвѣтное письмо К. С. Аксакова, который писалъ: „На журналъ я смотрю какъ на что-то цѣлое, органическое, которое, какъ Переяславское озеро, не принимаетъ въ себя ничего чуждаго“. Такимъ образомъ здѣсь снова сказалась рознь между Погодинымъ и молодымъ Аксаковымъ. Погодинъ и Шевыревъ сильно вооружились противъ всей Аксаковской семьи, кромѣ Ольги Семеновны. Ихъ оскорбляли отзывы Аксаковыхъ объ ихъ дѣятельности, напримѣръ, по поводу статьи Шевырева о „Двойной жизни“ К. К. Павловой, которую Сергѣй Тимофеевичъ назвалъ „злонамѣренной и несправедливой критикой“, но съ другой стороны они сами крайне непріязненно отзывались о Константиинѣ Сергѣевичѣ и не щадили его (впрочемъ слабой) драмы „Освобожденіе Москвы“. Раздраженіе Погодина доходило до того, что онъ лаконически пишетъ въ своемъ дневникѣ о драмѣ: „такая дрянь, что изъ рукъ вонъ!“ А Шевыревъ вторилъ ему, говоря о неблагодарности Аксаковыхъ и о томъ, что онъ драмы не читалъ, потому что получить ее, слава Богу, недостойнъ, и онъ же внушалъ Погодину: „Охота тебѣ ѣздить къ этимъ (sic) Аксаковымъ, которые *не стоятъ* ²⁾ нашей доброты и нашего великодушія“. Шевыревъ съ радостью передавалъ Погодину, что дядя Константина Сергѣевича изъ-за него назвалъ послѣдняго... свиньей ³⁾. Онъ же писалъ Погодину объ Аксаковыхъ по поводу ихъ нападокъ на его критику: „Этимъ подвигомъ они увѣнчали себя въ отношеніи ко мнѣ за то добро, которое я имъ сдѣлалъ. Теперь, конечно, я съ ними не знаюсь“ и проч. Словомъ, здѣсь совѣмъ не только произошли „къ сожалѣнію, внутренніе раздоры“ между славянофилами,

¹⁾ Барсуковъ, IX. 357.

²⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

³⁾ Барсуковъ, IX, 458.

по выраженію г. Барсукова, но всплыло давнее раздраженіе Погодина и Шевырева противъ прежнихъ друзей, раздраженіе, имѣвшее своей основой именно славянофильскіе принципы на почвѣ гегелевской философіи, которая казалась Погодину вреднымъ и преступнымъ мудрствованіемъ.

Драма Константина Сергѣевича „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“ при всѣхъ своихъ недостаткахъ, однако, возбудила много толковъ. По обыкновенію родители отнеслись къ пьесѣ съ такимъ пристрастіемъ, что А. П. Елагина писала о нихъ Погодину: „Жаль мнѣ Аксаковыхъ; это щекотливое самолюбіе непростительно“; но Иванъ Сергѣевичъ высказывалъ умѣренное и трезвое сужденіе о пьесѣ, хотя также не безъ отбѣнка братскаго пристрастія. Возможность неуспѣха онъ объяснялъ тѣмъ, что „мы привыкли къ пряностямъ, а предлагаемая пища слишкомъ прѣсна и здорова. Добродѣтель хорошая вещь, но иногда весьма скучная и способная произвести зѣвоту“. Погодинъ и Шевыревъ рѣзко осуждали драму, такъ что Сергѣй Тимоѣевичъ такъ писалъ Гоголю: „Погодинъ облаялъ драму, какъ взбѣсившаяся собака. *Давно затаенная злоба* на Константина, въ которой онъ и самъ много виноватъ, наконецъ выбилась ключемъ бѣшеной слюны и помрачила даже его разсудокъ“ ¹⁾, тогда какъ Погодинъ писалъ въ дневникъ: „Аксаковы не смотря и двадцатилѣтней дружбы какъ не бывало“ ²⁾. Гоголь, конечно, не могъ раздѣлять пристрастныхъ восторговъ С. Т. Аксакова, но вообще Погодинъ былъ, несомнѣнно, правъ въ существѣ своего отзыва о драмѣ, хотя правъ былъ и Сергѣй Тимоѣевичъ, видя въ его злорадствѣ проявленіе „давно затаенной злобы“.

XXXIV.

Въ началѣ 1848 года у Аксаковыхъ произошло крупное семейное событіе — женитьба Григорія Сергѣевича на симбирской помѣщицѣ, Софѣ Ивановѣ Шишковой. Григорій Сергѣевичъ служилъ въ то время прокуроромъ въ Симбирскѣ и купилъ себѣ тамъ имѣніе Языково, принадлежавшее братьямъ извѣстнаго поэта. Иванъ Сергѣевичъ, какъ убѣжденный противникъ крѣпостнаго права, опасался женитьбы, чтобы не сдѣлаться помѣщикомъ, ибо, „еслибъ я былъ женатъ и имѣлъ дѣтей“ — говорилъ онъ — „я, разумѣется, хлопоталъ бы изо

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1890 г., VIII, 179.

²⁾ *Барсуковъ*, IX т., стр. 461.

всѣхъ силъ о ихъ благосостояніи, а благосостояніе въ Россіи пріобрѣтается помѣщичествомъ“. При такомъ взглядѣ онъ, вѣроятно, не безусловно одобрялъ женитьбу брата, хотя и вполне сочувствовалъ его счастью и сильно привязался къ своей невѣсткѣ. „Итакъ Гриша дѣлается помѣщикомъ“, писалъ онъ, „конечно, ему иначе нельзя“. Выборъ невѣсты казался въ высшей степени удачнымъ, и Софья Ивановна такъ вошла въ семью Аксаковыхъ, такъ слилась съ нею, что трудно было бы представить себѣ большую удачу въ бракѣ. Но здоровье ея было слабо, и передъ самой свадьбой она заболѣла. Въ виду большой нервности своей невѣсты, Григорій Сергѣевичъ настаивалъ на ускореніи своей свадьбы, но Сергѣй Тимоѣевичъ писалъ ему: „Недаромъ посѣдѣла моя голова; я поступлю въ этомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ поступить благоразумному старику, а не безразсудному юношѣ. Разберемъ все обстоятельно. Милая наша Софья нездорова; безъ сомнѣнія, душевныя тревоги больше всякихъ дорожныхъ физическихъ безпокойствъ были причиной этого нездоровья. Чтò надобно дѣлать въ такомъ случаѣ? Неужели приблизить важное событіе, которое у всякой деревяшки съ веревочными нервами возбуждаетъ всю чувствительность, какая дана на ея долю? Разумѣется, нѣтъ. А ты, мой дражайшій сынъ, въ этомъ приближеніи видишь дѣлбное средство. Я убѣжденъ вполне, что нездоровье нашей безцѣнной Софьи состоитъ въ разстройствѣ ея необыкновенно тонкихъ, слѣдственно чувствительныхъ и воспримчивыхъ нервъ; надобно время и спокойствіе, и они утихнутъ сами собой. Я уже слышу, какъ Гриша мой говорить: „спокойствія-то и не можетъ быть до окончанія дѣла, и потому надо скорѣе его кончить“. Въ этомъ есть и правда, но спокойствіе *можетъ* быть, если вы всѣ будете поступать благоразумно. Это средство было бы вполне полезно и премудро, если бы его употребить *до начала* нездоровья нашей милой Софьи. Я не помню, писалъ ли къ вамъ, но говорилъ я много разъ: „еслибъ не постъ, обвинчать бы ихъ въ Языковѣ“!

Григорій Сергѣевичъ былъ страстно влюбленъ въ свою невѣсту и заочно представилъ ее роднымъ въ самомъ симпатичномъ свѣтѣ. Въ отношеніи къ будущей своей родственницѣ Аксаковы не замедлили выказать свои характерныя черты: Сергѣй Тимоѣевичъ вступилъ въ самую задушевную и интимную переписку съ невѣстой сына и съ ея матерью и готовилъ какіе-то сюрпризы, отъ которыхъ долженъ былъ отказаться, въ виду ея нездоровья, изъ опасенья взволновать ее и тѣмъ повредить ей. Константинъ Сергѣевичъ, въ то время

самъ увлекавшійся молодой Свербеевой и надѣявшійся жениться на ней, излагалъ свой взглядъ на бракъ своей будущей невѣсткѣ. Онъ писалъ ей, очевидно встрѣтивъ съ ея стороны сочувствіе: „Очень пріятенъ мнѣ отзывъ вашъ вообще о русской одеждѣ, которой желаю для себя и для будущей (если будетъ) подруги своей. Но въ одномъ, кажется, буду я съ вами несогласенъ, милая сестрица, а именно: мнѣ кажется, вы потому считаете дѣвушкѣ возможнымъ надѣть сарафанъ, что она меня полюбитъ. Но я не этого желаю; изъ любви къ мужу можно надѣть рубище, смѣшное платье, что угодно—и это будетъ прекрасно. Но мнѣ мало этого; я желаю, чтобы сарафанъ былъ надѣтъ, по крайней мѣрѣ, не только изъ любви къ мужу, но и изъ любви къ сарафану; чтобы дѣвушка сама желала этого, и избранный ею мужъ давалъ ей только возможность исполнить это желаніе. Конечно, одинъ сарафанъ не составляетъ подруги; надобно, чтобъ онъ облакалъ прекрасное, русское существо; *но онъ необходимое условіе* и не только изъ любви къ мужу долженъ надѣваться, но изъ собственнаго желанія надѣть его“.

Въ началѣ января вся семья Аксаковская съ нетерпѣніемъ желала знать, состоялось ли бракосочетаніе, или же оно задержано болѣзнию невѣсты еще дольше, чѣмъ было предположено. Константинъ Сергѣевичъ былъ въ то время боленъ, а Иванъ Сергѣевичъ находился въ Москвѣ и готовился къ отъѣзду въ Симбирскъ на свадьбу. „Вчера на нашемъ семейномъ конгрессѣ, послѣ семикратнаго чтенія вашихъ писемъ сильно возникла (sic) мысль, чтобъ Ваничка ѣхалъ къ вамъ немедленно. Причины слѣдующія: безцѣнная наша Софья не могла безъ волненія вступить въ новую жизнь и потому, по крайней мѣрѣ на первое время, она разстроилась еще больше. Гриша долженъ быть въ это время безъ ума, — такъ братъ и другъ будетъ болѣе полезенъ, чѣмъ когда-нибудь. Если свадьба отложена (чего Боже сохрани) за нездоровьемъ невѣсты, Гриша будетъ также безъ ума, и братъ будетъ также полезенъ“. Но особенно С. Т.—ча интересовалъ вопросъ: состоялось ли вѣнчаніе, или нѣтъ. „Обвѣнчанная ли ты передъ престоломъ Божиимъ жена моего Гриши, или еще милая его невѣста?“ спрашивалъ Сергѣй Тимоѣевичъ. „Въ силахъ ли была наша милая больная приступить къ священному обряду брака? Не повредило ли ей неизбѣжное волненіе“?

Когда же было получено извѣстіе о совершеніи бракосочетанья, Сергѣй Тимоѣевичъ привѣтствовалъ новобрачныхъ слѣдующимъ обращеньемъ: „Здравствуй, мой князь новобрачный съ молодой княги-

ней! Здравствуй, моя новобрачная княгиня съ молодымъ княземъ! Здравствуйте на многія лѣта!.. Это не шуточные слова, какъ они показались бы многимъ; это настоящее русское привѣтствіе, которое, къ сожалѣнію, осталось только между крестьянами“. Сергій Тимоѣевичъ живо воображалъ себѣ: „вѣнчаніе, пріѣздъ въ домъ, а болѣе всего ту минуту, когда въ четыре часа всѣ разъѣхались, и вы остались только двое... взглянули другъ на друга и обнялись... Все это до такой степени ясно создалося въ моей душѣ, что сама дѣйствительность не могла быть яснѣе и вѣрнѣе“.

По поводу предстоявшаго бракосочетанія у Аксаковыхъ было много толковъ о бракѣ, въ связи съ которыми, безъ сомнѣнія, находится и выше приведенное письмо Константина Сергѣевича къ будущей невѣсткѣ. Главное разногласіе заключалось въ томъ, что Иванъ Сергѣевичъ особенно дорожилъ „неизвѣстностью будущаго“, которой пользуется холостой человекъ, и отстаивалъ бракъ по страсти, опасаясь опшляющаго вліянія привычки и мирнаго счастья, которое, повидому, защищалъ Константинъ Сергѣевичъ. „Нѣтъ, никуда не годится Константиново воззрѣніе на бракъ“, писалъ онъ, „бракъ тогда является чѣмъ-то такимъ обыденно-пошлымъ, что трудно на него и рѣшиться“. Сергій Тимоѣевичъ, не соглашаясь съ этимъ, возражалъ: „твое воззрѣніе на бракъ очень односторонне. Все равно, по разсудку ли, по страсти совершается бракъ, въ обоихъ случаяхъ жизнь *опредѣляется до конца и должно отказаться въ этомъ отношеніи отъ всякой неизвѣстности*“ ¹⁾. Но передъ лицомъ совершившагося факта всѣ эти теоретическія разнорѣчія исчезли; всѣ одинаково желали счастья молодой четѣ и нетерпѣливо ждали свѣдѣнія отъ нея. Константинъ Сергѣевичъ, прикованный къ своему грустному одру, сокрушался о томъ, что ему нельзя присутствовать при вѣнчаніи брата; но потомъ оказалось, что и Иванъ Сергѣевичъ, служившій въ то время оберъ-секретаремъ, вѣроятно вслѣдствіе обилія срочныхъ дѣлъ, не собрался въ желанный путь. Онъ былъ тогда до такой степени заваленъ и обремененъ работой, что, несмотря на свое замѣчательное трудолюбіе, нѣсколько тяготился многосложностью своихъ служебныхъ обязанностей. 12-го декабря 1847 года онъ писалъ Д. А. Оболенскому: „я думаю, нѣтъ нигдѣ такой работы, какъ въ должности оберъ-секретаря. Я, конечно, не лѣнивъ, но иногда выбиваешься изъ силъ, особенно теперъ къ концу года и вообще съ на-

¹⁾ П. С. Аксаковъ, I, 419—420.

шими добросовѣстными требованіями“¹⁾). Далѣе въ томъ же письмѣ говорится, что онъ, однако „умудрился найти время, чтобы написать одно стихотвореніе подъ названіемъ „Отдыхъ“ (само собой разумѣется—„Отдыхъ чиновника“). Итакъ естественно, что при такихъ обширныхъ и, конечно, срочныхъ занятіяхъ и притомъ въ горячее время, быть можетъ отчетное, Иванъ Сергѣевичъ не могъ осуществить своего желанія повидаться съ братомъ въ знаменательное для послѣдняго время, тогда какъ юношеская бодрость и привычка къ поѣздкамъ нисколько не могла служить для него тормазомъ даже въ отношеніи столь дальней зимней поѣздки. вмѣсто радостнаго свиданія Ивану Сергѣевичу за нѣсколько дней до свадьбы пришлось предупреждать о злоупотребленіяхъ подвѣдомственной ему симбирской уголовной палаты. „Гриша“, писалъ онъ ему, „изъ писемъ твоихъ я вижу, что полезнѣе и лучше для тебя и для службы было бы взять отпускъ, мѣсяца на четыре. Долженъ тебя предупредить, что съ новаго года, по приказанію министра, мы будемъ вести вѣдомость всѣмъ приговорамъ палаты, утвержденнымъ и неутвержденнымъ сенатомъ и *не опротестованнымъ прокуроромъ*, и что изъ всѣхъ подвѣдомыхъ намъ палатъ, какъ я могъ узнать въ эти два мѣсяца, Симбирская уголовная палата—худшая. Скажи это Сонѣ. Въ качествѣ прокурора, да еще влюбленнаго, да жениха, ты не имѣешь возможности пристально слѣдить за палатой; это дѣло ея членовъ и предсѣдателя, но совѣтую быть построже съ ними, ибо и самъ можешь подвергнуться отвѣтственности“. Но тутъ же прибавляетъ: „отпускъ мой еще не пришелъ“, такъ что возможно, что поѣздкѣ помѣшала также чисто формальная задержка. Какъ бы то ни было, Константинъ Сергѣевичъ въ своемъ поздравительномъ привѣтствіи между прочимъ писалъ: „Жаль, очень жаль, что мы не были, но вы женаты, вы, надѣюсь, здоровы, вашъ бракъ—наша общая семейная радость—итакъ, слава Богу! Я было думалъ съ огорченіемъ, что болѣзнь *моя* помѣшаетъ, а вышло такъ, что и Иванъ не поѣхалъ“. Такимъ образомъ, и Ивану Сергѣевичу оставалось только „повторять одно и то же: „слава Богу и слава Богу“, радоваться, поздравлять, плакать, молиться, желать всякаго продолжительнаго счастья“. Въ день свадьбы, по словамъ письма Константина Сергѣевича: „пили мы ваше здоровье въ семейномъ кругу, я, въ первый разъ послѣ своей хвори сидѣлъ за обѣдомъ со всѣми, пилъ шампанское, и оно нисколько мнѣ не повредило“.

¹⁾ I, 438.

XXXV.

Въ виду несостоявшагося свиданія молодыхъ съ московскими родными было рѣшено, что Иванъ Сергѣевичъ навѣститъ ихъ во время предполагаемой поѣздки въ Сѣрныя Воды, находящіяся въ Симбирской губерніи, или же что молодые пріѣдутъ сами въ Москву, при первой возможности, при чемъ назначался такой близкій срокъ, что Сергѣю Тимоѣевичу пришлось уговаривать и убѣждать, что, „не возобновивъ своего здоровья и не дождавшись снѣгу и хорошей дороги, не слѣдуетъ ѣздить въ Москву“. „Я уже вижу“, шутливо прибавляетъ Сергѣй Тимоѣевичъ, „какъ молодая невѣстушка тряхнула своей головкой и каштановыми кудрями, не заплетенными въ густую косу, и собирается поднять знамя бунта противъ своего свекра“. А пока, въ ожиданіи свиданія, мы читаемъ въ перепискѣ свекра съ невѣстухой самыя любезныя взаимныя упреки за мелкое писаніе, за то, что письмо длинно и т. п.; оба взаимно оберегали другъ друга, при чемъ Сергѣй Тимоѣевичъ даже упрекалъ свою новую родственницу въ хитростяхъ, хотя и прибавлялъ къ упрекамъ: „можно ли сердиться долѣ минуты, когда на душѣ такъ весело, мирно и счастливо?“ Уловка же была слѣдующая: „Когда я взглянулъ только на твое письмо къ Вѣрочкѣ, то у меня закружилась голова. Вѣдь все это шутки. Если бы ты написала все написанное тобой обыкновеннымъ почеркомъ, то бумаги понадобилось бы вчетверо больше: тогда и Гриша и мы непременно вскинулись бы на тебя съ выговорами; а ты думала ускользнуть отъ нихъ; но стараго воробья на мякинѣ не проведешь“. Вообще тонъ писемъ Сергѣя Тимоѣевича къ невѣсткѣ отчасти напоминаетъ характеръ обращенія съ невѣсткой Степана Михайловича Багрова, но письма эти сильно отличаются литературными интересами, которыми они часто проникнуты. Сергѣй Тимоѣевичъ спѣшилъ дѣлиться съ своей корреспонденткой всѣмъ, что его занимало; такъ между прочимъ онъ сообщалъ: „За нѣсколько минутъ до полученія вашихъ писемъ, получили мы наконецъ цензурованную драму Константина; ее пропускалъ цѣлый петербургскій комитетъ. Исключено только мѣсто о значеніи Москвы для Россіи и другое—о русской одеждѣ. Первое, вѣроятно, сдѣлано потому, что статья о семисотлѣтіи Москвы, напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, содержащая въ себѣ тотъ же омысль, надѣлала много шума въ Петербургѣ и здѣсь. Вся драма чиста и свята и, конечно, если бы Госу-

дарь прочеть ее въ рукописи, то не позволилъ бы вымарать ни одного слова“. Сергѣй Тимоѣевичъ заранѣе наслаждался ожидаемымъ восхищеніемъ драмой своей невѣстки, когда она будетъ слышать ее изъ устъ автора, въ чтеніи котораго пьеса много выигрываетъ отъ воодушевленія читающаго. О той же драмѣ онъ писалъ потомъ, когда ея неуспѣхъ уже началъ выясняться: „Видя гнилое и безжизненное состояніе общества, я сомнѣваюсь, чтобы драма произвела сильное впечатлѣніе, хотя причинъ къ тому много, кромѣ художественнаго и совершенно вѣрнаго воспроизведенія исторіи; да и Костя слишкомъ вяло дѣйствуетъ для ея распространенія, т. е. въ разсылкѣ и въ продажѣ и въ публикаціи о ней. Журналы теперь тоже не стануть много говорить, даже бранить, ибо говорятъ, что петербургскіе журналы находятся подъ разсмотрѣніемъ особой цензуры“.

XXXVI.

Въ началѣ февраля молодые пріѣхали въ Москву и пробыли въ ней три недѣли, пролетѣвшія для всей семьи такъ быстро, что по истеченіи ихъ не только казалось мимолетнымъ самое свиданіе, но Аксаковымъ даже не удалось познакомить Софью Ивановну съ Москвой, о чемъ всѣ они сильно жалѣли. Впечатлѣніе, произведенное новой родственницей, было до такой степени пріятное и отрадное, что всѣмъ казалось, что она какъ будто бы всегда была членомъ Аксаковской семьи и подходила къ ней всѣми своими душевными свойствами. Иванъ Сергѣевичъ прямо высказалъ эту мысль въ первомъ же письмѣ послѣ ихъ разлуки: „Ну, не весело ли, право, видѣть прибавленіе семейства такимъ членомъ, который такъ и пришелся къ семьѣ, какъ будто здѣсь давно было уготовано мѣсто, съ которымъ послѣ трехнедѣльнаго свиданія чувствуешь себя въ какомъ-то полномъ родствѣ, что можешь говорить все прямо, свободно и открыто, безо всякаго неловкаго чувства“. Сергѣй Тимоѣевичъ говоритъ то же самое: „Наша милая, безцѣнная Сонечка вошла въ новое семейство, какъ будто она жила въ немъ весь свой вѣкъ; такъ сходны были наши съ нею чувства! Ей не къ чему было привыкать и примѣняться“. Трехнедѣльное времяпрепровожденіе въ ея обществѣ онъ описывалъ такъ: „три недѣльки погостили они у насъ, и не видѣли мы, какъ прошли эти недѣли! Съ утра до вечера говорили, слушали, смотрѣли и не наговорились, не наслушались, не насмотрѣлись! Разлука такъ подкралась, что какъ будто застала насъ врасплохъ. Опять пришли и

грусть, и слезы!“... „Какovy бы то ни были достоинства новой семьянинки, все-таки она представляет нѣчто особое при вступленіи въ семью своего мужа. Ничего этого не было у насъ: прибавилась еще дочь—и только! Слилась капля воды съ другими каплями такой же воды—вотъ и все! Тѣ же рѣчи, тѣ же стремленья, тѣ же интересы занимаютъ всѣхъ, какъ и прежде занимали. Видно было только больше живости, больше какой-то торопливости, чѣмъ обыкновенно. Спѣшили передать себя другъ другу: рассказывали, спрашивали, читали“.

Едва Аксаковы успѣли осмотрѣться по отъѣздѣ молодыхъ, какъ они стали мысленно слѣдить за удаляющимися, много говорили о нихъ и дѣлали планы и предположенія объ ихъ будущемъ. Они до такой степени были отвлечены отъ всѣхъ своихъ обычныхъ занятій, что всегда энергичный и ревностный въ службѣ Иванъ Сергѣевичъ признавался, что онъ долженъ усиленно работать, чтобы вознаградить упущенное во время свиданія. Въ то же время всѣхъ ихъ сильно волновали событія февральской революціи. Все это и составляетъ содержаніе семейной переписки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Константинъ Сергѣевичъ, какъ болѣе свободный, писалъ своей новой родственницѣ обширнѣйшія письма. Тотчасъ по отъѣздѣ ея онъ писалъ ей: „Вчера, когда тронулся вашъ возокъ, и пришелъ я въ кабинетъ, долго еще мы проговорили о васъ съ отесенькой. Сегодня поутру пришелъ я въ свою комнату и сейчасъ вспомнилъ тебя, Софья, вспомнилъ, какъ ты придешь ко мнѣ, сядешь подлѣ рабочаго моего стола и привлечешь ко мнѣ и всѣхъ другихъ. Давно ли? Какъ близко отстоятъ воспоминаніе отъ дѣйствительности! Сейчасъ, сейчасъ еще вмѣстѣ, но вы двинулись, поѣхали; великая сила пространства вступила въ права свои, закрыла васъ; неопредѣленная даль легла между нами, васъ уже не видать и не слышать. И голосъ, и взоръ смиряются передъ пространствомъ, но не мысль; и воспоминаніе тянется по всему безконечному протяженію надъ пространствомъ и не отстаётъ отъ васъ, какъ бы далеко вы ни уѣхали. Вотъ мы и познакомились. Доселѣ, Софья, ты была для насъ мечта—теперь ты воспоминаніе“.

Константинъ Сергѣевичъ, однако, въ отличіе отъ отца и брата, не считалъ состоявшееся сближеніе настолько прочнымъ и законченнымъ, чтобы можно было ручаться за полную нравственную гармонию ихъ семьи съ новой семьей ихъ брата. Онъ раздѣлялъ общее чувство довольства невѣсткой, которую называлъ: „наша милая радость и счастье Гриши“, но думалъ, что „ей множество неконченныхъ разговоровъ, недоговоренныхъ фразъ, шумъ и споръ, часто нестройный,

конечно, не могли иногда не мѣшать знакомиться съ новой, вѣчно родной семьей“. Константинъ Сергѣевичъ полагалъ, что при многолюдствѣ Аксаковской семьи каждому изъ ея членовъ было больше возможности узнать новую родственницу, нежели ей всѣхъ родныхъ, и даже онъ прямо высказывалъ въ письмѣ свое наблюденіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе „нестройнаго состоянія рѣчей и споровъ“ „впечатлѣніе должно было быть ошибочнымъ“. но, думалъ онъ: „союзъ душевный семьи заключился и проченъ на вѣки“. „Тебѣ, Софья“, писалъ онъ, „Богъ послалъ Гришу: и какъ многимъ ты ему обязана! Ты обязана ему между прочимъ такою любовью, которую, не знаю, испытывало ли когда сердце мужчины; ты узнала эту любовь, полную разума и кидающую свѣтъ на всю жизнь. Тебѣ принесъ онъ въ даръ сокровище своей души, и такой же драгоценный даръ принялъ онъ отъ тебя“. Въ это время Константинъ Сергѣевичъ задумалъ статью о воспитаніи для „Москвитянина“, который, какъ мы знаемъ, Погодинъ предлагалъ тогда передать ему. Этими мыслями онъ хотѣлъ подѣлиться съ своими „молодыми“, но откладывалъ это до напечатанія статьи. Но въ настоящую минуту было, по его мнѣнію, важнѣе указать супругамъ на такія занятія, для которыхъ вскорѣ съ увеличеніемъ семьи могло пройти удобное время. Онъ совѣтовалъ имъ читать вмѣстѣ „Иліаду“ и „Русскія древнія пѣсни“, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, „которыя“, прибавлялъ онъ, „ты, Гриша, исключишь самъ“. Въ свою очередь, Иванъ Сергѣевичъ, какъ человѣкъ, всегда живо интересовавшійся политикой, сообщаетъ молодымъ свои мысли по поводу революціи и признается, что „двѣ думы постоянно смѣнялись во мнѣ въ эти дни: дума о васъ и дума о новомъ усилии человѣчества разрѣшить задачу быта, или проще—о революціи французской. При сенатскихъ занятіяхъ, которыхъ ужасно много накопилось, (отчасти по вашей милости, друзья мои), душа не присутствуетъ“. О революціи пишетъ также Сергѣй Тимоѣевичъ: „Сидя за чайнымъ столомъ, гдѣ и вы, милыя мои дѣти, Гриша и Сонечка, часто сжиливали съ нами, сейчасъ получили мы извѣстіе о первыхъ подробностяхъ Парижскаго бунта. Подлая Парижская чернь, „la canaille“, какъ они сами ее называютъ, не замедлила явиться во всей своей отвратительности, въ Римѣ революція, и папа отказался отъ престола (разумѣется свѣтскаго, а не духовнаго); Тироль взбунтовалась (sic); въ Парижѣ образовалась партія за регенство... но чортъ съ ними, съ безумными французами, лишь бы намъ не потерять отъ ихъ страсти къ революціи“! Сравнительно съ сыновьями, онъ могъ впрочемъ не

такъ много и свободно переписываться по болѣзни глазъ и по необходимости прибѣгать иногда къ „секретарямъ“. Поэтому, кромѣ указанныхъ мимоходомъ сѣтованій на то, что „теперь не въ томъ дѣло, что безумные и отвратительные въ своихъ неистовствахъ французы провозглашаютъ Францію республикой, а въ томъ, что пожаръ разольется по всей Европѣ“,—кромѣ этихъ жалобъ главное содержаніе писемъ составляли сердечныя изліянія, напр.: „слушая даже интересную статью, безпрестанно думаю о васъ, милые, ненаглядные друзья! Часто слышится мнѣ твой ласковый голосъ, моя милая дочь, твои ласковыя рѣчи, которыми ты утѣшала отесенку, обезоруживала его невоздержанность и заставляла часто слушать добрыхъ совѣтовъ“. Больше всего былъ очарованъ старикъ Аксаковъ тонкостью и живостью вкуса своей невѣстки. „Безпрестанно вижу тебя, слушающую внимательно и разумно и съ необыкновенною тонкостью чувствующую всякую красоту выраженія, всякую истину мысли самой новой и многимъ, болѣе тебя знакомымъ съ литературной сферой, весьма мало доступной“. Ей онъ повѣрялъ свои завѣтныя мечты о томъ, что принесетъ въ Россію современное политическое движеніе. „Въ Петербургѣ“, говорилъ онъ, „не знаютъ русскаго царства. Еще крѣпко и недоступно оно для заразительной болѣзни тревоги и мятежа. Европа будетъ для насъ спасительнымъ урокомъ. Русская природа всего достигнетъ своимъ путемъ, самобытнымъ и не похожимъ на другихъ, если не станутъ привлекать къ ней насильственно чуждыхъ и несродныхъ ей понятій“.

При такомъ свѣтломъ впечатлѣніи, произведенномъ „молодой“ на ея новыхъ родственниковъ, намъ станетъ понятно, съ какой любовью они передавали потомъ свои чувства послѣ ея отъѣзда. Сергій Тимошеевичъ писалъ сыну, что онъ радъ видѣть въ немъ пріятную перемѣну въ нравственномъ отношеніи: „истинная любовь проникаетъ все существо твое, любовь чистая, глубокая, къ которой не всѣ способны, питать которую не всѣ достойны; она для тебя была не разрушительнымъ пламенемъ, а благотворнымъ, плодоноснымъ огнемъ... Рано поутру всталъ я на другой день вашего отъѣзда. Печальная мысль, что васъ уже нѣтъ съ нами, и сильная головная боль встрѣтили мое пробужденіе. Я одѣлся, прошелъ весь домъ... все пусто! Полъ, покрытый клочками бумаги, ваты и всякой дряни, беспорядокъ мебели и другихъ вещей свидѣтельствовали, что обитатели надолго и почтишно удалились... Мы перенеслись въ воображеніи за вами, въ вашъ тѣсный уголокъ—въ возокъ, скачущій съ вами по владимірской

дорогѣ“. Иванъ Сергѣевичъ, въ свою очередь, писалъ: „Грустно было мнѣ сойти въ четвергѣ поутру и увидать пустыми комнаты, тѣмъ недавно оживленныя вами; еще легче, когда разлученные живутъ каждый на мѣстѣ, но грустно, но тяжело знать, что близкіе намъ въ дорогѣ, постепенно удаляются отъ насъ и испытываютъ всѣ тягостныя и печальныя впечатлѣнія зимняго пути, когда мы сами окружены тепломъ и всякими удобствами“....

XXXVII.

Между тѣмъ много происшествій и волненій ожидало другихъ братьевъ Аксаковыхъ. Константинъ Сергѣевичъ страдалъ отъ непривѣтливаго приѣма его драмы журналами и публикой. Въ апрѣлѣ 1848 г., посылая вновь отпечатанные экземпляры ея Григорію Сергѣевичу и невѣсткѣ, Сергѣй Тимоѣевичъ проситъ ихъ позаботиться о продажѣ ея черезъ Анненкова или въ симбирской публичной библиотекѣ. Въ концѣ этого мѣсяца онъ сообщаетъ о новой болѣзни Константина Сергѣевича. „Все проклятая желчь“, негодовалъ онъ, „и неизбѣжные спутники ея — нервы производятъ эти проказы. Но чтѣ будетъ подъ старость съ этимъ человѣкомъ, того безъ глубокаго горестнаго чувства вообразить себѣ не могу. Вчера былъ у насъ Оверъ и запретилъ Константину не только ѣхать въ деревню, но даже выходить изъ комнаты“. Все это очень огорчало Сергѣя Тимоѣевича, который почти уже совершенно собрался въ деревню съ семьей. „Едва ли“, продолжалъ онъ, „возможно передать вамъ то состояніе духа, въ которомъ я нахожусь теперь: я уже совершенно оторвался отъ жизни московской и всѣхъ ея интересовъ важныхъ и неважныхъ, даже отъ любимыхъ мною. Я весь перенесся теперь совершенно въ другую сферу: въ деревню, къ природѣ, къ ея возрождающейся красотѣ! Мнѣ до такой степени все сдѣлалось чуждо и постыло, что иногда мнѣ бываетъ стыдно моего равнодушія... Я ни о чемъ не могу говорить, даже съ участіемъ ума, не только чувства. Мнѣ начинаютъ читать—я не слышу, не понимаю и велю закрыть книгу. Въ карты... даже въ карты играю безъ участія. Однимъ словомъ, я ко всему охладѣлъ и совсѣмъ потупѣлъ. Со вчерашняго же дня присоединилось къ тому еще очень пріятное чувство человѣка, который скакалъ, сломя голову, на свою родину и вдругъ у него изломалась коляска, и онъ сидитъ въ избѣ у станціоннаго смотрителя“ и проч.

Еще худшее испытаніе предстояло перенести Константину Сергѣевичу спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Восхищаясь семейнымъ счастьемъ брата, онъ лелѣялъ мечту и о собственной женитьбѣ, и въ эту тайну были посвящены „молодые“. Константину Сергѣевичу очень нравилась молодая Свербеева, которую онъ называетъ въ письмахъ „красной дѣвицей“. Намъ неизвѣстно, раздѣляла ли эта молодая особа всѣ увлеченія Константина Сергѣевича, но, во всякомъ случаѣ, она принадлежала къ самой несомнѣнной славянофильской семьѣ, и весьма возможно, что онъ нашелъ въ ней хотя приблизительное осуществленіе извѣстнаго намъ его идеала. Но, вѣроятно, чувство его не вызывало отвѣта; во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ поздравленіемъ молодой невѣсткѣ съ днемъ ангела, съ „праздникомъ, при которомъ еще живѣе чувствуется семейный союзъ“, Константинъ Сергѣевичъ писалъ: „такъ какъ всякая семейная новость касается васъ, то скажу вамъ теперь новость, впрочемъ, отрицательную. Кончена всякая надежда относительно красной дѣвицы. Мнѣ *отказано*, хотя косвенно, но *положительно*“. Отказъ былъ переданъ черезъ Самарина, который ожидалъ сильнаго огорченія: „но я“, говоритъ Константинъ Сергѣевичъ, „спокойно принялъ это извѣстіе и отложилъ въ сторону свою надежду и мечту. Чувства *лично* во мнѣ не было, и время давно прошло для меня; надежды я имѣлъ немного; потому я мужчина и мужчина, у котораго есть настоящее стремленіе къ дѣятельности. И такъ, хотя съ сожалѣніемъ, но очень легко, безъ усилий, спокойно, простился я съ своей надеждой“. И тотчасъ послѣ этого рѣчь переходитъ на сочиненіе Самарина о Ливоніи, говорится о дружбѣ съ нимъ и полномъ взаимномъ пониманіи, о Гоголѣ и даже объ охотѣ за грибами, о лѣтнемъ провозденіи времени, о чтеніи Гомера и проч.

Въ это время Иванъ Сергѣевичъ уже отправился лѣчиться въ Самарскую губернію на Сѣрныя воды. Кромѣ напряженныхъ служебныхъ занятій онъ много хлопоталъ и волновался по поводу цензурныхъ затрудненій и суровыхъ журнальныхъ отзывовъ, постигшихъ пьесу его любимаго брата. Теперь онъ хотѣлъ отдохнуть и во время путешествія со всей впечатлительностью молодости отдается наблюденіямъ и переживаемымъ въ дорогѣ чувствамъ. Приближаясь къ Владимиру, онъ любовался встрѣчавшимся ему на пути бодрымъ, дѣятельнымъ и промышленнымъ населеніемъ. Онъ восхищался русской природой. „Ни одна природа не можетъ быть такъ хороша, какъ наша. Горы хороши, но какъ-то односторонни; въ нихъ тѣсно. Та природа слишкомъ ярка и горда, другая черезчуръ роскошна, страстна и сла-

достна и подчиняетъ себѣ человѣка, но нигдѣ не носить она такого мирнаго характера; гдѣ найти такой простой красоты, такого безконечнаго простора съ сознаниемъ, что все это наше, родное, что вездѣ дома, вездѣ Русь“¹⁾.

XXXVIII.

Въ Симбирскѣ произошла радостная встрѣча съ родными. „Скоро я отыскалъ квартиру прокурора и зазвонилъ въ колокольчикъ, но Гриша самъ услышалъ, какъ подъѣхалъ мой тарантасъ. Софья въ это время спала, но проснулась отъ шума и также съ крикомъ встрѣтила меня. Очень пріятно имѣть у себя на дорогѣ радостную встрѣчу“²⁾. Припоминая, вѣроятно, перенесенныя недавно московскія передраги, ссоры съ Погодинымъ и Шевыревымъ и проч., вообще все, что было горькаго въ недавней жизни отца и брата, Иванъ Сергѣевичъ жалѣлъ, что отецъ его оставилъ свое намѣреніе поѣхать въ Симбирскую губернію (въ Троицкое), чтобы отдохнуть душой. Но собственныя впечатлѣнія молодого путника вполне отличаются бодростью. Онъ радуется, видя природу мѣстностей, отдаленныхъ отъ центра Россіи, не чуждою „русскому мужику, русской природѣ и русской пѣснѣ“. „Востокъ“—заключаетъ онъ—„намъ болѣе сродни, нежели Западъ“³⁾. На Сѣрныхъ водахъ Иванъ Сергѣевичъ встрѣтилъ какую-то дальнюю родственницу, видѣлъ домъ, въ которомъ жила его бабушка и проч. Образъ жизни свой онъ описывалъ такимъ образомъ: „Встаю въ шестомъ часу, одѣваюсь, отправляюсь на воды, черпаю стаканомъ, своимъ собственнымъ, поставленнымъ въ кружокъ съ палочкой, воды изъ источника и отправляюсь ходить по аллеямъ“. Вообще во всемъ, что сообщалъ о себѣ въ письмахъ Иванъ Сергѣевичъ, особенно же въ ихъ общемъ содержаніи, отражается его дѣятельная и бодрая натура. Случайно встрѣтившись съ Соллогубомъ, онъ несмотря на свою молодость, высказывалъ ему много вѣрныхъ сужденій о немъ, о себѣ самомъ и о славянофильствѣ, такъ что Соллогубъ почувствовалъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ умственную и нравственную силу и, какъ умный человѣкъ, не могъ не оцѣнить серьезность и независимость мыслей своего юнаго собесѣдника. Въ 1848 году Иванъ Сергѣевичъ оставилъ свою должность оберъ-прокурора сената и вообще свою слу-

¹⁾ Н. С. Аксаковъ, I, 443.

²⁾ Н. С. Аксаковъ, I, 445.

³⁾ I, 448.

жбу по юстиціи, вслѣдствіе одного происшествія, въ которомъ онъ вполне доказалъ благородство своего характера. Это случилось вскорѣ по возвращеніи съ Сѣрныхъ водъ. Объ этомъ своемъ по истинѣ до- блестномъ подвигѣ Иванъ Сергѣевичъ впослѣдствіи такъ писалъ въ „Руси“, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ: „Помнимъ, какъ однажды молодой оберъ-прокуроръ сената, опираясь на забытую и никогда не примѣнявшуюся статью Свода Законовъ, отказался скрѣпить истинно несправедливое постановленіе, благопріятствовавшее лицамъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ — и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ встрѣтили сановные старики такое необыкновен- ное дерзновеніе. Помнимъ, какъ рябой нахаль съ знатнымъ именемъ подавалъ нашему товарищу для доклада присутствію свое письменное оправданіе, рекомендуясь, что „по милости царской—онъ сынъ бояр- скій“, и какъ никакими доводами нельзя было предотвратить при- страстнаго въ пользу „боярскаго сына“ ¹⁾). Благодаря шуму, надѣ- ланному благороднымъ отказомъ Ивана Сергѣевича скрѣпить подписью грязное дѣло, императоръ Николай приказалъ подвергнуть его пере- смотру, и несправедливое рѣшеніе было отмѣнено. Но Иванъ Сер- гѣевичъ поступилъ уже въ министерство внутреннихъ дѣлъ подъ на- чальство графа Перовскаго, который далъ ему порученіе для изслѣ- дованія раскола въ Бессарабіи. Теперь мы опять читаемъ въ его пись- махъ живыя и талантливыя описанія южной природы и дорожныхъ впечатлѣній. „Несмотря на зимнее время и на то, что разъ ночью хватилъ сильный морозъ съ великолѣпнымъ сѣвернымъ сіяньемъ“ — писалъ онъ, „вы чувствуете, что здѣсь теплѣе, что здѣсь нѣжиѣе природа; мнѣ полюбилась Малороссія даже зимой. Природа здѣсь какъ будто на своемъ мѣстѣ; каждое дерево растетъ въ волю, смо- тритъ хозяиномъ, у себя дома и раскидывается живописнѣе; чистыя мазанки съ садиками и огородами, хутора, разброшенные тамъ и сямъ, обведенные красивыми плетнями, все это, даже зимой, такъ хорошо, такъ привѣтно“ ²⁾). Далѣе мы находимъ полныя интереса страницы о жизни и нравахъ цыганъ, евреевъ, молдаванъ и проч.; много лю- бопытнаго сообщаетъ также Иванъ Сергѣевичъ о своихъ произведе- ніяхъ и особенно о „Бродягѣ“. Вездѣ чувствуется, что онъ жилъ полной жизнью и, конечно, при всей кипучей дѣятельности имѣлъ основаніе сказать: „Какъ мнѣ досадно и грустно, что Константинъ

¹⁾ И. С. Аксаковъ, II, 2.

²⁾ И. С. Аксаковъ, II, стр. 11.

хандрить и ничего не дѣлаетъ. Онъ, которому столько дѣла!“ „Твой праздный день передъ Богомъ грѣшнѣе, душа призванью не вѣрна. Повторяйте ему это. Эхъ, право, гдѣ же у человѣка воля“ ¹⁾ Далѣе онъ дѣлаетъ предположенія о причинахъ хандры и указываетъ на „толчки тщеславія“ (вѣроятно, разумѣются неудачи съ драмой) и „разрушенныя надежды счастья, убѣгающая милая сторона жизни, *полной личныхъ чувствъ и нѣжныхъ ожиданій*“ (вѣроятно, онъ разумѣетъ отношеніе къ мечтамъ о „красной дѣвицѣ“) ²⁾.

XXXIX.

Въ началѣ 1849 года у молодой четы симбирскихъ Аксаковыхъ родилась дочь Ольга. Извѣстіе это было принято всѣми съ восторгомъ. „Миѣ давно хотѣлось быть дядей“, писалъ Константинъ Сергѣевичъ: „кажется, только подобныя родственныя отношенія будутъ у меня къ молодому поколѣнію; супругомъ, отцомъ, кажется, миѣ не быть“. Онъ восхищался выборомъ имени и утверждалъ, что это самое русское, самое лучшее изъ всѣхъ женскихъ именъ; это же миѣніе и чувство раздѣлялъ и Сергѣй Тимоѣевичъ, съ радостью говорившій: „вотъ уже третье драгоценное для меня существо носить это прекрасное, русское, православное имя: жена, дочь и внучка“. Отъ радости онъ называетъ себя „старикашкой-свекоромъ“, говоритъ о себѣ: „развозился старикашка свекоръ, разрюмился отъ радости: давай, говорить, молиться Богу, а старухи дома нѣтъ, и чортъ, который любить пакостить добрымъ людямъ, подослалъ нарочно гостя и проч. По отъѣздѣ гостя, пріѣхала старуха, разрюмилась еще пуще старика (ужь въ этомъ намъ за бабами не угоняться!), и мы всѣ вмѣстѣ помолились усердно Богу. Обѣдали всѣ родные вмѣстѣ, и я хватилъ полтора бокала шампанскаго. Вечеромъ наѣхало къ намъ гостей, и вечеръ прошелъ весело въ святочныхъ играхъ и пѣсняхъ. Всѣ наши знакомые приняли живое участіе въ нашей радости“. Около этого времени возвратился изъ Бессарабіи и Иванъ Сергѣевичъ и былъ усиленно занятъ отчетомъ. На обратномъ пути онъ, по словамъ письма Сергѣя Тимоѣевича, „семь сутокъ скакалъ, сидя, изъ Кишинева до Москвы“. Съ такой же энергіей онъ привыкъ приниматься за каждое дѣло, даже за обыкновенныя письма, которыя, по словамъ

¹⁾ И. С. Аксаковъ, II, 72.

²⁾ Сюда же имѣетъ отношеніе шутка о барышнѣ въ „Бродягѣ“, „вовсе не русской красной дѣвицѣ“.

отца, онъ писалъ „въ азартѣ и объ откладываніи не хотѣлъ и слушать“; съ такой же страстной энергіей онъ былъ занятъ отчетомъ. Во всемъ этомъ онъ не походилъ на Константина Сергѣевича, представлявшаго собой натуру болѣе созерцательную, нежели дѣятельную. Перенесенныя имъ непріятности сильно на него подѣйствовали, такъ что, хотя онъ писалъ объ окончаніи своей статьи и о томъ, что „отесенька выудилъ язя въ пять фунтовъ“, но Ольга Семеновна писала: „сердце такъ наболѣло, смотря ежедневныя страданья, что только со страхомъ ждешь будущей минуты, и нынче ночь прошла для насъ и для Константина такая, что я еще теперь не отдохнула. Сердце замираетъ; Константинъ почти съ сѣдой бородой сдѣлался и нынѣшнимъ именинникамъ совсѣмъ не весело“. Судя по совпадению чиселъ, причиной огорченія былъ отказъ Свербеевой. Онъ уже и прежде писалъ: „всего вѣроятнѣе, надежды разлетятся“. Но много огорченій было и по поводу драмы: „драма моя понята очень, очень немногими. Пановъ ¹⁾ справедливо пишетъ, что такъ какъ моя драма произведеніе вполне самобытное, то необходимъ самобытный кругъ людей, чтобъ понять ее, а не такой, который доволенъ обезьянними произведеніями нашей литературы. Вслѣдствіе этой неудачи семья стала относиться сдержаннѣе къ литературнымъ успѣхамъ братьевъ Аксаковыхъ, съ меньшей увѣренностью говорить даже о „Бродягѣ“ Ивана Сергѣевича. „Вчера, въ своей семьѣ, въ присутствіи только Гоголя“, писалъ Сергѣй Тимоѣевичъ, „прочелъ Иванъ продолженіе „Бродяги“, очень много прекрасныхъ мѣстъ, но многое вышло не такъ ясно и вѣрно, какъ слѣдуетъ. По общему совѣту положили, „стороннимъ не читать, а современемъ многое исправить, продолжая въ то же время писать далѣе“ ²⁾.

XL.

Въ заключеніе обзора Аксаковской переписки 1848 и начала 1849 года приведемъ слѣдующія любопытныя строки одного изъ писемъ Сергѣя Тимоѣевича о русскомъ костюмѣ: „Въ воскресенье я

¹⁾ Извѣстный пріятель Аксаковыхъ, о которомъ смотри въ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ“ и въ воспоминаніяхъ Ѳ. И. Буслаева въ „Починѣ“. Пановъ, какъ извѣстно, переписывалъ въ Римѣ Гоголю „Мертвыя Души“ до пріѣзда Анненкова. (*Починъ*, 1896, стр. 6—7 и Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 522 и друг.).

²⁾ Отмѣчаемъ здѣсь, что одновременно съ рожденіемъ Ольги Григорьевны у Соловьевыхъ родился сынъ Всеволодъ, котораго крестила О. С. Аксакова, къ великому неудовольствію Погодина, ненавидѣвшаго Соловьева.

надѣлъ было полное русское платье но, къ удивленію моему, Константинъ очень этимъ огорчился и такъ убѣдительно просилъ меня сдѣлать эту перемѣну уже въ деревнѣ, что я и согласился. Впрочемъ я сдѣлалъ бы это не потому, что онъ убѣдилъ меня своими доказательствами, а потому, что хорошо его знаю; это огорчило бы его на весь праздникъ.

Вотъ его причины: 1) надѣть русское платье въ первый день Пасхи значитъ придать этому дѣлу великую торжественность: протестаціи противъ однихъ и демонстраціи для другихъ, 2) во многихъ посѣтителяхъ это возбудило бы насмѣшку, ибо они сочли бы такой поступокъ не столько моимъ убѣжденіемъ, сколько подражаніемъ примѣру Константина, 3) у меня еще не отросла борода и нѣтъ настоящихъ русскихъ сапоговъ и 4) мнѣ необходимо сдѣлать нѣсколько прощальныхъ визитовъ, итакъ зачѣмъ вводить людей въ соблазнъ“?

Такимъ образомъ Сергѣй Тимоѣевичъ вовсе не былъ бы сторонникомъ русскаго костюма и ношенія бороды, если бы по мягкости характера не подчинился вліянію сына, или, точнѣе, онъ слѣдовалъ его примѣру, чтобы не огорчать его, а Иванъ Сергѣевичъ отвѣтилъ прямо на предостереженіе Соллогуба отъ крайностей славянофильства и вліянія Хомякова и Константина Сергѣевича, что онъ „совершенно независимъ и не надѣлъ бы русскаго платья, да и къ жизни находится совершенно въ другихъ отношеніяхъ“¹⁾, что дѣйствительно подтверждается всей его перепискою. Его славянофильство было вполнѣ умѣренное и разумное, и если онъ, вполсѣдствіи, послѣ смерти брата, взявъ въ руки славянофильское знамя, впадалъ въ крайности и ошибки, то этого совсѣмъ еще не было въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ высказывалъ такія мысли, касаясь излюбленныхъ славянофильствомъ вопросовъ, съ которыми могъ бы согласиться и каждый не славянофилъ. Ему была противна фальшь, когда люди высшаго общества, имѣющіе весьма сомнительное право на имя русскихъ, „эти бѣлые галстуки кричали: „наше русское ура“! Онъ возсталъ противъ животныхъ увеселеній на масляницѣ и противъ того, что „едва отошла обѣдня въ первый день праздника, уже Воскресенье Христово стали праздновать пьяными оргіями“ и „послѣ долгаго поста всѣ разговлялись вдругъ пьянствомъ, сквернословіемъ и развратомъ“²⁾. Вообще онъ былъ въ сущности только врагомъ карикатурности и ди-

¹⁾ И. С. Аксаковъ, т. I, стр. 458.

²⁾ И. С. Аксаковъ, II, 100, 102, 104 и 132.

кости въ разныхъ ихъ проявленіяхъ, какъ въ массѣ народа, такъ и въ такъ называемомъ „свѣтѣ“, и обличенія его нисколько не касались истинно образованнаго слоя общества. Нельзя не сочувствовать его пренебреженію къ „барынѣ, бранившей Москву и превозносившей Петербургъ съ нѣжнымъ закатываніемъ глазъ подѣ лобъ и говорившей, что получила отъ Константина Сергѣевича письмо такое „выспреннее“, что не могла его прочесть, что видитъ только, что онъ зараженъ „ультра-патріотизмомъ“¹⁾ и т. д. Несомнѣнно правъ былъ Иванъ Сергѣевичъ, когда возмущался, хотя и въ осторожныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ, ложью и цинизмомъ официальныхъ „манифестацій руссизма“, говоря: „все это пустится въ національность, которую ополчутъ до невыносимаго“. Легко понять, что Аксакову были противны казенные патріоты и другіе лицемѣры и фарисеи, дѣлавшіе национальное знамя орудіемъ карьеризма, но въ то же время готовые выступать противъ наивныхъ, но честныхъ идеалистовъ и искреннихъ поклонниковъ національнаго начала съ репрессивными мѣрами, во славу казенщины и благонамѣренности, люди, глумившіеся надъ національнымъ чувствомъ подѣ предлогомъ охраны національнаго принципа.

Больше всего соединяло Ивана Сергѣевича, въ рассматриваемое время, съ славянофильствомъ, кромѣ горячаго патріотическаго чувства, свойственнаго всей Аксаковской семьѣ, еще едва вѣроятныя официальныя преслѣдованія русскаго костюма и бороды, совершенно непонятныя и несимпатичныя даже людямъ *нисколько не славянофильскаго направленія*. Извѣстно, что онъ выражалъ свое сочувствіе Самарину по дѣлу его ареста и, когда былъ за это арестованъ, прямо высказалъ свои взгляды въ отвѣтъ III отдѣленію, на примѣръ, что онъ думалъ, что Австрія можетъ изъ нѣмецкой превратиться въ славянскую монархію. „Я просто не понимаю“—писалъ Иванъ Сергѣевичъ,—„отчего костюмъ, принадлежащій чужой народности, носить приличіе, чѣмъ наше народное платье“? Словомъ, онъ выступаетъ здѣсь противъ крайностей противоположнаго характера, которыя нельзя одобрять и съ точки зрѣнія послѣдовательнаго западнаго либерализма, отнюдь, конечно не сочувствовавшаго системѣ ничѣмъ не оправдываемыхъ стѣсненій.

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ III отдѣленіемъ Ивану Сергѣевичу, былъ между прочимъ слѣдующій: „въ письмѣ отъ 15-го фе-

¹⁾ II, 104.

раля родитель вашъ, упоминая, что вы сообщаете ему о предположеніяхъ по службѣ, сожалѣть, что пишеть объ этомъ съ почтой, тогда какъ у васъ много оказій; объясните, что вы писали на счетъ предположеній по службѣ"? Отвѣтъ Ивана Сергѣевича былъ тотъ, что онъ писалъ отцу, что отказался бы даже отъ вице-директорства, „потому что цѣль моя на службѣ ѣздить по Россіи съ порученіями и изучать ее во всѣхъ отношеніяхъ, не только по одному предмету возлагаемаго на меня порученія“. Такія строки могли, по словамъ Ивана Сергѣевича, показаться отцу его подозрительными для правительства. На самомъ дѣлѣ, какъ видно между прочимъ изъ находящейся въ нашихъ рукахъ переписки, Сергѣй Тимоѣевичъ вообще опасался послѣдствій смѣлой прямоты въ образѣ дѣйствій своего сына. Такъ онъ объяснялъ себѣ задержку въ представленіи къ чину Григорія Сергѣевича неудовольствіемъ министерства юстиціи по поводу выхода въ отставку Ивана Сергѣевича. Онъ же писалъ по поводу отчета: „Правда, что написать отчетъ согласно съ его мнѣніями и убѣжденіями, не вредя въ то же время себѣ и своей службѣ, очень трудно“, а въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „его убѣжденія и взгляды несогласны съ видами и дѣйствіями министерства“.

Быть можетъ, въ связи съ этими опасеніями находилось даже недовольство Ольги Семеновны тѣмъ, что изъ Петербурга она „вмѣсто повѣствованія“ получала одни разсужденія. Отчетъ о раскольничьихъ дѣлахъ былъ представленъ И. С. Аксаковымъ непосредственно министру, но Н. И. Надеждинъ долженъ былъ по этому поводу составить докладъ, а въ промежуткѣ Аксаковъ представилъ министру еще двѣ докладныя записки и хлопоталъ о штатномъ мѣстѣ черезъ князя Гагарина и Скрышцына. Перовскій отвѣтилъ Гагарину, что его protégé непременно получить мѣсто и имѣеть на него полное право. Ивану Сергѣевичу хотѣлось гдѣ-нибудь устроиться на югѣ, въ Малороссіи, но это желаніе не исполнилось. „Да, милый другъ Иванъ“, писалъ Сергѣй Тимоѣевичъ, „ступай въ Малороссію подъ ея прекрасное небо, въ ея роскошную природу. Мнѣ сладко было твое увлеченіе. Константинъ взбѣсилъ отъ него, а Хомяковъ и Гоголь умерли было со смѣху надъ гнѣвомъ Константина“ ¹⁾. Но вскорѣ уже Иванъ Сергѣевичъ успокаивалъ брата, что ему, по всей вѣроятности, придется ѣхать на сѣверъ или востокъ, напримѣръ въ Кострому или Казань. „Радуйся, Константинъ, не на югъ я ѣду, а на сѣверо-востокъ, въ Та-

¹⁾ И. С. Аксаковъ, т. II, стр. 116, примѣч.

тарщину, въ сугробы снѣга!.. Вѣдь ты, вѣроятно, Казань предпочитаешь Малороссіи“. Но ему послѣ роскошнаго юга „ни снѣжнаго, ни волжскаго величія видѣть не хотѣлось“¹⁾).

Въ серединѣ марта Иванъ Сергѣевичъ былъ арестованъ, а въ концѣ мѣсяца его уже рѣшили назначить въ командировку въ Ярославль. По поводу задержки въ департаментѣ онъ жаловался отцу, что „по случаю Страстной недѣли всѣ оставили занятія, всѣ говѣютъ, моются въ баняхъ и собираются жуировать на Святой“, и эта неосторожность вызвала со стороны Сергѣя Тимоѣевича нѣкоторый, вѣроятно, официальный репримандъ: „Во всякое другое время я разсмѣялся бы, воображая, какъ ты изволишь гнѣваться на то, что добрые люди „говѣютъ, моются въ баняхъ и собираются жуировать на Святой“. Да когда же ты будешь не только уменъ, но и разуменъ? Кому какое дѣло до твоего горячаго желанія увидѣть мать, отца и семейство, успокоить ихъ сердца своимъ появленіемъ между ними? Еще менѣе кому-нибудь дѣла до того, что ты горячо желалъ встрѣтить Пасху въ православной Москвѣ при торжественномъ звонѣ ея колоколовъ, посреди богомольнаго народа и посреди своей родной семьи“²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣднія строки звучатъ нѣсколько двусмысленно и особенно прибавленіе къ нимъ о томъ, что указанная стремленія могутъ казаться дикими „разсудительнымъ“ людямъ. Это напоминаетъ восклицаніе Константина Сергѣевича, относящееся къ тому же времени. „И такъ русскому дворянину нельзя носить русскаго платья!“³⁾. Аксаковы оказались въ оппозиціи по недоразумѣнію: имъ была ненавистна безпринципность и безпочвенность высшаго круга, всякаго рода раболѣзное пресмыкательство, общественныя неправды и особенно лицемѣрное прикрывательство національнымъ знаменемъ безсодержательной и тлетворной казенщины.

Въ славянофильскомъ кругѣ, жившемъ идейной жизнью, невольно возникало презрѣніе къ всякой жалкой рутинѣ. Все это были такія черты, которыя могли казаться подозрительными для приверженцевъ застоя. Конечно, въ сравненіи съ ними Погодинъ, Шевыревъ или Давыдовъ были образцами благонамѣренности въ пошломъ смыслѣ слова. Встрѣчая въ официальномъ мірѣ торжество золотой середины и обладаніе мертваго формализма, славянофилы уклонялись отъ пра-

¹⁾ Т. II, стр. 121.

²⁾ И. С. Аксаковъ, II, 129, примѣч.

³⁾ II, 143.

вительственной службы, и иные изъ нихъ даже смотрѣли на тѣхъ изъ своей среды, которые измѣняли этому принципу, „какъ на перебѣжчиковъ на сторону правительства“ ¹⁾). Такимъ Константинъ Аксаковъ считалъ Самарина. Если же славянофилы поступали на службу, какъ Самаринъ и И. С. Аксаковъ, то у нихъ немедленно возникали недоразумѣнія и борьба, стоившая имъ иногда суровой кары, заключенія въ крѣпость или, по меньшей мѣрѣ, ареста,—хотя государь, если до него доходило дѣло, соглашался со многимъ изъ смѣло выраженныхъ ими сужденій. Маскарадъ у графа Закревскаго 9-го февраля 1849 года, прославленный Погодинымъ и Шевыревымъ, казался Аксаковымъ кощунствомъ надъ ихъ идеей, а на самомъ дѣлѣ былъ просто не стоющею вниманія нелѣпостью, безъ сомнѣнія, противной, какъ находилъ это и И. С. Аксаковъ, какъ „проявленіе общественной публичной жизни, наполнившее собою всю зиму“ ²⁾). Повѣстно, что отъ такихъ проявленій общественной жизни ему захотѣлось „въ даль, подъ чудное южное, темно-синее небо“, въ объятія природы, наилучшей цѣлительницы отъ прикосновеній пошлости, и естественно, что ему претили лакейскіе панегирики Шевырева маскараду и расточительности. Аксаковы не могли, конечно, одобрять то, что „Шевыревъ принялъ въ подарокъ отъ графини Закревской богатую палку“ и что „завтра онъ изъ костюмера превратится въ писака и, какъ достойный наслѣдникъ Шаликова, стоя на колѣняхъ передъ свѣтской пустошью, опишетъ великое созданіе, обмакивая перо въ сладкое чувство умиленья“... „Шевыревъ“, продолжалъ Сергѣй Тимоѣевичъ,— „на верху блаженства. Статья его понравилась у васъ“ (т. е. въ петербургскихъ чиновничьихъ кругахъ): „онъ шелъ свѣтель, какъ мѣдный грошъ! Отвратительное созданіе! Онъ ругаетъ Константина самымъ неблагонамѣреннымъ образомъ. Если Погодинъ и хуже его, то все онъ для меня сноснѣе, какъ человѣкъ умный“ ³⁾). Шевыревъ же, неизвѣстно почему, доходилъ въ своей злобѣ на Константина Аксакова до того, что, когда послѣдній, уже послѣ циркуляра о бритвѣ бороды, не торопился подчиниться ему, то достойный пріятель Погодина писалъ послѣднему: „дуракъ Аксаковъ являлся два раза къ Хомякову въ бородѣ послѣ циркуляра и между прочимъ вечеромъ перваго мая“ ⁴⁾).

¹⁾ Соч. Ю. О. Самарина, VII, XXXVIII—XXXIX.

²⁾ И. С. Аксаковъ, II, 115.

³⁾ Барсуковъ, X, 214.

⁴⁾ X, 252.

Весь трагикомическій эпизодъ изъ-за бороды кончился огорченіемъ всѣхъ Аксаковыхъ, не исключая и Ивана Сергѣевича. „И такъ“, съ грустью писалъ ему Сергѣй Тимоѣевичъ, „конецъ кратковременному восстановленію русскаго платья, хотя на немногихъ плечахъ! Конечно надеждѣ на обращеніе къ русскому направленію. Все это было предательство! Опасались тронуть, думая, что насъ много, что общество намъ сочувствуетъ: но, увѣрившись въ противномъ и въ душѣ все-таки не любя насъ, хотя безъ всякой причины, сейчасъ рѣшились задавить наше направленіе. Мнѣ это ничего, я уже прожилъ мой вѣкъ, а тяжело мнѣ смотрѣть на Константина, у котораго отнята всякая общественная дѣятельность, даже хотъ своимъ наружнымъ видомъ. Мы рѣшаемся закупориться въ деревнѣ навсегда“¹⁾. Конечно, Константину Сергѣевичу, также рѣшившему переселиться съ отцомъ въ деревню, было тяжелѣе всѣхъ, въ особенности при его фанатизмѣ, благодаря которому былъ слухъ, что онъ даже не хотѣлъ ходить къ Хомякову за то, что жена его была на балѣ у Закревскаго.

Все это, въ связи съ прежде указанными внутренними событіями его жизни, дѣйствовало на него угнетающимъ образомъ, такъ что Иванъ Сергѣевичъ старался ободрить и даже пристыдить его, говоря (еще до запрещенія носить бороду): „Послѣ драмы прошло много времени, такъ что на нее нельзя теперь указывать. Я ужъ, право, и не знаю, какъ и чѣмъ тебя заставить работать и вселить въ тебя бодрость труда“²⁾.

XLI.

Но и на настроеніи дѣятельнаго и энергичнаго Ивана Сергѣевича не могли не отразиться всѣ непріятности и волненія. По пріѣздѣ въ Ярославль онъ не скоро могъ приняться за служебныя дѣла. „Послѣ всей бывшей передраги“—писалъ онъ отцу—„на душу мою налегъ какой-то свинець; въ душѣ моей—не ясная погода, а постоянно пасмурно“, хотя онъ предполагалъ также возможность и другой причины своей апатіи: „можетъ быть, это происходитъ также отъ того, что я еще не приступалъ настоящимъ образомъ къ дѣлу, котораго пропасть и въ которое надо броситься съ руками, съ ногами и со всѣми способностями. Колоколь еще не раскачался“³⁾. Но въ Яро-

¹⁾ Барсуковъ, X, 251.

²⁾ И. С. Аксаковъ, II, 106.

³⁾ Тамъ же, II, 165.

славлѣ онъ попалъ въ другой міръ, гдѣ объ его исторіи и исторіи Самарина почти не знали и во всякомъ случаѣ почти не интересовались ею; если же высказывались объ этомъ, то не въ пользу пріѣхавшаго. На первое время въ Ярославлѣ положеніе его было тяжелое, такъ какъ совершенно не находилось сколько-нибудь интересныхъ и симпатичныхъ ему людей: „въ Москвѣ и въ Петербургѣ“ — говорилъ онъ, — „вы всегда найдете человѣкъ пять, съ которыми можете говорить обо всемъ; здѣсь ни одного!“¹⁾); но вскорѣ онъ нѣсколько сблизился съ архіереемъ и съ семействомъ Жадовскихъ (причемъ оказалось, что къ Жадовской ярославское общество относилось очень равнодушно). Въ Ярославлѣ заслуживаетъ упоминанія знакомство Ивана Сергѣевича съ любителемъ древностей купцомъ Серебряниковымъ, приготовившимъ матеріалы для исторіи Ярославля и уѣздныхъ городовъ Ярославской губерніи. Съ другой стороны съ сослуживцами и начальствомъ надо было „нянчиться“, чтобы не оскорбить ихъ щепетильность и не мѣшать имъ думать, что именно они „двигаютъ дѣло“. Цѣлые дни работалъ Иванъ Сергѣевичъ съ семи часовъ утра и до десяти часовъ вечера и только изрѣдка искалъ минутнаго освѣженія въ картинахъ волжской природы. Но забавнѣе всего было отношеніе къ нему жителей уѣздныхъ городковъ, посѣщаемыхъ имъ по дѣламъ службы: „Еслибъ я отданъ былъ подъ надзоръ за шулерство въ картахъ или тому подобное, то меня приняли бы съ распростертыми объятіями, а теперь отдать меня подъ надзоръ полиціи въ губерніи, безъ извѣстной для нихъ причины, значить отдать меня подъ надзоръ всего общества. Заговорю я о двери, думаютъ: нѣтъ, шутить, экъ куда метнулъ, какого тумана напустилъ“²⁾). При наблюденіяхъ за провинціальными нравами Ивану Сергѣевичу приходилось часто убѣждаться въ невѣрности теоретическихъ и апріорныхъ построеній своего брата; онъ постоянно встрѣчалъ поразительные примѣры невѣжества и изувѣрства въ купечествѣ, о которомъ онъ говоритъ, что „бороды, согласно древлерусскому направленію, презирая западное чувство чести, оставили себѣ на долю страхъ Божій“, т. е. внѣшнее соблюденіе обрядовъ, которое не мѣшаетъ имъ быть „подлецами страшными“. Немыслимымъ оказалось также искать въ этой средѣ якобы свойственной ей истинной оцѣнки искусства и т. п. Но всего замѣчательнѣе слѣдующія слова И. С.

¹⁾ И. С. Аксаковъ, II, 171.

²⁾ Тамъ же, II, 183—184.

Аксакова: „Мы слишкомъ рѣшительны въ своихъ выводахъ а priori о русскомъ народѣ. Я, не имѣя твердости убѣжденій Константина, рѣшился смиренно, безъ взглядовъ а priori, изучать современныя явленія и факты и, признаюсь, поколебалось во мнѣ многое, оробѣли мои умствованія и потерялъ я вѣру въ свои выводы“¹⁾. Изъ писемъ видно вообще, что Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ гораздо болѣе вѣрныя и здравыя понятія о древнемъ боярствѣ и дворянствѣ, о современномъ отношеніи сословій, о кучечествѣ и прочее.

Заканчивая обзоръ событій, касающихся семьи Аксаковыхъ и относящихся къ 1849 г., отмѣтимъ, что въ это время состоялось примиреніе, внѣшнимъ образомъ, съ Аксаковыми Погодина, не мѣшавшее послѣднему въ своемъ дневникѣ писать о нихъ такія вещи, какъ напримѣръ: „Обѣдать опять къ Аксаковымъ. Гадко смотрѣть на нашихъ помѣщиковъ — совершенныя свиньи, а эти еще добрые!! Вечеръ у Аксаковыхъ, гдѣ я налитываюсь злобой противъ невѣжества и барства“.

XLII.

Если 1847—1849 годы въ жизни Аксаковыхъ были переполнены какъ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ, такъ и внѣшними происшествіями, то цѣлый рядъ послѣдующихъ лѣтъ значительно уступаетъ имъ въ этомъ отношеніи. Стѣсненное въ своихъ стремленіяхъ славянофильство, лишенное возможности проводить излюбленныя идеи не только при помощи типографскаго станка, но даже въ видѣ невинныхъ внѣшнихъ манифестацій съ узко-національнымъ отбѣнкомъ, успокоилось и притихло. Константинъ Сергѣевичъ продолжалъ жить съ родителями и не избиралъ себѣ никакой общественной дѣятельности, будучи вѣренъ извѣстному намъ славянофильскому принципу. Впрочемъ въ перепискѣ есть одно мѣсто, изъ котораго можно заключить, что онъ подумывалъ о профессорствѣ. Иванъ Сергѣевичъ, раздѣляя его убѣжденіе о томъ, что ему неудобно, при гоненіяхъ на славянофильство, занимать какую-нибудь должность, дѣлалъ исключеніе только въ пользу занятія братомъ каведры. „Пусть

¹⁾ И. С. Аксаковъ, II, 240. Особенно замѣчательны извѣстныя слова Ивана Сергѣевича: „Много ѣздилъ я по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно каждому, сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго бо- лота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназій въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю“ (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. III, стр. 290).

Константинъ беретъ кафедру“, писалъ онъ въ исходѣ 1849 г.: „я отъ всей души благословляю его на этотъ подвигъ: это единственный родъ службы ему приличный“ ¹⁾. Дѣйствительно, это былъ тогда единственный и возможный исходъ для него, такъ какъ и литературная дѣятельность славянофиловъ была такъ стѣснена, что, за неимѣніемъ своего органа и по нежеланію участвовать въ изданіяхъ западниковъ, они должны были отказаться отъ журнальной арены и, насколько возможно, погрузиться въ совершенно отвлеченные, научные труды, причемъ Иванъ Сергѣевичъ совѣтовалъ брату заниматься преимущественно грамматикой, какъ это и было потомъ на самомъ дѣлѣ.

Горячо любя и отъ души уважая старшаго брата, Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ себя, однако, во многомъ съ нимъ не вполне солидарнымъ. По нашему мнѣнію, самое замѣчательное по своей искренности и глубокому значенію признаніе его въ внутренней невольной розни съ братомъ сказалося въ слѣдующихъ строкахъ письма отъ 7-го ноября 1850 года: „Убѣжденіе, изложенное въ этихъ стихахъ (Константина Сергѣевича), мнѣ извѣстно, я самъ ношу его въ душѣ, только, признаюсь, безъ вѣры, такъ же какъ не выполняющій чело­вѣкъ носить на шеѣ образъ или крестъ по привычкѣ и потому, что ему пріятенъ на себѣ признакъ вѣры“ ²⁾. Судя по сравненію, заключающемуся въ словахъ: „какъ не выполняющій чело­вѣкъ носить“ и проч., въ начальныхъ изъ приведенныхъ строкъ рѣчь идетъ не о религіи. Съ одной стороны Ивану Сергѣевичу недоставало безусловнаго воодушевленія славянофильской идеей, благодаря кипѣвшимъ въ его душѣ „вопросамъ и сомнѣніямъ“, старымъ, неумѣстнымъ въ томъ московскомъ кругу, „который не смущался вопросомъ: гдѣ истина, потому что увѣренъ, что нашелъ ее“ ³⁾. Съ другой стороны ему больно было видѣть въ любимомъ братѣ недостатокъ дѣятельности, незнакомство съ дѣйствительной жизнью,—при добротѣ характера жестокость отвлеченнаго теоретика, который былъ въ состояніи заклеймить проклятіемъ $\frac{9}{10}$ чело­вѣчества „и давно не считаетъ людьми бѣдные народы Запада, а чѣмъ-то въ родѣ лошадиныхъ породъ“. Самъ вѣчно занятой и напряженно работающій, Иванъ Сергѣевичъ осуждалъ „московскую комфортабельность въ трудѣ“ и негодовалъ на то, что даже рекомендуемую имъ прекрасную статью Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка“ брать его долго не

¹⁾ И. С. Аксаковъ, II, 261.

²⁾ И. С. Аксаковъ, II, 358.

³⁾ II, 374—375.

могъ собраться прочесть, хотя въ это время занимался почти исключительно филологіей и собирался заняться русскимъ словаремъ. Былъ еще очень существенный недостатокъ въ характерѣ и личности Константина Сергѣевича, заключающийся въ его необыкновенной вспыльчивости во время споровъ, въ его неумѣренности и горячности, иногда самымъ безтактнымъ образомъ компрометировавшихъ самое направленіе, которому онъ служилъ. Въ одномъ изъ писемъ Сергѣя Тимоѣевича къ Ивану Сергѣевичу мы находимъ рассказъ о томъ, какъ однажды Константинъ Аксаковъ и Кошелевъ такъ разгорячились во время чтенія вслухъ при обществѣ своихъ статей, особенно же Аксаковъ, читавшій послѣднимъ, что Кошелевъ отвелъ его въ темную комнату и началъ уговаривать, что не слѣдуетъ давать своими взаимными несогласіями пищу пересудамъ равнодушныхъ и постороннихъ дѣлу свидѣтелей.

XLIII.

Во многомъ Иванъ Сергѣевичъ не могъ согласиться съ братомъ, и обыкновенно правда была на его сторонѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Константинъ Сергѣевичъ требовалъ для народа просвѣщенія на религиозныхъ началахъ и съ ограниченіемъ его чтеніемъ однихъ церковныхъ книгъ и кромѣ того предполагалъ необходимымъ включеніе въ деревенскія бібліотеки собранія русскихъ лѣтописей. „Помилуй, Константинъ“, писалъ ему братъ, „развѣ ты не видишь, что это занятіе предполагаетъ нѣкоторую отвлеченность въ человѣкѣ, да и языкъ лѣтописей не совсѣмъ доступенъ... Другое дѣло—знакомиться съ ней въ живомъ рассказѣ“¹⁾. Сергѣй Тимоѣевичъ совершенно согласенъ съ убѣжденіемъ своего сына Ивана въ томъ, что „Константинъ никогда не узнаетъ дѣйствительности“. „Если ты читалъ его письмо“, продолжалъ онъ, „то, конечно, и смѣялся, и досадовалъ. Хомяковъ наслаждался, читая его неожиданные выводы. Кажется, остается желать, чтобъ онъ не всю жизнь оставался въ своемъ пріятномъ заблужденіи, ибо прозрѣніе невозможно безъ тяжелыхъ и горькихъ опытовъ.

„Такъ пусть его живетъ
Да вѣрять Руси совершенству“²⁾.

Сергѣй Тимоѣевичъ расходился съ Иваномъ Сергѣевичемъ только

¹⁾ II, 288.

²⁾ II, 304, примѣч.

въ томъ, что, по его мнѣнію, мнѣнію человека опытнаго, и потому болѣе основательному мнѣнію, никакія непродолжительныя столкновенія съ дѣйствительной жизнью во время путешествій, на которыя возлагалъ для брата обширныя надежды Иванъ Сергѣевичъ, не могли быть полезны, а жить долго внѣ семьи и вдали отъ Москвы онъ былъ совершенно не способенъ. „Я считаю“,—говорилъ Сергѣй Тимоѣевичъ, „не только бесполезными, но даже вредными такія маленькія путешествія относительно его ошибочныхъ убѣжденій. Время такъ коротко, что запасъ радужныхъ цвѣтовъ, которыми онъ облакаетъ всѣ встрѣчающіеся ему предметы, не успѣетъ истощиться, и онъ только коснѣетъ въ своихъ мечтательныхъ вѣрованіяхъ“.

Подъ вліяніемъ отчасти Ивана Сергѣевича Константинъ Аксаковъ совершилъ небольшое путешествіе въ Ярославль и въ Кіевъ и по поводу перваго надѣялся, что путешествіе будетъ для него „полезнымъ и пріятнымъ воспоминаніемъ“, а о второмъ интересовался знать, „въ какомъ расположеніи духа ѣдетъ Константинъ?“ Поѣздка въ Кіевъ была предпринята для поправленія здоровья Вѣры Сергѣевны Аксаковой, и Иванъ Сергѣевичъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ писалъ: „Если Константину и непріятна эта поѣздка, то, вѣрно, онъ сумѣетъ пересилить себя и не показывать этого Вѣрѣ; впрочемъ, я надѣюсь, если попадетъ онъ на какое-нибудь важное для него открытіе, то онъ станетъ веселѣе“ ¹⁾. Но надежда эта не оправдалась, и хотя Вѣра Сергѣевна восхищалась мѣстоположеніемъ Кіева, но дурная погода и, кажется, дурное расположеніе духа Константина Сергѣевича были причиною ихъ слишкомъ скорого возвращенія и Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: „здѣсь безъ меня былъ у насъ Аксаковъ. Жена говоритъ, что Малороссію бранить. Я этого ждалъ“ ²⁾. И. С. Аксаковъ, въ свою очередь, писалъ: „Такимъ образомъ это путешествіе, казавшееся несбыточнымъ, совершилось и, повидимому, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ“ ³⁾.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ II, 343.

²⁾ „Русск. Арх.“, 1884, II, 312.

³⁾ И. С. Аксаковъ, II, 349.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССCLVI.

1904.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

С. Т. АКСАНОВЪ И ЕГО СЕМЬЯ ¹⁾.

XLIV.

Между тѣмъ состояніе здоровья стариковъ Аксаковыхъ было очень неудовлетворительно, да и вообще въ семьѣ постоянно были больные. Хронически больна была Вѣра Сергѣевна, потомъ заболѣла Ольга Семеновна, у которой сдѣлалась рожа на лицѣ, что случилось во время пребыванія Константина Сергѣевича въ Ярославлѣ и было причиной его послѣдшаго возвращенія, а наконецъ, заболѣлъ и Сергѣй Тимоѣевичъ. Кромѣ того у нихъ было много хлопотъ съ домомъ, который они хотѣли купить въ Москвѣ. Въ письмахъ много говорится о поискахъ дома. Въ одномъ письмѣ къ Григорію Сергѣевичу и его женѣ Сергѣй Тимоѣевичъ жаловался: „Домовъ до сихъ поръ нѣтъ въ виду; квартиры стали дороже, и на полгода никто не отдаетъ; но крайность заставить на что-нибудь рѣшиться; долѣе оставаться на дачѣ невозможно, тѣмъ болѣе, что Оверъ давно ужъ переѣхалъ въ Москву“. Въ то же время возникли заботы о службѣ для Ивана Сергѣевича, которому было нравственно тяжело среди взяточниковъ.

Еще въ маѣ 1850 г. Сергѣй Тимоѣевичъ писалъ ему о возможности получить мѣсто вице-губернатора въ Калугѣ, но получилъ такой отвѣтъ: „Не только въ Калугѣ, но и нигдѣ не хочу я имѣть себѣ постояннаго, прочнаго мѣста, и за сорокъ тысячъ жалованья не соглашусь упрочиться или поселиться въ какой-нибудь провинціи... Путешествовать по провинціямъ можно и должно, но жить въ нихъ—

¹⁾ Окончаніе см. ноябрьскую книгу *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1904 годъ.

невыносимо одному“¹⁾. Такъ же онъ отвѣтилъ Григорію Сергѣевичу, что не желаетъ мѣста чиновника по особымъ порученіямъ при хозяйственномъ департаментѣ. Наконецъ, было получено извѣстіе о томъ, что предполагается составленіе новой комиссія, костромской. Иванъ Сергѣевичъ не зналъ, пригласятъ ли его въ послѣднюю комиссію, но онъ былъ убѣжденъ, что ярославская комиссія съ честью исполнила свое назначеніе и пользуется вполне заслуженнымъ почетомъ. Но вдругъ изъ министерства получается конфиденціальный запросъ по поводу „Бродяги“ и затребована рукопись; черезъ нѣкоторое время рукопись возвращается съ намекомъ на желательность прекращенія литературныхъ трудовъ Ивана Сергѣевича подъ тѣмъ предлогомъ, что они могутъ отвлекать его отъ служебныхъ занятій. Такое неделикатное полуофициальное обращеніе начальства не могло не раздражить Ивана Сергѣевича, человѣка, который смѣло заслуживалъ быть поставленнымъ въ образецъ честнаго отношенія къ службѣ и необычайнаго трудолюбія, который былъ закаленъ въ трудѣ еще во время службы при князѣ Гагаринѣ и такъ втянулся въ дѣятельность, что иногда работалъ, по его выраженію, съ остервенѣніемъ, и который говорилъ о себѣ въ одномъ изъ писемъ къ отцу: „Все какъ-то тороплюсь: работаю торопясь, отдыхаю торопясь, сплю торопясь, дѣлаю моціонъ торопясь—и все какъ-то нѣтъ времени“²⁾. Нѣкоторое время онъ даже не выходилъ изъ комнаты, не брился и не одѣвался и постоянно писалъ толстымъ карандашемъ, чтобы не натрудить слишкомъ руку.

Въ то время носились слухи въ Москвѣ, достигшіе до Сергѣя Тимоеевича, что сынъ его будетъ назначенъ въ костромскую комиссію³⁾, но обиженный Иванъ Сергѣевичъ уже отвѣтилъ по начальству такимъ образомъ: „Не только правомъ, но и обязанностью своей считаю объяснить, что не служба терпитъ отъ моихъ литературныхъ занятій, а литературныя занятія, нравственное и умственное образованіе мое принесены въ жертву службѣ“⁴⁾. Сергѣй Тимоеевичъ еще раньше писалъ роднымъ: „надобно мѣсто Ивану, который къ ноябрю прѣдетъ и долженъ будетъ нѣсколько мѣсяцевъ усиленно заниматься, чтобъ написать отчетъ въ дѣйствіяхъ комиссія и отчетъ въ своемъ

1) И. С. Аскаковъ въ его письмахъ, II, 319.

2) II, 321; III, стр. 56.

3) II, 406.

4) II, 396.

путешествіи географическому обществу“. Черезъ Самарина послано прошеніе объ отставкѣ. Ю. Ѳ. Самаринъ убѣждалъ Ивана Сергѣевича, чтобы онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, и просилъ позволенія разорвать рапортъ и прислать клочки въ конвертѣ ¹⁾, на что, конечно, Иванъ Сергѣевичъ не согласился, объясняя при томъ, что „усталь душой и тѣломъ, болитъ душа отъ постоянныхъ нравственныхъ тисковъ, которымъ такъ долго, такъ добровольно подвергался—не ради служебныхъ выгодъ,—я не имѣю ни жалованья, ни мѣста,—но ради страстнаго желанія пользы“.

XLV.

Отставка была получена въ 1851 г., и съ тѣхъ поръ навсегда прекратилась служебная дѣятельность Ивана Сергѣевича въ провинціи. Лѣтомъ 1851 г. Сергѣй Тимоѣевичъ съ нимъ и съ Константиномъ Сергѣевичемъ совершилъ путешествіе по Волгѣ, „предпринятое столько же для свиданія съ родными, какъ и изъ хозяйственныхъ соображеній для обзора имѣній и положенія крестьянъ, оставленныхъ хозяевами 25 лѣтъ“ ²⁾. Какъ мы знаемъ, Сергѣй Тимоѣевичъ очень заботился о пріисканіи службы Ивану Сергѣевичу, но Кошелевъ отговорилъ ихъ обоихъ отъ этой мысли и предлагалъ ему участіе въ „Московскомъ Сборникѣ“. Въ свободные промежутки Иванъ Сергѣевичъ, живя зимой въ Абрамцевѣ, занимался корректурой „Записокъ ружейнаго охотника“. Но „Сборникъ“ былъ принятъ холодно въ литературѣ, а затѣмъ его постигло и правительственное запрещеніе. Цензурныя строгости вообще преслѣдовали и возмущали Аксаковыхъ. С. Т. Аксаковъ оскорбился заключеніемъ И. С. Тургенева на сѣзжую за извѣстную замѣтку о Гоголѣ послѣ смерти его (21-го февраля 1852 г.), и онъ писалъ: „я никакъ не могъ повѣрить, чтобы сѣтованіе о потерѣ Гоголя, котораго я цѣню лучше всѣхъ, и который былъ самый христіанскій и монархическій писатель, могло быть поставлено въ вину кому бы то ни было“ ³⁾. Въ этомъ году Сергѣй Тимоѣевичъ написалъ статью „Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя“. Одно выраженіе въ этой статьѣ: „ожиданіе всѣхъ обращено на семейство Гоголя или на тѣхъ, кому поручены литературныя дѣла“, касавшееся изданія сочиненій Гоголя, страшно раздражило Шевырева, которому

¹⁾ II, 403—404.

²⁾ Т. III, стр. II.

³⁾ „Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу“, 23.

было довѣрено это дѣло, и это мелочное обстоятельство снова показываетъ, какъ натянуты становились отношенія С. Т. Аксакова съ его прежними друзьями. Въ томъ же 1852 году, въ іюнѣ, скончался Загоскинъ, искренно любимый Аксаковымъ, вскорѣ написавшимъ его біографію. Послѣдняя была принята критикой съ единодушнымъ восторгомъ, а одинъ изъ друзей Аксакова, гордясь ею, писалъ: „Какое пишутъ наши старички! наши современники! Сколько ума и мѣры! А каковъ слогъ! И языкъ простой, натуральный“ ¹⁾. Болѣе авторитетный судья, И. С. Тургеневъ, также лестно отозвался объ этомъ трудѣ Сергѣя Тимофеевича, говоря: „Я не читалъ подобной біографіи на русскомъ языкѣ! По глубокому и ясному пониманію характера и таланта того человѣка, которому оно посвящено, по теплотѣ сочувствія, разлитого въ каждой строкѣ, по внутренней ея соразмѣрности и спокойному мастерству изложенія, біографія эта можетъ назваться образцовой“ ²⁾.

И. С. Тургеневъ былъ въ большой дружбѣ съ Аксаковыми и, несмотря на его западничество и участіе въ журналахъ несочувственнаго славянофиламъ направленія, былъ приглашенъ ими участвовать въ „Московскомъ Сборникѣ“, но И. С. Аксаковъ просилъ его прислать статью не въ родѣ „Провинціалки“, а больше въ духѣ „Записокъ Охотника“ ³⁾. Но статьи Кирѣевского и К. Аксакова оказались цензурѣ предосудительными, и сборникъ былъ запрещенъ. Кн. Ширинскій-Шихматовъ высказался о немъ такъ: „мнѣ представилось замѣчательное сходство во взглядахъ участниковъ этого изданія на неудовлетворительность для русскихъ образованности западной и необходимость обратиться къ нашимъ собственнымъ началамъ просвѣщенія“ ⁴⁾. Впрочемъ И. С. Аксаковъ представилъ въ цензуру и второй томъ сборника, такъ какъ официальное запрещеніе было тогда еще не получено, и снова просилъ И. С. Тургенева объ участіи: „Пришлите хоть бездѣлицу, разумѣется не въ родѣ „Трехъ встрѣчъ“ ⁵⁾. „Московскій Сборникъ“ былъ приостановленъ „съ воспрещеніемъ И. С. Аксакову на будущее время быть редакторомъ и съ подчиненіемъ сотрудниковъ сборника разнымъ цензурнымъ ограниченіямъ“. „Сборникъ“ былъ запрещенъ, и пятерымъ изъ авторовъ, въ немъ участво-

¹⁾ *Барсуковъ*, XII, 38.

²⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1894, I, 340.

³⁾ Письма Аксаковыхъ къ Тургеневу, 12.

⁴⁾ *Барсуковъ*, XII, 130.

⁵⁾ Письма Аксакова къ Тургеневу, 26.

вавшимъ, именно: К. С. и П. С. Аксаковымъ, И. В. Кирѣевскому, А. С. Хомякову и князю В. А. Черкасскому, вмѣнено было въ обязанность представлять свои предназначенныя къ печати рукописи не иначе, какъ въ главное управленіе цензуры, гдѣ онѣ разсматривались и откуда пересылались въ нѣкоторыя другія учрежденія ¹⁾.

XLVI.

Академикъ Л. Н. Майковъ относитъ начало переписки Аксаковыхъ съ Тургеневымъ къ 1857 г. ²⁾; какъ мы уже знаемъ, она возникла по поводу предположеній объ изданіи „Московского Сборника“. Послѣ этого Тургеневъ вызвался написать рецензію на „Записки ружейнаго охотника“.

„Въ Москвѣ“, говорилъ онъ въ рецензіи, „вышли на дняхъ „Записки ружейнаго охотника“ С. Т. Аксакова, того самаго автора, которому мы уже обязаны прекрасной книгой объ уженьѣ. Мы поздравляемъ русскую литературу и читателей нашихъ съ появленіемъ этихъ „Записокъ“ ³⁾.

„Подобныя книги появляются у насъ слишкомъ рѣдко. Кому еще не знакомо новое сочиненіе С. Т. А—ва, тотъ не можетъ себѣ представить, до какой степени оно занимательно, какою обаятельною свѣжестью вѣетъ отъ его страницъ. Да не подумаютъ читатели, что „Записки ружейнаго охотника“ имѣютъ цѣну для однихъ охотниковъ; всякій, кто только любитъ природу во всемъ ея разнообразіи, во всей ея красотѣ и силѣ, всякій, кому дорого проявленіе жизни всеобщей, среди которой самъ человѣкъ стоитъ, какъ звено живое, высшее, но тѣсно связанное съ другими звеньями,—не оторвется отъ сочиненія г. А—ва“ ⁴⁾. Объ этой рецензіи И. С. Тургеневъ сообщаетъ С. Т.—чу слѣдующее: „Рецензію мою на вашу прекрасную книгу я только-что кончилъ (я засѣлъ за нее въ первый же день выпавшаго снѣга—все лѣто я пера въ руки не бралъ)—я отправляю ее съ ны-

¹⁾ *Русское Обозрѣніе*, 1894, IX, стр. 6.

²⁾ *Русское Обозрѣніе*, 1894, VIII, стр. 460.

³⁾ И. С. Тургеневъ относился вообще съ горячимъ сочувствіемъ къ литературнымъ трудамъ С. Т. Аксакова, что сильно ободрило послѣдняго. Г. Гутьяръ недавно высказалъ даже слѣдующее мнѣніе: „Эти мемуары“ (т. е. „Семейная Хроника“ и „Дѣтскіе годы“) едва-ли были бы доведены до конца безъ горячихъ поощреній и просьбъ то стороны Тургенева“. (*Вѣстникъ Европы*, 1899, XI, стр. 322).

⁴⁾ *Русское Обозрѣніе*. Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу, 1894, VIII, 470.

нѣшней почтой въ Петербургъ“ ¹⁾. Въ свою очередь, Сергѣй Тимоѣевичъ писалъ И. С. Тургеневу 12-го января 1852: „Ваше участіе въ моихъ „Охотничьихъ запискахъ“ и одобрительныя слова для меня дороже всѣхъ другихъ, и не мудрено: вы соединяете въ себѣ цѣнителя по литературной и охотничьей части. Я не хотѣлъ печатать нынѣшній годъ моихъ „Записокъ“ по многимъ отношеніямъ, а главное—потому, что онѣ не ранѣ половины марта выйдутъ изъ печати: для успѣшнаго хода книги это поздно; но, увлекаясь вашимъ участіемъ и общаніемъ написать рецензію (за чтѣ васъ искренно благодарю), я рѣшился печатать и вчера послалъ рукопись съ сыновьями въ Москву“ ²⁾. 5-го февраля 1853 г. И. С. Тургеневъ пишетъ: „Я очень радъ, что мой отзывъ о вашей статьѣ въ „Москвитянинѣ“ доставилъ вамъ удовольствіе—и мнѣ пріятно думать, что я былъ отчасти причиною возбужденія въ васъ литературной дѣятельности ³⁾. Я очень понимаю, почему вы не совсѣмъ довольны моею статьей: я увлекся нѣсколько въ сторону отъ вашей книги—но я не предвидѣлъ, что цензура такъ немилосердно поступитъ со мной. Не упоминаю уже о множествѣ отдѣльныхъ мѣстъ, ослабленныхъ или выкинутыхъ ею“ ⁴⁾. Сергѣй Тимоѣевичъ вновь благодаритъ своего рецензента въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Никогда не думалъ я, чтобы мой смиренный трудъ, доставившій мнѣ много удовольствія въ кабинетѣ, во время самой работы, доставилъ мнѣ столько утѣшительныхъ отзывовъ, въ числѣ которыхъ я цѣню выше всѣхъ, безъ сомнѣнія, ваши“ ⁵⁾. Но не всегда Сергѣй Тимоѣевичъ былъ безусловно доволенъ отзывами своего друга; такъ, въ январѣ 1853 г. онъ писалъ ему: „Если вы меня спросите: удовлетворила ли вполнѣ статья ваша всѣмъ моимъ ожиданіямъ (замѣтите! собственно лично моимъ), то я скажу вамъ, что я ожидалъ и желалъ чего-то другаго. А именно: ваше письмо къ издателю „Современника“—не критика на мою книгу, а прекрасная статья по поводу моей книги. Впрочемъ, я очень понимаю, что,

¹⁾ *Вѣстникъ Европы*, Переписка И. С. Тургенева, 1894 г., I, 336.

²⁾ *Русское Обозрѣніе*, Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу, 1894 г., VIII, 463.

³⁾ И. С. Тургеневъ писалъ С. Т. Аксакову: „Кстати въ 9 № „Современника“ будетъ напечатано письмо мое къ вамъ, въ которомъ изложится мнѣніе одного здѣшняго охотника и хорошаго моего знакомаго, доктора Берса, о разныхъ темныхъ вопросахъ, касающихся до прилета и улета дичи. Кажется, его замѣчанія справедливы и во всякомъ случаѣ могутъ вызвать отвѣтъ съ вашей стороны“.

⁴⁾ *Вѣстникъ Европы*, Переписка И. С. Тургенева, 1894 г., I, 342.

⁵⁾ *Русское Обозрѣніе*, Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу, 1894 г., VIII, 484.

удержавъ характеръ критики, статья ваша вышла бы, можетъ быть, не такъ интересна и нѣсколько суха, а главное, что для такого рода разборовъ прошло уже время, и я совершенно согласенъ, что большинство читателей было бы рѣшительно отъ того въ проигрышѣ. Потому, я ожидалъ менѣе похвалъ, но за то ожидалъ безпристрастнаго суда и справедливыхъ осужденій; я надѣялся болѣе серьезнаго тона, особенно въ отношеніи къ языку и слогу. Наконецъ, говоря о Пушкинѣ и Шекспирѣ, приведя изъ нихъ даже образцы, вы (разумѣется, безъ всякаго намѣренія) задавили, такъ сказать, огромными ихъ личностями мою мелкую персону“¹⁾. Въ свою очередь, и Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ нерѣдко сообщалъ въ письмахъ свои отзывы о произведеніяхъ И. С. Тургенева; напр. 10-го марта 1853 г. онъ пишетъ о „Постояломъ дворѣ“: „Повѣсть превосходная! Задумана глубоко и ведена съ такою разумной мѣрой, какую рѣдко можно встрѣтить у самыхъ талантливыхъ писателей. Вы не соблазнились ни однимъ эффектомъ, ни въ поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, ни въ явленіяхъ жизни, ни въ единомъ словѣ. Я высоко цѣню эту мѣру, которая обличаетъ строгость, чистоту убѣжденія и зрѣлость таланта. Это—русскіе люди, русская драма жизни, некрасивая по внѣшности, но потрясающая душу, изображенная русскимъ талантомъ“²⁾.

22-го ноября 1854 г. С. Т. Аксаковъ писалъ И. С. Тургеневу: „Статья о соловьяхъ“—прелесть по живости разсказа, по специальности языка и по горячему чувству охотника, которымъ проникнуто каждое слово“³⁾.

¹⁾ Тамъ же. IX, 11. Любопытны также другіе отзывы И. С. Тургенева о сочиненіяхъ Сергѣя Тимоѣевича и его сыновей. О „Бродягѣ“ И. С. Аксакова Тургеневъ писалъ: „Вашъ „Бродяга“, любезный Иванъ С—чь, благородная, славная вещь; жаль только, что напряженность не мысли, а формы, вредитъ иногда впечатлѣнію. Ваши стихи имѣютъ всѣ качества поэзіи, кромѣ того тонкаго, неудовимаго, того запаха, которымъ дышетъ, играя, счастливая и свободная жизнь“ (*Вѣстникъ Европы*, I, 334).

3-го августа 1855 г. И. С. Тургеневъ писалъ: „А что „Семейная хроника“? Не является ли хоть какой-нибудь отрывокъ на Божій свѣтъ? „Москвитянинъ“ въ агоніи—никто его не читаетъ и печатать въ немъ—значитъ бросать свои вещи ночью въ темную яму въ безлюдномъ мѣстѣ“. (*Вѣстникъ Европы*, 1894 г., II, 491).

Въ письмѣ И. С. Тургенева отъ 27-го февраля 1856 мы читаемъ: „Въ „Современникѣ“, въ мартовскомъ номерѣ—явится статья объ васъ, Анненкова, которою, я надѣюсь, вы останетесь довольны“. (*Вѣстникъ Европы*, 1894 г., II, 494).

²⁾ *Русское Обозрѣніе*, 1894, IX, 28.

³⁾ *Русское Обозрѣніе*, 1894, XI, 21.[†]

Константинъ Сергѣевичъ со своей стороны былъ недоволенъ первыми произведеніями Тургенева, но „Записки охотника“ привели его въ восторгъ. Онъ отозвался о Тургеневѣ очень жестоко въ критической статьѣ, помѣщенной въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1847 года (за подписью *Илрекс*); но въ той же статьѣ было сказано о „Хорѣ и Калинычѣ“ слѣдующее: „Мы должны указать на появившійся въ 1-мъ номерѣ „Современника“ превосходный рассказъ Тургенева: „Хоръ и Калинычъ“. Вотъ чтò значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: въ мигъ дается сила! Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, все выходило вяло и безталанно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ—и, посмотрите, какъ хорошъ его рассказъ“¹⁾ 30-го января 1853 г. Константинъ Сергѣевичъ пишетъ И. С. Тургеневу также между прочимъ слѣдующее: „Скажите спасибо природѣ, охотѣ и русскому крестьянину, которые отвлекли васъ отъ вашихъ „Андреевъ“, „Разговоровъ“ и пр. и пр. и заставили васъ писать „Записки Охотника“, хотя еще далеко не вполнѣ васъ освободившія отъ прежняго! Но вы не остановились и на этихъ „Запискахъ“ и двинулись далѣе; доброе дѣло!“²⁾ Въ другомъ письмѣ Константина Сергѣевича мы читаемъ слѣдующее: „меня поразилъ изящной правдой рассказъ вашъ „Хоръ и Калинычъ“. Тогда же, въ той же самой критикѣ, гдѣ я нападалъ на васъ, я отдалъ ему съ радостью должную справедливость. Вы продолжали „Записки Охотника“, достоинство которыхъ было признано всеми. Любопытно было мнѣ теперь повторить свое впечатлѣніе и перечестъ „Хоръ и Калинычъ“ и другіе рассказы. Я перечелъ „Хоръ и Калинычъ“ тотъ же, и тѣ же въ немъ достоинства, но, видно, требованія выросли, видно—выросло время, только далеко не такъ поправился мнѣ этотъ рассказъ, какъ прежде. Да и въ самомъ дѣлѣ: первая минута разсвѣта послѣ ночи свѣтла, но передъ настоящимъ днемъ она только полусвѣтъ, и плохо, если день не

¹⁾ *Русское Обозрѣніе*, Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу, 1894 г., VIII, 459.

²⁾ *Русское Обозрѣніе*, Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу, 1894 г., IX, 15. Еще раньше приведенныхъ здѣсь писемъ К. С. Аксакова, П. В. Анненковъ писалъ И. С. Тургеневу: „Вообще книга ваша, по моему мнѣнію, останется въ литературѣ, какъ и имя ваше, съ почетной строкой: это безъ низости говоря. Но теперь, кажется, слѣдовало бы дописать книгу и додѣлать свое имя. Нужно бы, кажется, убить въ себѣ сочинительство, которое въ послѣднее время, какъ будто наоборотъ сильнѣе въ васъ становится“.

свѣтлѣ разсвѣта. Ваши „Записки Охотника“ вообще — только одно мерцаніе какого-то свѣта, не больше. Сверхъ того, кромѣ общаго неяснаго достоинства, есть общіе же, ясные недостатки“ ¹⁾. Особенно понравился Константину Сергѣевичу разсказъ „Муму“, что онъ и высказываетъ въ своихъ письмахъ къ И. С. Тургеневу: „Спасибо вамъ за „Муму“; я непременно помѣщу его въ „Сборникъ“, если только мнѣ позволено будетъ издавать „Сборникъ“ и если не воспрещено вовсе печатать ваши сочиненія. Мнѣ нѣтъ нужды знать: вымыселъ ли это или фактъ, дѣйствительно ли существовалъ дворникъ Герасимъ или нѣтъ. Подъ дворникомъ Герасимомъ разумѣется иное. Это олицетвореніе русскаго народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаленіе къ себѣ и въ себя, его молчаніе на всѣ запросы его нравственныхъ, честныхъ побужденій... Онъ, разумѣется, современемъ заговоритъ, но теперь, конечно, можетъ казаться и нѣмымъ и глухимъ; теперь, покуда, онъ удалился къ себѣ на родину. Весь разсказъ чрезвычайно живъ; нѣтъ въ немъ ни натянутости, ни преувеличенія, все въ мѣру, нигдѣ вы не пересолили (что иногда случается съ вами въ „Запискахъ Охотника“) ²⁾. Есть какая-то сдержанность, придающая еще болѣе силы всему разсказу; слышится будто присутствіе другой, глубокой мысли, лежащей за рамками произведенія и не исчерпываемой произведеніемъ“ ³⁾. Слѣдующее ваше произведеніе („Муму“) рѣшительно есть, какъ говорятъ, шагъ впередъ. Вы здѣсь гораздо болѣе серьезны; мелочные эффекты словъ и изображеній оставили васъ почти вовсе, и на первомъ планѣ ясный и виѣстѣ многозначительный образъ Герасима. До сихъ поръ у васъ, въ вашихъ произведеніяхъ, была какая-то авторская мелочная при-

¹⁾ *Русское Обозрѣніе*, Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу, 1894, VIII, стр. 481.

²⁾ И. С. Аксаковъ съ своей стороны, писалъ о „Запискахъ охотника“: „Какое знаніе близкаго къ природѣ быта, какъ близкая связь съ природой нужна для такой высокой простоты описанія! Намъ по большей части (и говорю естественно о себѣ) недостаетъ точности выраженій; намъ доступенъ больше запахъ, ароматъ природы, съ какой-то неопредѣленной музыкальностью ощущеній“. (*Русское Обозрѣніе*, 1894, VIII, 476).

³⁾ *Русское Обозрѣніе*, Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу, 1894, VIII, 475. Въ февралѣ 1856 г. И. С. Тургеневъ писалъ С. Т. Аксакову: „Ваше мнѣніе о второй части моей повѣсти меня искренно обрадовало—вы знаете, какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ. Мнѣ пріятно также и то, что вы не ищите въ „Рудинѣ“ копій съ какого-нибудь извѣстнаго лица... Ужъ коли съ кого списывать, такъ съ себя начинать“ (*Вѣстникъ Европы*, 1894, II, 491. 8).

дирчивость къ жизни и ея явленіямъ; здѣсь ея почти нѣтъ. Весь на виду строгій образъ Герасима, до того сочувственный, что имъ побѣждается вполнѣ все несчастное уродство природы. Спасибо вамъ“ ¹⁾! „Постоялый Дворъ“ И. С. Тургенева также вызываетъ особую похвалу и К. С. Аксакова, напримѣръ: „Обнимаю васъ крѣпко за вашъ „Постоялый Дворъ“: этотъ разсказъ—дѣло серьезное, и въ немъ я призналъ русскаго человѣка съ той глубокой стороны, къ которой не всякій питаетъ сочувствіе; и даже вы сами, — извините за откровенность, откликнувшись на нее вполнѣ какъ художникъ, все, кажется мнѣ, какъ человѣкъ, не вполнѣ передъ ней преклонились“ ²⁾. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, въ свою очередь, такъ отзывался о „Постояломъ Дворѣ“: „Написать такую повѣсть, создать Акима, или — все равно, умѣть отыскать его между другими, понять, оцѣнить и возлюбить его—не только великая литературная и общественная заслуга, но и личный нравственный подвигъ, дѣло души“ ³⁾.

Наконецъ любопытны отзывы Аксаковыхъ о неоконченномъ и уничтоженномъ романѣ И. С. Тургенева: „Я не сдѣлаю вамъ ни малѣйшаго упрека въ томъ, что у васъ одиннадцать главъ безъ всякой завязки“— писалъ С. Т. Аксаковъ:— „Я скажу только, что предварительный біографическій очеркъ каждаго лица кажется мнѣ едва ли вполнѣ художественнымъ приѣмомъ. Относительно болѣе подробнаго впечатлѣнія батюшка сдѣлалъ очень вѣрные замѣчанія, съ которыми я вполнѣ согласенъ; батюшка самъ вамъ пишетъ, и потому я здѣсь ихъ не повторю“ ⁴⁾.

XLVII.

Горячо симпатизируя благородной и открытой натурѣ Константина Сергѣевича, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, однако, сильно расхотѣлся съ нимъ въ убѣжденіяхъ, что не могло не обнаружиться по поводу отношеній обоихъ къ народной поэзіи. Однажды Константинъ Сергѣевичъ писалъ своему корреспонденту о сборникѣ Кириши Данилова: „Что, какъ вамъ нравится „Сборникъ“? Каковы пѣсни? Прошу васъ не поскучать моею статьею и прочесть ее внимательно; вы увидите,

¹⁾ *Русское Обозрѣніе*, Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу, VIII, 482.

²⁾ Тамъ же, 1894, IX, 28—29.

³⁾ Тамъ же, 1894, IX, 27.

⁴⁾ *Русское Обозрѣніе*, 1894, X, стр. 484.

что вопросъ, въ ней разсматриваемый,—живой вопросъ. Я думаю написать еще статью о древнемъ бытѣ славянъ на основаніи пѣсенъ, сказокъ, преданій и проч. ¹⁾ Какой истинно чудный міръ открывается передъ нами, какая стройность, какая высота, какая образованность! Когда стоишь въ изумленіи передъ духовной красотой древняго русскаго міра, то, конечно, задаешь себѣ тотъ же вопросъ, который слыхалъ я часто отъ людей мнѣнія противоположнаго: отъ чего же не удержался этотъ міръ? Былъ ли онъ слишкомъ хорошъ для земли, или чего-нибудь ему недоставало ²⁾? Непремѣнно достаньте Киришу Данилова и читайте внимательно, а если вы музыкантъ, то обратите вниманіе на ноты, приложенныя при каждой пѣсенѣ; многія изъ нихъ совершенно оригинальный речитативъ, другія — превосходные нагѣвы высокаго музыкальнаго достоинства. Это музыка чисто народная ³⁾. И. С. Тургеневъ съ своей стороны высказывалъ о произведеніяхъ народной поэзіи слѣдующія мнѣнія: „Въ особенный восторгъ привелъ меня Кириша Даниловъ. — Ваську Буслаева считаю я эпосомъ русскимъ — но къ результатамъ (привело) меня это все далеко не столь отраднымъ, какъ васъ, любезный Константинъ Сергѣевичъ, — во всякомъ случаѣ къ другимъ результатамъ. Но такъ какъ я въ этомъ дѣлѣ еще ученикъ, то мнѣ и хотѣлось бы потолковать съ людьми знающими, съ вами“ ⁴⁾. „Я, кажется, уже сказывалъ вамъ, что, по моему мнѣнію, трагическая сторона народной жизни — не одного нашего народа — каждаго — ускользаетъ отъ васъ, между тѣмъ какъ самыя наши пѣсни громко говорятъ о ней! Мы обращаемся съ Западомъ, какъ Васька Буслаевъ (въ Киришѣ Даниловѣ) съ мертвой головой, подбрасываемъ его ногой, а самъ... Вы помните, Васька Буслаевъ взошелъ на гору, да и сломилъ себѣ на прыжкѣ шею“ ⁵⁾. По

¹⁾ И. С. Тургеневъ писалъ К. С. Аксакову: „Давно собирался я писать къ вамъ, но все откладывалъ до прочтенія статьи вашей въ „Московскомъ Сборникѣ“. Теперь ее прочелъ съ большимъ вниманіемъ, и насколько я могу судить въ этихъ вещахъ, согласенъ съ вами на счетъ „родового быта“. Мнѣ всегда казался этотъ родовой бытъ — такъ, какъ его представляютъ Соловьевъ и Кавелинъ — чѣмъ-то искусственнымъ, систематическимъ, чѣмъ-то напоминавшимъ мнѣ наши давно-прошедшія гимнастическія упражненія на поприщѣ философіи“ (*Вѣстникъ Европы*, 1894, I, стр. 339).

²⁾ *Русское Обозрѣніе*, 1894, VIII, 474.

³⁾ *Русское Обозрѣніе*, 1894, IX, 17.

⁴⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1894, I, 334.

⁵⁾ *Вѣстникъ Европы*, Переписка И. С. Тургенева, 1894, I, 340.

поводу разногласія съ Константиномъ Сергѣевичемъ И. С. Тургеневъ писалъ его отцу: „Къ сему письму приложено отъ меня нѣсколько словъ Константину Сергѣевичу насчетъ его замѣчаній, которыя я болѣею частью признаю справедливыми, хотя въ коренномъ нашемъ воззрѣніи на русскую жизнь, а оттого и на русское искусство, мы расходимся. Онъ это, я думаю, знаетъ; но чего онъ не знаетъ, можетъ быть; вполне, это—та горячая симпатія, которую я чувствую къ его благородной и искренней натурѣ“¹⁾. „Много я думалъ все это время—во-первыхъ, о услышанномъ мною продолженіи „Семейной Хроники“, а во-вторыхъ, о нашихъ толкахъ съ вашимъ сыномъ. „Семейная Хроника“—вещь положительно эпическая, а съ Константиномъ Сергѣевичемъ, я боюсь, мы никогда не сойдемся. Онъ въ „мірѣ“ видитъ какое-то всеобщее лѣкарство, панацею, альфу и омегу русской жизни; а я, признавая его особенность и свойственность—если можно такъ выразиться—Россіи, все-таки вижу въ немъ одну лишь первоначальную, основную почву—но не болѣе, какъ почву, форму, на которой строится, а не съ которую выливается государство“²⁾.

Извѣстно, наконецъ, что Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ вывелъ Константина Сергѣевича въ „Однодворцѣ Овсянниковѣ“ подъ именемъ Любозвонова, чѣмъ, разумѣется, Аксаковы не могли быть довольны. 4-го октября 1852 г. И. С. Аксаковъ писалъ ему по этому поводу: „Послушайте, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ: какъ могли вы теперь оставить мѣсто о г. Любозвоновѣ? Само собой разумѣется, что подъ Любозвоновымъ вы разумѣли брата Константина, великодушно отвергая мнѣніе Овсянникова, что „онъ не въ своемъ умѣ“, предположеніемъ, что онъ боленъ. Вы могли это написать въ 1847 году, но теперь, для краснаго словца, вы пожертвовали истиной... Мало ли что вы тогда писали—по ошибкѣ и недоразумѣнію! Теперь многое вамъ уяснилось, и какъ хотите, вы поступили не совсѣмъ согласно съ вашимъ собственнымъ убѣжденіемъ“³⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, 337.

Однажды И. С. Тургеневъ писалъ С. Т. Аксакову: „Съ удовольствіемъ послушаю я статью о Державинѣ и постараюсь узнать отъ И. С.—а, въ чемъ именно состоитъ новая грамматическая система Константина Сергѣевича. Я никогда не занималъ языкомъ русскимъ теоретически и плохо знаю его исторію—но у меня есть на его счетъ нѣкоторыя мысли—посмотрю, совпадаютъ ли онѣ съ воззрѣніемъ вашего сына“ (*Вѣстникъ Европы*, Переписка И. С. Тургенева, 1894 г., II, 479).

²⁾ *Вѣстникъ Европы*, Переписка И. С. Тургенева, 1894 г., II, 495.

³⁾ *Русское Обозрѣніе*, Письма Аксаковыхъ, 1894, VIII, 477.

XLVIII.

Послѣ запрещенія „Московского Сборника“ имя И. С. Аксакова и его брата на нѣкоторое время сдѣлалось запретнымъ въ печати, такъ что даже въ отчетѣ „Географическаго общества“, гдѣ были напечатаны имена всѣхъ лицъ, получившихъ командировку, Иванъ Сергѣевичъ оказался не поименованнымъ.

Любопытно, что подозрительныя отношенія правительства къ славянофиламъ отразились и на Сергѣѣ Тимоѣевичѣ, когда, выпустивъ въ 1852 г. „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“, книгу, единодушно одобренную критикой какъ и прежнія его сочиненія, онъ задумалъ издавать „Охотничій Сборникъ“. 9-го марта 1853 года Сергѣй Тимоѣевичъ писалъ по этому поводу И. С. Тургеневу: „На это письмо прошу васъ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, отвѣчать мнѣ немедленно, хотя въ нѣсколькихъ строкахъ. На дняхъ родилась у меня „смѣлая, но благородная мысль“, которую спѣшу сообщить вамъ съ первой почтой: я вздумалъ издавать ежегодно (видно, собираюсь еще пожить) „Охотничій Сборникъ“. Хотя вы и безъ меня догадаетесь, что будетъ составлять его содержаніе, но вотъ вамъ родъ программы: въ „Сборникъ“ будетъ помѣщаться все касающееся до стрѣльбы всякихъ звѣрей и всякихъ птицъ; ловля и тѣхъ, и другихъ сѣтми и всякими другими снастями; охота псовая, соколиная и ястребиная, рыболовство во всѣхъ возможныхъ видахъ, начиная съ удочки до нушенья рыбы дубинками по льду; все относящееся къ жизни и нравамъ звѣрей, птицъ, рыбъ“¹⁾. Сергѣй Тимоѣевичъ послалъ просьбу о разрѣшеніи въ Главное Управленіе, которое съ своей стороны, конечно, не могло усмотрѣть въ программѣ изданія ничего предосудительнаго и даже опредѣлило дозволить изданіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ испросить монаршаго на то соизволенія черезъ посредство товарища министра народнаго просвѣщенія Норова, что и испортило все дѣло, такъ какъ

¹⁾ *Русское Обозрѣніе*, 1894, IX, 24.

Въ отвѣтъ на это письмо И. С. Тургеневъ писалъ: „Я намѣренъ для вашего „Сборника“ составить, во-первыхъ, статью о ловлѣ курскихъ и бердичевскихъ соловьевъ, списанную со словъ моего стараго охотника, который разъ двадцать ѣздилъ за ними по порученьямъ купцовъ—и вывозилъ тысячныхъ соловьевъ; а во-вторыхъ, рассказъ о стрѣльбѣ мужиками медвѣдей на овсахъ въ Полтвѣ“. (*Вѣстникъ Европы*, 1894, II, 472).

Норовъ обратился съ запросомъ о личности Аксакова къ Дуббельту, въ виду того, что „фамилія автора напоминаетъ нѣкоторыхъ писателей, сдѣлавшихся уже извѣстными неблагонамѣреннымъ направленіемъ своихъ сочиненій“. Дуббельтъ же, разумѣется, не разрѣшилъ. Въ виду неуспѣха ходатайства Аксакова объ изданіи Погодинъ рассчитывалъ воспользоваться нѣкоторыми заготовленными для него матеріалами для „Москвитянина“, но получилъ отказъ въ виду спеціальнаго характера статей.

Въ это время К. С. Аксаковъ погрузился въ свои излюбленныя филологическія занятія и писалъ грамматику, по поводу которой отецъ его, уже привыкшій къ суровому приему критикой сочиненій своего любимого сына, выражалъ опасеніе, что и этотъ трудъ можетъ быть принятъ неблагосклонно, „ибо философскую грамматику нужно написать не философскимъ языкомъ“. Что касается Ивана Сергѣевича (Аксакова), то, разочарованный цѣлымъ рядомъ неудачъ, онъ проводилъ зиму 1852—1853 года въ Абрамцевѣ и занимался изученіемъ древнихъ русскихъ учрежденій, чтеніемъ грамотъ, актовъ и проч. Когда же, по мысли великаго князя Константина Николаевича, приготовлялась извѣстная морская кругосвѣтная экспедиція, въ которой принялъ участіе И. А. Гончаровъ, И. С. Аксаковъ просилъ о разрѣшеніи ему отправиться въ эту экспедицію. Сергѣй Тимофеевичъ, напуганный самъ этимъ рѣшеніемъ и еще болѣе побуждаемый благочестивымъ ужасомъ всей своей семьи, употребилъ съ своей стороны всѣ способы убѣжденія, чтобы отговорить своего сына. Онъ писалъ ему 5-го сентября 1853 года: „Вижу, какъ ужасно владѣеть тобою мысль кругосвѣтнаго путешествія. Я понимаю ея заманчивую сторону; но въ то же время убѣжденъ, что корабельное заключеніе для такого человѣка, какъ ты, будетъ невыносимо; эта тюрьма мнѣ кажется отвратительнѣе всякой тюрьмы на землѣ. Тебѣ нужно дѣло, настоящее, животрепещущее дѣло; для тебя и не пловучій кабинетъ, изъ котораго *некуда* выдти, былъ всегда несносенъ; читать цѣлые мѣсяцы сряду, да еще что ты будешь читать?“ и проч. Но и участіе въ этой экспедиціи не было разрѣшено Ивану Сергѣевичу. „Въ этомъ отказѣ“, писалъ онъ, „виноватъ одинъ „Московский Сборникъ“.

Отмѣтимъ еще одинъ фактъ, относящійся къ 1852 г. М. П. Погодинъ, продавшій въ это время свое „Древлехранилище“ и отчасти уже примиренный съ Константиномъ Сергѣевичемъ, чрезвычайно для него пріятными статьями послѣдняго, направленными противъ ненавистной ему норманской теоріи, снова сблизился съ Аксаковыми и

даже предлагалъ имъ денежную помощь въ виду ихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Въ Аксаковы, и особенно Ольга Семеновна, были довольны имъ и тронуты его предложеніемъ.

XLIX.

Начиная съ половины 1853 года, Аксаковыхъ стали сильно волновать политическія событія. 12-го іюля Сергѣй Тимоѣевичъ писалъ И. С. Тургеневу: „кажется, будетъ война. Обстоятельства увлекаютъ насъ противъ воли. Исторія возьметъ свое: я ожидаю всякихъ событій“ ¹⁾. Иванъ Сергѣевичъ собирался поступить добровольцемъ въ ополченіе, потому что, какъ онъ позднѣе говорилъ П. А. Кулишу, онъ не хотѣлъ, чтобъ совѣсть могла упрекнуть его: „а гдѣ ты былъ, когда рѣшалась судьба отечества?“ Но это были предположенія на тотъ случай и на то время, когда будетъ война, а пока, благодаря ходатайству Штейнбока, ему удалось получить командировку отъ Географическаго общества для описанія малороссійскихъ ярмарокъ. Въ силу этого порученія Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ къ 22-му ноября, началу ярмарки въ Сумахъ, явиться въ этотъ городъ. Цѣлый мѣсяць отъ конца сентября и до послѣднихъ чиселъ октября онъ провелъ на прощанье въ Абрамцевѣ, откуда на нѣсколько дней съѣздивъ въ Петербургъ, и оттуда уже направился непосредственно въ Сумы. Теперь для него настала снова такая дѣятельная жизнь, полная заботъ и неослабныхъ, живыхъ наблюденій, какъ и въ прежнія его командировки въ Астрахань, Бессарабію и проч. „Я похожъ теперь на губку“, писалъ онъ Кошелеву, „отовсюду вбираю въ себя влагу; такъ и я ежеминутно въ себя вбираю, втягиваю въ себя свѣдѣнія, наблюденія, замѣчанія, факты, впечатлѣнія, непрерывно слѣдующія одно за другимъ. Я стараюсь насквозь пропитаться букетомъ (ароматомъ) края, чтобы лучше его понять и судить о немъ“ ²⁾. Но мысли его уже устремлялись на арену военныхъ дѣйствій: „съ цѣлью усердно слѣдить за ними, я привезъ съ собою карту Турціи, но, живя по своимъ служебнымъ обязанностямъ въ разныхъ захолустьяхъ, часто не могъ пользоваться ею за неимѣніемъ газетъ“. Часто онъ получалъ извѣстія о новѣйшихъ событіяхъ изъ писемъ, а иногда до него доходили вѣрные и невѣрные слухи, которые, въ свою очередь, ему не-

¹⁾ „Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу“, *Русское Обозрѣніе*, 1894 г., X, 481.

²⁾ „Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу“, 79.

рѣдко случалось передавать отцу. Сергѣй Тимоѣевичъ, всегда прежде равнодушный къ политикѣ, былъ чрезвычайно заинтересованъ великими событіями.

Въ это время патріотическое настроеніе вновь сблизило его съ Погодинымъ. Когда въ концѣ 1853 г. Погодинъ, по мысли и желанію графини Блудовой, подалъ свою политическую записку ¹⁾, то Сергѣй Тимоѣевичъ привѣтствовалъ его въ восторженныхъ выраженіяхъ. Въ началѣ 1854 г. онъ писалъ Погодину: „Наше политическое положеніе меня съ ума сводить. Я боюсь не Европы, на насъ возстающей, а боюсь сомнѣній и нерѣшительности съ нашей стороны и боюсь также за выборъ главнокомандующихъ“ ²⁾. Горячо привѣтствовалъ Аксаковъ Погодина также, когда послѣдній написалъ статью по поводу прекращенія бомбардировки Соловецкаго монастыря.

Статья эта понравилась также и Ивану Сергѣевичу, который, довольный теперь Погодинымъ, готовъ былъ „простить ему многое дурное“ ³⁾. Самъ онъ, предаваясь своимъ дѣятельнымъ наблюденіямъ, находился въ нѣкоторомъ колебаніи, не пора ли ему оставить дѣла по командировкѣ и не ѣхать ли на Дунай. „Что касается меня“, писалъ онъ 9-го мая 1854 года, „то я не сознаю въ себѣ способности принести большую пользу дѣлу службой на Дунаѣ, но для меня это просто потребность души, хочется быть рабочимъ хоть самымъ темнымъ и безвѣстнымъ! Я ни на секунду не оставляю этой мысли и жду писемъ изъ Петербурга. На Дунай! на Дунай“ ⁴⁾! А между тѣмъ онъ продолжалъ восхищаться югомъ и Украйной: „вся утонула въ зеленыхъ садахъ Малороссія. Пѣніе соловьевъ и благоуханіе деревьевъ сопровождали меня во всю дорогу; какая прелесть“ ⁵⁾! Но двинуться на Дунай было не совсѣмъ удобно, не кончивъ дѣла, въ особенности когда, какъ мы узнаемъ изъ письма А. М. Княжевича къ Сергѣю Тимоѣевичу, Географическое общество рѣшило выслать Ивану Сергѣевичу 500 р. для дальнѣйшаго веденія работы. Тѣмъ не менѣе онъ уже сносился съ Перовскимъ о порядкѣ поступленія на службу волонтеромъ. „Мнѣ кажется, милый отесенька“, писалъ онъ Сергѣю Тимоѣевичу, „что вы меня не совсѣмъ поняли, когда я вамъ писалъ, что хотѣлъ бы не доканчивать порученіе Географическаго общества.

¹⁾ Барсуковъ, XII, 524.

²⁾ Барсуковъ, XIII, 36.

³⁾ Аксаковъ, III, 83.

⁴⁾ Аксаковъ, III, 13.

⁵⁾ III, 15.

Я только тогда хотѣлъ это сдѣлать, когда имѣлъ бы въ виду положительную возможность перейти на Дунай!... Общество само знаетъ положеніе дѣлъ политическихъ и можетъ само судить, благопріятно ли оно для описанія торговли... Но еслибъ я имѣлъ возможность немедленно перейти на Дунай, то отказался бы на отрѣзъ съ возвращеніемъ денегъ“ ¹⁾. Поѣздку на Дунай теперь приходилось отложить до января.

L.

Лѣтомъ 1854 г. снова въ семьѣ Аксаковыхъ все время были больные, и опять въ іюнѣ мѣсяцѣ хворала Ольга Семеновна, а затѣмъ Сергій Тимошеевичъ, но у послѣдняго, кромѣ разстройства нервъ, были болѣзни неопасныя: зубная боль и флюсъ, а также, конечно, страдало зрѣніе. По поводу послѣдняго Иванъ Сергѣевичъ не разъ иенялъ отцу, что онъ слишкомъ утомляетъ зрѣніе, подолгу просиживая съ удочкой и напряженно смотря на нее. Впрочемъ хворость не мѣшала ему работать и даже отчасти способствовала его литературнымъ трудамъ. Въ концѣ іюня 1854 г. онъ писалъ М. П. Погодину: „Я сижу закупорившись въ четырехъ стѣнахъ, а потому принужденъ хоть чѣмъ-нибудь заниматься и развлекать себя; вслѣдствіе чего дописываю отрывокъ изъ „Семейной Хроники“ ²⁾. Впрочемъ серьезнѣе онъ былъ боленъ въ іюль, „когда онъ схватилъ приливъ крови къ печени, которая явилась какъ результатъ хворостей и душевныхъ болѣзней. Говорятъ, что снятіе осады Силистріи и бѣгство за Дунай много способствовали разстройству печени“ ³⁾. Болѣзни эти Иванъ Сергѣевичъ склоненъ былъ со своей стороны приписывать также сырому мѣстоположенію Абрамцева. Но едва ли не самой важной причиной были волненія по поводу политическихъ обстоятельствъ, которыя всѣ Аксаковы горячо принимали къ сердцу. „Весь народъ“, писалъ 4-го іюля 1854 г. Иванъ Сергѣевичъ, „по выраженію одного мѣщанина, осовѣлъ, не имѣя ни одного утѣшительнаго извѣстія съ Дуная въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ“, на что Сергій Тимошеевичъ отвѣчалъ: „все, чтò ты пишешь о безнадежности,—я вполне раздѣляю, да ты, вѣроятно, знаешь, я и всегда такъ думалъ. Каждый день

¹⁾ Тамъ же, III, 15—16.

²⁾ *Барсуковъ*, XIII, 107.

³⁾ Тамъ же, 130.

представляетъ какой-нибудь новыи фактъ, служащій неопровержимымъ доказательствомъ вѣрности этого мнѣнія, и лучше объ этомъ не говорить“ ¹⁾. Но Ивана Сергѣевича возмущало равнодушіе общества, которое, „уоставши заниматься политикой, махнуло на все рукой и, довѣрчиво полагаясь на правительство, собиралось возвратиться къ своему нормальному состоянію, т. е. заснуть опять крѣпкимъ сномъ“ ²⁾. „Обидно читать иностранныя газеты“, писалъ онъ въ октябрѣ: „съ какимъ восторгомъ описываютъ онѣ высадку, изображаютъ ее въ картинкахъ, съ какою гордостью, понятною и на этотъ разъ законною (это не бомбардированіе Одессы!), рассказываютъ они всѣ подробности этого дѣла. Здѣшніе французы также съ иронической улыбкой спрашиваютъ всякій разъ: „какія новости? вѣрно, французовъ выгнали?“ и т. п. Имъ можно было бы отвѣчать: „*giga bien qui giga le dernier*“,—но не смѣешь и это сказать: такъ мало имѣешь надежды на умъ и способности нашихъ военачальниковъ“ ³⁾. „Я помню“, съ горечью заключаетъ онъ это письмо, „какъ прежде говорили и хвастались: „только бы высадились, шапками закидаемъ, на сухомъ пути одного русскаго солдата на десятерыхъ враговъ станеть“. А теперь оказывается, что для побѣды намъ необходимо имѣть чуть ли не вдвое войска противъ непріятельскаго“... „Можетъ быть, Севастополь и не будетъ взятъ и непріятель уплыветъ, но во всякомъ случаѣ чести и славы намъ отъ того не будетъ никакой“ ⁴⁾. „Страшная борьба! На ихъ сторонѣ наука, искусство, талантъ, храбрость, всѣ матеріальныя средства; на нашей—только правда дѣла и личное мужество въ немъ; остального ничего нѣтъ“ ⁵⁾. „Замѣтно вообще неудовольствіе на пренебреженіе, оказываемое правительствомъ народному чувству, именно на то, что правительство держитъ все и всѣхъ въ неизвѣстности, что не приняты мѣры для полученія скорѣйшихъ свѣдѣній“ и проч.

„Вообще восторги, возбужденные войной въ началѣ, простыли, участіе ослабло и смѣняется какимъ-то равнодушіемъ, какимъ-то апатическимъ упованіемъ на милость Божию. Все это меня очень смущаетъ и разстраиваетъ въ моихъ занятіяхъ“ ⁶⁾. Особенно негодовалъ

¹⁾ И. С. Аксаковъ, III, 33, 39. пр.

²⁾ Тамъ же, III, 52.

³⁾ И. С. Аксаковъ, III, 85.

⁴⁾ Тамъ же, III, 90.

⁵⁾ III, 100.

⁶⁾ III, 76.

Н. С. Аксаковъ на вялость и неумѣлость дѣйствій Меньшикова. Съ горечью писалъ также Сергѣй Тимофеевичъ А. О. Смирновой: „Вы очень вѣрно поняли тревогу въ мирномъ Абрамцевѣ. Да, мы находимся теперь въ исключительномъ положеніи. Мы погруженные въ безотрадное горе и въ тревожныя ожиданія новыхъ печальныхъ явленій нашего безысходнаго положенія. Много великихъ событій совершилось на моей памяти—я помню, какъ возникалъ Наполеонъ; но ни одно такъ не волновало меня, какъ настоящее, или, лучше сказать, грядущее событіе. Самое тяжелое въ нашемъ положеніи—неизвѣстность, туманъ, который насъ окружаетъ“¹⁾. Такое настроеніе было общимъ во всей семьѣ, и Григорій Сергѣевичъ, въ свою очередь, писалъ отцу о томъ, что онъ находился въ непрерывномъ тревожномъ состояніи какъ отъ политическихъ событій, такъ и отъ собственныхъ дѣлъ, вслѣдствіе чего онъ отказывался писать подробныя письма. Онъ былъ въ это время безъ мѣста и искалъ новой дѣятельности, такъ что даже Иванъ Сергѣевичъ подумывалъ о томъ, что „если Гриша вступитъ на службу и не въ нашей губерніи“, то тогда эти заботы пришлось бы ему взять на себя. Разсуждая притомъ о невозможности вести хозяйство по старинному и сказавъ мимоходомъ, что „теперь ни Куроѣдовъ“²⁾, ни Степанъ Михайловичъ не навели бы страха на крестьянъ“, Иванъ Сергѣевичъ нѣсколько раздосадовалъ отца, который ему отвѣчалъ такъ: „Ты очень справедливо говоришь, что пора обратить вниманіе на отношенія наши къ крестьянамъ, но, во-первыхъ, это надо дѣлать помѣщику, живущему въ деревнѣ, подъ личнымъ своимъ надзоромъ, а не заочно. Тѣхъ въ Вишенки—кому-нибудь изъ насъ необходимо. Если буду въ силахъ—поѣду самъ. Надѣюсь, не съѣздитъ ли какъ-нибудь Гриша; но вы съ Константиномъ оба не годитесь; ты опаснѣе даже Константина, чтѣ и доказывается твоими же словами, что Степанъ Михайловичъ теперь бы не годился. Онъ бы отлично годился, но, между нами, онъ невозможенъ теперь“³⁾. Мы не знаемъ, какъ потомъ рѣшилось это дѣло, но изъ писемъ Григорія Сергѣевича видно, что онъ принималъ потомъ даже изъ далекой Самары нѣкоторое участіе въ хозяйственныхъ заботахъ отца по имѣнію и, между прочимъ, онъ писалъ однажды о томъ, что взялъ для Абрамцева дешевую поставку хлѣба и проч., сообщалъ также на-

¹⁾ *Русскій Архивъ*, 1896, 1, 157.

²⁾ Т. е. Куролесовъ.

³⁾ Ив. Серг. Аксаковъ, III, 59, примѣч.

счетъ хлѣба въ Вишенкахъ, о покупкѣ овецъ у Самарина и т. д. Въ іюлѣ онъ писалъ: „мы готовимся къ ополченію, о которомъ, какъ пишутъ изъ Петербурга, вскорѣ будетъ указъ“, и затѣмъ прибавляетъ: „Быть можетъ, если не достанетъ офицеровъ, и мнѣ придется идти“. Сергѣй Тимоѣевичъ опасался затруднять хозяйственными хлопотами Григорія Сергѣевича, и жена послѣдняго совѣтовала ему успокаивать отца энергичнѣе, даже сказать, что если того потребуютъ хозяйственныя заботы, то онъ готовъ выйти въ отставку и т. д. Въ концѣ 1854 г. Григорій Сергѣевичъ получилъ мѣсто въ Самарѣ, и мать благословила его на новую должность въ такихъ выраженіяхъ: „Назначеніе твое, другъ мой Гриша, для меня пріятно, и потому вполне материнскимъ сердцемъ благословляю тебя, добрый сынъ мой“. Въ то же время Н. Т. Карташевская сообщала, что „министръ сдѣлалъ о Гришѣ хорошій отзывъ“.

Григорій Сергѣевичъ, уѣзжая вдаль, хотѣлъ непременно получить портреты отъ всѣхъ родныхъ, и когда альбомъ былъ полученъ, такъ былъ огорченъ грустнымъ выраженіемъ лица своего любимаго „отесеньки“, больного и удрученнаго несчастіями отечества, что не могъ скрыть этого отъ него. „Вы очень похожи, милый отесенька, но съ такимъ грустнымъ выраженіемъ нарисованы, что безъ слезъ нельзя на васъ смотрѣть“. Впрочемъ самъ Григорій Сергѣевичъ въ томъ же письмѣ говорилъ: „Столько безпорядковъ, интригъ, нарушеній законовъ, намѣренно и ненамѣренно, такое равнодушіе къ исполненію своихъ обязанностей, нежеланіе что-нибудь жертвовать, отсутствіе сочувствія ко всему благородному и живому и такія дикія понятія о чести, что приходишь въ отчаяніе“. Н. Т. Карташевская была также въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ за своего сына, который стремился въ Севастополь, „и тогда“, горевала она, „Коля, конечно, не пощадитъ себя, на всѣ опасности пойдетъ“.

II.

Между тѣмъ литературныя дѣла Сергѣя Тимоѣевича подвигались чрезвычайно удачно, чему способствовала, какъ это ни странно могло бы казаться съ перваго взгляда, потеря имъ зрѣнія и вслѣдствіе этого масса вынужденнаго досуга. Ему становилось все менѣе доступной охота всякаго рода, и литературныя занятія являлись кстати, какъ возможность наполнить время. Такъ какъ въ послѣдніе годы онъ посвящалъ свои труды преимущественно рассказамъ о своемъ

прошломъ, то, переживая вторично свои лучшіе годы, онъ чувствовалъ потребность съ одной стороны въ освѣженіи своихъ воспоминаній со стороны сверстниковъ и въ дополненіяхъ къ тѣмъ матеріаламъ, которые берегла ему память, для чего ему приходилось иногда обращаться съ разспросами къ своимъ старымъ друзьямъ и товарищамъ, а съ другой ему было пріятно дѣлиться съ ними уже готовымъ воспроизведеніемъ этого прошлаго, и особенно съ самой близкой для него личностью—его сестрой. Вся относящаяся сюда переписка отличается въ значительной степени интимнымъ характеромъ. Въ 1853 г. Сергій Тимоеевичъ задумалъ написать воспоминанія объ А. С. Шишковѣ и обратился къ племяннику послѣдняго и своему давнему другу, А. И. Казначееву, съ просьбой сообщить ему все, что ему было извѣстно о дядѣ. Обрадованный этимъ намѣреніемъ своего друга, Казначеевъ писалъ ему: „мысль твоя написать воспоминанія о А. С. Шишковѣ дѣлаетъ тебѣ честь и можетъ сдѣлать славу. Онъ не такъ обыкновененъ, какъ думали наши литературные и политическіе модники. Я тебѣ сообщу историческія о немъ воспоминанія, сколько устарѣвшая память мнѣ позволитъ. При послѣднемъ моемъ свиданіи онъ очень много передалъ мнѣ разговоры съ Государемъ, показалъ свои секретные доклады и записки, которые возвысили его въ моемъ мнѣніи далеко отъ того, какъ я самъ о немъ думалъ. Знаешь ли ты, что онъ предвидѣлъ и предсказалъ послѣднія, неожиданныя событія въ Европѣ? ¹⁾. Его предсказанія представляли какъ бредъ дряхлаго старика, но все сбылось. Записки его похищены, и я могъ отыскать только одни отрывки, и то въ копіяхъ“. За этимъ въ цѣломъ рядѣ писемъ слѣдуютъ сообщенія о Дарьѣ Алексѣевнѣ Шишковой, объ отношеніи Шишкова къ крестьянамъ и о томъ, какъ крестьяне, какъ милости, просили его положить оброкъ и другія свѣдѣнія, чѣмъ потомъ, какъ извѣстно, и воспользовался Сергій Тимоеевичъ въ своей біографіи Шишкова. Въ одномъ изъ писемъ Казначеева мы находимъ между прочимъ указаніе и на то, что Сергій Тимоеевичъ сокрушался объ исключеніяхъ, сдѣланныхъ цензурой въ его біографіи Загоскина. „Жизнеописаніе Загоскина“—писалъ онъ, „какъ бы ни было искажено, но все-таки прекрасно и похоже на лицо красавицы съ царапинами вандала“. Быть можетъ, къ

¹⁾ Это замѣчаніе изъ письма Казначеева перешло потомъ въ статью Аксакова; см. т. III, стр. 210; впрочемъ Сергій Тимоеевичъ утверждаетъ, что онъ и самъ читалъ это предсказаніе въ рукописи Шишкова.

тому же сочиненію относится приписка въ одномъ изъ писемъ Погодина, гдѣ послѣдній говоритъ: „О біографіи исполню, но увѣренъ, что все пройдетъ сполна“. Такъ можно предполагать между прочимъ потому, что эта статья была помѣщена въ „Москвитяинѣ“. Но любопытна также приписка къ письму Казначеева: „Жизнеописаніе Заголкина, помѣщенное въ первомъ № „Москвитянина“, завлекло меня къ дальнѣйшему просмотру книги. Въ ней прочелъ я, между прочимъ, статью какого-то Григорьева въ отдѣлѣ критики и бібліографіи русской изящной литературы въ 1852 г. Чтò это за вычурный ученый слогъ, чтò за загнѣливые обороты, наполненные безтолковыми субъективностями и объективностями, испещренными чуждыми Россіи оборотами. Неужели ученые не изобрѣли еще способа писать по русски яснѣе, доступнѣе! Вѣдь журналы читаются и не учеными! Кажется, какъ будто самъ чортъ не русскій училъ Григорьева писать по русски“.

Отмѣтимъ кстати, что черезъ Казначеева Аксаковы хлопотали во время войны, чтобы Иванъ Сергѣевичъ могъ служить при Ермоловѣ, о которомъ носились слухи, что онъ будетъ снова призванъ на высокій постъ послѣ тридцатилѣтняго вынужденнаго бездѣйствія. „Не смотря на то, что я говорилъ ему о твоемъ Иванѣ“, сообщалъ Казначеевъ, „Алексѣй Петровичъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ еще ничего не знаетъ о своемъ назначеніи и ничего сказать не можетъ. Не хотѣлось мнѣ настаивать, видя его преозабоченность, почему и оставилъ дальнѣйшій разговоръ до благопріятнѣйшей минуты, не упустивъ, однако же, высказать ему о полезности Ивана, о чемъ маститый старецъ и самъ мнѣ добавилъ: „я знаю его и слышалъ о немъ много хорошаго отъ многихъ и особенно одобряю пріятеля моего Годенна“. Въ письмахъ Казначеева къ Аксакову вообще часто упоминается о Ермоловѣ и Воронцовѣ. Въ другомъ письмѣ читаемъ: „У Ермолова нѣсколько разъ повторялась сильная болѣзнь. Только его богатырскія силы могли перенести возвращеніе убійственныхъ рецидивовъ... Князь Воронцовъ, по окончаніи курса водъ въ Дрезденѣ, возвращается въ отечество черезъ Петербургъ. И этому я радъ: если физическія силы его не возстановятся, онъ можетъ еще быть полезенъ совѣтомъ. Какъ ни говори, а князь человекъ государственный и необыкновенный“.

Въ заключеніе обзора писемъ Казначеева къ Аксакову слѣдуетъ отмѣтить то чувство горячаго, задушевнаго расположенія, которымъ они проникнуты. На склонѣ лѣтъ Аксаковъ, Казначеевъ, а равно Княжевичи дорожили своими давними дружескими отношеніями, и

когда Казначеевъ послѣ сорокашестилѣтней службы мечталъ объ отставкѣ, то ему доставляла большое наслажденіе мысль поселиться въ Москвѣ и почаще въ оставшіеся немногіе годы видаться съ своимъ другомъ, а также привлечь въ Москву и другого своего лучшаго друга Княжевича. Письма этихъ стариковъ дышатъ глубокой взаимной пріязнью ¹⁾. „Да, мой милый, мой задушевный другъ Сергѣй“, начинается одно изъ своихъ писемъ послѣ долгаго перерыва Княжевичъ, „не часто мы съ тобой переписываемся, и, конечно, не ты въ этомъ виноватъ, да и я безъ вины виноватъ. Но не безпокойся: старая дружба не ржавѣетъ ни отъ времени, ни отъ разстоянья“. Но не всегда пріятно было переписываться, какъ мы читаемъ въ другомъ письмѣ: „еслибъ что было радостное или по крайней мѣрѣ утѣшительное, строчки мои стали бы перелетать въ твои руки огнестрѣльными искрами“ ²⁾.

По поводу писемъ А. И. Казначеева позволимъ себѣ привести изъ нихъ нѣсколько любопытныхъ строкъ о его сынѣ, служившемъ на Кавказѣ: „Ему поручено было развѣдать, можно ли ожидать въ текущемъ году снѣжныхъ обваловъ съ Казбека. Для исполненія онъ взбирался на Казбекъ съ семью старожилами осетинами и дошелъ до такого мѣста, до котораго никто еще не доходилъ, и осетины отказались. Старшіе изъ осетинъ спрашивали у Саши: „зачѣмъ идешь? опасно! Что тебя побуждаетъ къ такой опасности?“—Саша отвѣчалъ: „служба царская; велѣніе царя у насъ свято“. Когда Саша возвратился съ вершины Казбека, одинъ осетинъ сказалъ ему: „ну, капитанъ, теперь вижу, какъ любишь ты царя, да и видно, есть за что“.

III.

Во время военныхъ дѣйствій, совпавшихъ въ 1854 г. съ ужасами холеры, при всевозможныхъ безпокойствахъ и непріятностяхъ, при

¹⁾ Впрочемъ и въ юности Казначеевъ и Княжевичи относились къ Аксакову съ замѣчательною сердечностью, которая теперь лишь усилилась. Въ одномъ письмѣ отъ 1821 г. Казначеевъ писалъ: „Нстинно сладко подумать о томъ, чтобы намъ съ вами пожить вмѣстѣ; мы бы слились такъ, что изъ источниковъ домашняго нашего счастья пролилась бы рѣка блаженства до самого моря вѣчности“.

²⁾ Въ письмахъ Княжевича находимъ также много любопытнаго о Погодинѣ. Оказывается, между прочимъ, что маститый и проникательный историкъ во время Крымской кампаніи опасаясь не столько за Крымъ, сколько за Турцію (sic!), предполагая, что „наши враги завладѣютъ ею безъ нашего участія, то-есть они могутъ завладѣть ею за одолженія и долги, неоплаченные по судамъ, ими ей пріятельски сдѣланнымъ“.

старческой болѣзненности, старые друзья тѣснѣе чувствовали соединяющую ихъ крѣпкую сердечную связь. Сходство возрастовъ и свойственныхъ послѣднему недуговъ и общія бѣдствія отечества побуждали ихъ чаще дѣлиться своими опасеніями и надеждами. Другъ Казначеева, Годенинъ въ своей перепискѣ возлагалъ надежду среди грустныхъ событій на неизмѣнную союзницу Россіи—зиму и съ радостью сообщалъ: „получено извѣстіе, что жесточайшая буря на морѣ растрепала флотъ союзниковъ, а болѣе всего транспорты, нагруженные войсками, при чемъ всѣ приморскіе берега покрылись трупами погибшихъ“. Между тѣмъ, какъ старики волновались по поводу семейныхъ обстоятельствъ и политическихъ событій, преимущественно молодежь, несмотря на бурное военное время, наслаждалась игрой пріѣзжей знаменитой артистки Рашель; ею сильно восхищался также напримѣръ П. В. Анненковъ, о которомъ, по этому поводу, одинъ изъ друзей стариковъ писалъ Аксакову: „вѣрно, въ декламациі онъ сдѣлалъ новые успѣхи“, тогда какъ „намъ съ тобой пора безпечность и отвагу молодости оставить и быть поосторожнѣе. Оно скучно, да нечего дѣлать“.

Въ 1854 году Сергій Тимоѣевичъ оканчивалъ свою „Семейную Хронику“, которая всѣхъ приводила въ восхищеніе. Погодинъ всячески старался поощрить его къ продолженію этого труда, на который не безъ основанія возлагалъ широкія надежды для „Москвитянина“, а Надежда Тимоѣевна Карташевская, „любезная сестрица Наташенька“ воспоминаній Сергія Тимоѣевича, его любимая сестра и другъ дѣтства, приходила въ восторгъ, переживая за чтеніемъ художественныхъ произведеній впечатлѣнія своей молодости. При истеченіи 1854 года раздосадованный неудачами „Москвитянина“ Погодинъ рѣшился храбро наступить на Аксакова и позволилъ себѣ упреки и понуканія, на что, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго права. „Да неужели же“, писалъ онъ, „и въ нынѣшнемъ году не выручить меня „Москвитянинъ“? Вѣдь это даже досадно! А наши друзья все-таки не заботятся о немъ, какъ бы надо было—кто отъ лѣни, кто отъ равнодушія, кто отъ причудъ. Посмотрите, чьи статьи помѣщаются! Ну, еслибъ по одной значительной попало въ нумеръ, нынѣ отъ одного лица, завтра отъ другого, то вѣдь какое было бы дѣйствіе! Кромѣ васъ и Дм.(итріева) ни отъ кого не получилъ я ничего, а объ заботѣ и говорить нечего! Пришлите, по крайней мѣрѣ, все, чтѣ у васъ готово: Казанскую гимназію, продолженіе Хроники, Шишкова, Державина и проч. Имѣя передъ глазами все, я лучше могу распорядиться.

Хорошо бы написать письма при доставленіи, потому что вы теперь въ славѣ: посылаю то и то и общаю участвовать въ томъ и томъ... Да развернитесь, русскіе люди! Теперь наступаетъ время самое горячее для застрахованія подписки. Напишите къ своимъ знакомымъ, которымъ мнѣ напимѣрь почему бы то ни было неловко писать, и позовите ихъ въ „Москвитянинъ“. И мало ли какъ можно пособить журналу! Я писалъ уже вамъ, чтобы вы о журналѣ подумали! Ну, что же вы ничего не придумываете?! А у меня совершенно въ другую сторону обращена голова теперь. И опять годъ пропадетъ въ этомъ отношеніи! 1-го сентября должно бы выйти объявленіе о подпискѣ“¹⁾. Разсчетъ на уступчивость и мягкосердечіе С. Т. Аксакова, однако, не совѣмъ оправдался. Чтобы оцѣнить по достоинству поступокъ Погодина, надо припомнить, что, пользуясь недавнимъ возобновленіемъ пріятельскихъ отношеній съ Аксаковыми, онъ не только не захотѣлъ пропустить случая, чтобы извлечь изъ Аксаковыхъ выгоду для своего журнала, но по свойственной ему безцеремонности приступилъ къ дѣлу такъ рѣшительно и заговорилъ такимъ неделикатнымъ тономъ, что даже отъ терпѣливаго Сергѣя Тимоеевича получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ 1-го сентября 1854 года“²⁾: „Письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, очень меня удивило. Да развѣ я когда-нибудь общалъ вамъ? Вѣроятно, вы позабыли мое письмо, въ которомъ я писалъ вамъ, что *вы никакъ не можете надѣяться на меня*, какъ на постоянного сотрудника, что я могу вамъ дать нѣсколько статей и, кажется, именно сказалъ я, что дамъ двѣ статьи изъ Охотничьяго Сборника и двѣ изъ Хроники Воспоминаній“³⁾. Просьба Погодина

¹⁾ Въ другомъ письмѣ Погодинъ пишетъ: „Хроникѣ“ продолжайте. Это превосходное произведеніе: еслибъ вы приготовились и собрали къ новому году, то, кромѣ литературнаго удовольствія, получили бы большую выгоду“. Въ этомъ же письмѣ Погодинъ говорилъ: „Подумайте всѣ о „Москвитянинѣ“. Изъ него можно сдѣлать une *puissance*, но соединенными усиліями, а не такъ, какъ было до сихъ поръ. Усилія должны быть дѣятельныя и разнообразныя. Считай всякій это дѣло своимъ, а я только прокуроръ. Растолкните это всѣмъ, кому заблагоразсудите. Такого положенія, какое имѣю теперь я, мудро не вѣдъ устроить“.

²⁾ Барсукова, XII, 243—244.

³⁾ Послѣ этого Погодинъ снова поощряетъ Сергѣя Тимоеевича къ продолженію его литературныхъ трудовъ и помѣщенію ихъ въ „Москвитянинѣ“ слѣдующими словами: „Чѣмъ больше, тѣмъ лучше; чѣмъ скорѣе, тѣмъ прекраснѣе. Повторяю: помѣщеніе отрывковъ въ журналѣ не помѣшаетъ изданію, а развѣ подспоритъ, особенно если между ними будетъ промежутокъ“. На вопросъ: „кого вербовать въ сотрудники?“ Погодинъ отвѣчалъ: „Кого вербовать въ сотрудники?! Да вы считайте журналъ своимъ, и увидите, къ кому отнести за статьями“.

завербовать кого-нибудь въ его журналъ также поставила Сергѣя Тимоѣевича въ немалое затрудненіе. Константинъ Сергѣевичъ, правда, далъ согласіе на сотрудничество, но и здѣсь надо было постоянно преодолевать цензурныя затрудненія. „Надобно“—заклучалъ Константинъ Сергѣевичъ свой отвѣтъ Погодину,—„чтобы всѣ русскіе честные люди имѣли органъ; надобно, чтобы совокупно высказывалось, въ наше время лжи и подлости и подобострастія передъ Европой, и добросовѣстное, дѣльное мнѣніе; нужно общее средоточіе; пусть же оно будетъ въ „Москвитянинѣ“¹⁾. Иванъ Сергѣевичъ, съ своей стороны, не могъ ничего предложить въ журналъ Погодина кромѣ своихъ „Судебныхъ спенъ“, относительно которыхъ самъ же былъ почти увѣренъ, что цензура ихъ не пропуститъ. Выражая свое неудовольствіе Сергѣю Тимоѣевичу, Погодинъ писалъ потомъ Сергѣю Тимоѣевичу о „Москвитянинѣ“: „всякій порядочный человѣкъ, русскій литераторъ, поколику онъ порядоченъ, долженъ двигать его грудью“. Любопытно, что Погодину, уже раньше, въ началѣ того же 1854 года, приходилось также оправдываться передъ всегда имъ особенно любимой и уважаемой Ольгой Семеновной въ какой-то изъ *своихъ неделикатностей*²⁾. „Да съ чего вы взяли, любезная моя Ольга Семеновна“, писалъ онъ 4-го января, „о грубости моего обращенія? Правда, я грубъ, но вообще, а не спеціально. Слухамъ и чужимъ толкамъ никогда не вѣрьте; сами мы часто ошибаемся въ сужденіяхъ по слабой и ограниченной своей натурѣ, а какъ сужденіе и наблюденіе придетъ къ намъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, то оборони Боже!“ Относительно „Семейной Хронки“ Погодинъ давалъ такой совѣтъ: „Вотъ объ чемъ я давно думалъ; вамъ надо продолжать „Семейную Хронику“,—хоть для себя, для семейства, для рода. Ольга Семеновна пусть рассказываетъ событія со всѣми дѣйствующими лицами, а барышни пусть записываютъ на листахъ, перегибая пополамъ, чтобы постѣ можно было вставить, исправить и проч. Можно расположить

¹⁾ Тамъ же, стр. 245.

²⁾ Въ „неделикатностяхъ“ недостатка не было. Вотъ что читаемъ въ воспоминаніяхъ С. М. Загоскина: „Зимой“ (1852 г.) „С. Т. Аксаковъ, окончивъ біографію отца, отдалъ ее безвозмездно М. И. Погодину для напечатанія въ его журналѣ „Москвитянинѣ“, съ условіемъ, чтобы онъ вручилъ мнѣ 1200 отдѣльныхъ оттисковъ для продажи ихъ въ пользу бѣдныхъ. Каково же было мое удивленіе, когда Аксаковъ уведомилъ меня письмомъ, что Погодинъ отказывается отъ даннаго обѣщанія и требуетъ, чтобы бумага оттисковъ была мною уплачена!“ и пр. (*Историческій Вѣстникъ*, 1900, II, 943).

описаніе по лицамъ или по событіямъ, корректурно (?). Послѣ обозначится, какъ лучше. Напримѣръ, начать бы съ Софьи Николаевны: какъ постепенно и почему переѣхались ея чувствованія, происходило охлажденіе и проч. ¹⁾). Бракъ Надежды Тимошеевны и тому подобное. Подумайте хорошенько объ этомъ, можетъ быть, окажется и талантъ въ писательницахъ. Да я увѣренъ, что онъ и есть у всѣхъ въ благословенномъ семействѣ“. Послѣ этого зачеркнуто: „Есть только у васъ всѣхъ, нѣкоторая... извините слово... чопорность, застѣчивость“ и далѣе: „не приберу слова для выраженія своей мысли, и потому замарываю“ ²⁾).

III.

Надежда Тимошеевна Карташевская, приближавшаяся къ шестидесятилѣтнему возрасту, съ умиленіемъ относилась къ любимому брату и къ его сочиненіямъ. Она не могла нахвалиться своимъ „дорогимъ братцемъ Сереженькой“ и, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе, гордилась его славой. Уже воспоминанія о Шишковѣ и біографія Загоскина привели ее въ восхищеніе. 15-го февраля 1853 года она писала брату: „Какъ меня радуетъ, что ты, мой милый другъ, съ такою любовью занимаешься твоими сочиненіями. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ біографію Загоскина, а Шишкова (sic!) еще болѣе. Ты такъ заинтересовалъ всю публику, что твои книжки, конечно, раскупятъ на расхватъ. Дай то Богъ, чтобы нынче лѣтомъ удалось тебя послушать читающимъ воспоминанія о Шишковѣ и добрѣйшей Дарьѣ Алексѣевнѣ съ урюмымъ видомъ, но теплой душой“. Послѣ этого Надежда Тимошеевна, стоявшая въ грамотности на самой низшей ступени и едва ли интересовавшаяся литературой, стала съ увлеченіемъ слѣдить за литературной дѣятельностью брата, предпочитая, однако, чтенію его сочиненій слушаніе ихъ изъ устъ автора, отчасти, можетъ быть, и по затруднительности для нея механизма чтенія, но, конечно, главнымъ образомъ, ради наслажденія совмѣстнаго переживанія общихъ былыхъ впечатлѣній. Старался утѣшить брата въ потерѣ одной родственницы,

¹⁾ Имѣя въ виду выгоды своего журнала, Погодинъ, повидимому, не хотѣлъ знать, что эти воспоминанія были тяжелы для Аксакова и неудобны для публичнаго выставленія на показъ.

²⁾ Въ томъ же письмѣ Погодина есть приписка объ Иванѣ Сергѣевичѣ: „А Иванъ Сергѣевичъ бурлитъ! И что за миссію выбралъ себѣ: учить „Сѣверную Почту“! Эка важность! да Господь съ нею!“

которой не помогъ и знаменитый докторъ, она убѣждала его: „повѣрь, что не во власти человѣческой спасти человѣка и продолжить его жизнь,—тогда бы Творецъ нашъ не достигалъ цѣли, и мы были бы бессмертны“. По той степени развитія, на которой она стояла, отношенія ея къ произведеніямъ брата были отношеніями, конечно, особы не только совѣтъ не литературнаго, но даже и не интеллигентнаго круга, а просто горячо любящей родственницы и вмѣстѣ свидѣтельницы описываемаго. Ея восхищеніе сочиненіями брата наполняетъ ея письма наряду съ родственными сообщеніями о службѣ ея сына, отправившагося въ Севастополь. „Коля, конечно, не пощадитъ себя, на всѣ опасности пойдетъ“, сокрушалась она. „Злодѣи“, жаловалась она на союзниковъ въ другомъ письмѣ, „кажется, рѣшились истребить насъ, и видно, мнѣ не видать болѣе моего Коли!“ Вотъ эта-то старушка, добродушно восхищавшаяся тѣмъ, что „много лѣтъ уже прошло, какъ мы другъ друга поздравляемъ, много всего пережилось, только сердца наши съ ребячества и до старости наполнены одними и тѣми же чувствами“, отъ души грустила, если узнавала, что гости мѣшали ея милому братцу Серезенькѣ кончить его „превосходное твореніе“, и мечтала о его поѣздкѣ въ Москву, говоря: „ахъ, какъ хочется взглянуть на моего братца Серезеньку, котораго такъ много люблю шесть уже десятковъ лѣтъ! Сколько воспоминаній прошедшаго! есть о чемъ поговорить!“ Ъхать для свиданія съ такимъ братомъ, о которомъ она говорила: „да кого же вы не приласкаете и не приголубите по вашему добродушію, все семейному сердцу“?—было для нея такимъ наслажденіемъ, при которомъ чтеніе изъ устъ автора отрывковъ изъ „Семейной Хроники“ и „Дѣтскихъ Годовъ“ могло быть только одной изъ пріятнѣйшихъ подробностей счастливаго времяпрепровожденія съ обожаемымъ братомъ, тѣмъ самымъ братомъ, которому въ письмахъ она писала: „обнимаю тебя крѣпко и цѣлую твои глазки“. Однажды, только-что получивъ книгу въ подарокъ отъ брата, она начала ее перелистывать и увлеклась воспоминаніями, не будучи въ состояніи оторваться отъ книги. Она такъ писала объ этомъ: „Я получила вчера твою книжку, мой милый другъ, но не успѣла еще прочесть... Очень тебя благодарю за нее: вѣрно, тутъ я много встрѣчу такого, что мнѣ напомнитъ прошедшее... Не утерпѣла, развернула ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Какъ это написано прекрасно! Какъ всякая строчка изображаетъ тебя, моего милѣйшаго друга! Какъ все сказано прекрасно! какъ всякое твое слово идетъ къ душѣ и располагаетъ душу“!

LIV.

Въ періодическихъ изданіяхъ наперерывъ хвалили „Семейную Хронику“, и такой же очевидный и несомнѣнный успѣхъ имѣла она въ книжной продажѣ. „Книга моя“, писалъ Сергѣй Тимошеевичъ Ивану Сергѣевичу—, вышла и, по мѣрѣ поступленія въ лавку, раскупается на расхватъ. Въ Петербургъ могли послать только семьдесятъ экземпляровъ. Похвалы и восторги, къ сожалѣнію, не доставляютъ мнѣ никакого удовольствія“ ¹⁾. Несмотря на сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ похвалы, Сергѣй Тимошеевичъ, слишкомъ мало довѣряя справедливости и основательности тогдашней критики, не полагался на шумныя одобренія даннаго момента и упорно ждалъ порицаній, которыя, какъ онъ думалъ, не замедлятъ послѣдовать за похвалами. Въ семьѣ его господствовало убѣжденіе, что критика сумѣетъ по достоинству оцѣнить произведеніе Сергѣя Тимошеевича. „Не знаю“, писалъ ему Иванъ Сергѣевичъ, „говорилъ ли кто о высокомъ достоинствѣ правды, о *тешлотъ* безпристрастія вашихъ рассказовъ. Много можно было бы сказать про вашу книгу, и вы лучше всѣхъ судить ее можете. Право, вы бы хорошо сдѣлали, еслибъ въ видѣ письма къ кому-нибудь, хоть къ Тургеневу, написали свое собственное мнѣніе о толкахъ, порожденныхъ вашей книгой, и о самой книгѣ, и тѣмъ положили бы конецъ возгласамъ à la Григорьевъ“ ²⁾. Но сочувственныя мнѣнія такихъ людей, какъ И. С. Тургеневъ, и особенно отзывъ о „Семейной Хроникѣ“ Анненкова радовали его до глубины души. „Благодарю васъ за то“, писалъ онъ И. С. Тургеневу, „что вы думаете о продолженіи „Семейной Хроники“ и за великолѣпный эпитетъ, который вы прилагаете къ ней. Дай Богъ, чтобы она заслужила его въ хорошемъ смыслѣ этого слова“ ³⁾. Относительно же отзыва Анненкова онъ пишетъ такъ: „Третьяго дня я испыталъ два удовольствія: по утру выслушалъ критику на мою книгу Анненкова, а къ вечеру—статью о томъ же предметѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“, вѣроятно, Ксенофонта Полевого. Вы справедливо сказали, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, что я вполне буду доволенъ статьей Анненкова. Эта статья произвела на меня отрадное, успокоительное впечатлѣніе. Какъ ни дороги, какъ ни

¹⁾ И. С. Аксаковъ, т. III, стр. 223. примѣч.

²⁾ Тамъ же, стр. 242.

³⁾ Русское Обозрѣніе, 1894, XII, стр. 583.

лестны для меня отзывы критика о художественномъ достоинствѣ и значительности моего труда, но всего дороже для меня то, что онѣ одобрили мою рѣшимость напечатать книгу; онѣ утвердили меня въ мысли, что я долженъ былъ такъ поступить. Я зналъ, что найдутся подлецы или глупцы, которые не пощадятъ болѣзненной стороны моего сочиненія, что они обрадуются случаю уязвить меня въ больное мѣсто; я зналъ, что близкіе люди будутъ недовольны появленіемъ въ печати моей „Хроники“ и „Воспоминаній“; я на все это рѣшился, и статья Анненкова наградила меня за эту рѣшимость“ ¹⁾.

Чтобы показать, какое сильное и благопріятное впечатлѣніе производили на образованныхъ и вполне компетентныхъ цѣнителей произведенія С. Т. Аксакова, приведемъ нѣсколько отзывовъ изъ полученныхъ имъ привѣтственныхъ писемъ. И. С. Тургеневъ писалъ по поводу „Записокъ ружейнаго охотника“: „Искреннее спасибо вамъ за травлю перенелокъ, которую я не прочелъ, а проглотилъ цѣликомъ. Это превосходная вещь и написана тѣмъ славнымъ русскимъ языкомъ, которымъ вы одни владеете“ ²⁾. Профессоръ Харьковскаго университета натуралистъ Черняевъ, пожелавшій по прочтеніи книги Аксакова предпринять поѣздку въ Оренбургскую губернію для знакомства съ тамошними степями, при встрѣчѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ просилъ его передать благодарность отцу отъ лица ученыхъ естествоиспытателей и на публичномъ диспутѣ спросилъ у магистранта, читалъ ли онъ „Записки объ уженъи рыбы“ ³⁾. Г. П. Данилевскій, только-что познакомившійся съ семействомъ Аксаковыхъ, писалъ Сергѣю Тимоѣевичу ⁴⁾: „Со времени моего отъѣзда изъ Абрамцева, когда я имѣлъ счастье познакомиться съ вами и получить отъ васъ „Записки оренбургскаго охотника“, я нѣсколько разъ собирался выразить вамъ то наслажденіе, которое произвело на меня чтеніе этой книги. Я ее читалъ, ѣдучи на югъ, въ дилижансѣ; въ степной деревнѣ своей прочелъ до конца; въ Крыму принялся вновь перечитывать и еще недавно въ Петербургѣ встрѣтился съ нею и съ ея поэтическими, свѣжими, живыми красками,

¹⁾ Тамъ же, стр. 582.

²⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1894, II, 481.

³⁾ И. С. Аксаковъ, III, 97 и 101. Въ числѣ отзывовъ о книгахъ Аксакова находится также авторитетная рецензія проф. Руде, которому она была возвращена редакціей „Отечественныхъ Записокъ“ по довольно странной причинѣ—„потому, что“ какъ передавалъ Сергѣю Тимоѣевичу нѣкто Любецкій, „Тургеневъ помѣстилъ свою въ „Современникѣ“.

⁴⁾ Это и слѣдующія письма не были напечатаны.

читая ее двумъ пріятелямъ-художникамъ. По моему мнѣнію, ее надо переплести такъ, чтобы тургеневскія записки, какъ блестящіе политиканы, входили между ея страницъ и пополняли эту яркую, сочную зелень, поля и залежи съ чуднымъ міромъ дичи и ея голосовъ, подстрѣленною дичью изъ породы людей. Мой взглядъ на природу, которую я такъ страстно люблю, измѣнился влѣдствіе чтенія вашей книги; вмѣсто сухихъ, хотя яркихъ картинъ, теперь я вижу въ ней еще движеніе, смыслъ, слышу біеніе сердца этихъ тонущихъ въ сумракѣ и благоуханіи лѣсовъ и этихъ влажныхъ топей, надъ которыми взлетываютъ ваши кулички и вальдшнепы. На дняхъ прочелъ „Ястребиную Охоту“ и еще разъ благословилъ русскаго Бога, что онъ пошлетъ вамъ мысль рассказать русскимъ о русской охотѣ“. Максимовичъ писалъ своему старому другу съ Михайловой Горы (13-го мая 1854 г.): „Зачѣмъ говорить мнѣ, что само подразумѣвается: что я съ наслажденіемъ прочелъ полную жизни и красоты вашу охотничью книгу, что я не нарадуюсь, видя и слыша, какъ неутомимо вы продолжаете высказывать (sic!) на бумагу богатый запасъ вашей души“. М. А. Дмитріевъ, въ свою очередь, привѣтствовалъ Сергѣя Тимошеевича: „Искренно благодарю тебя, любезнѣйшій другъ, Сергѣй Тимошеевичъ, за присылку мнѣ записокъ объ уженѣ рыбы. Ты такъ умѣешь писать, что и этотъ предметъ дѣлается литературнымъ. Записки твои въ „Москвитянинѣ“ тоже мастерски написаны: живо, отчетливо и красиво“¹⁾. Наконецъ племянникъ Сергѣя Тимошеевича, будущій извѣстный профессоръ химіи Бутлеровъ, подъ впечатлѣніемъ прочитанной книги предвкушалъ двойное удовольствіе при предстоящемъ ему посѣщеніи Оренбургскаго края, куда притомъ мечталъ съѣздить и самъ Сергѣй Тимошеевичъ. Проф. Бутлеровъ, усиленно работавшій тогда для полученія ученой степени, стремился отдохнуть среди чудной природы и писалъ своему знаменитому дядѣ, убѣждая его исполнить свое намѣреніе: „доставьте намъ это удовольствіе и вмѣстѣ полюбуемтесь благословеннымъ краемъ, который хорошъ еще и теперь, а вдвое хорошъ въ томъ старинномъ видѣ, въ которомъ возрождается въ воодушевленныхъ описаніяхъ оренбургскаго охотника“. По поводу другого сочиненія Сергѣя Тимошеевича (о Загоскинѣ или Шишковѣ)¹⁾ проф. Бутлеровъ сообщалъ: „чтеніе достав-

¹⁾ О Шишковѣ же онъ дѣлалъ Аксакову разныя возраженія и между прочимъ, что „нынѣшніе славянофилы ведутъ оное начало вовсе не отъ Шишкова, а отъ Карамзина. Этотъ толчокъ далъ Карамзинъ. А что осталось отъ Шишкова? Достойная уваженія страсть, и ничего болѣе“.

леть мнѣ много удовольствія, хотя предметъ не столь близокъ ко мнѣ, какъ въ „Запискахъ охотника“, но я и здѣсь, какъ тамъ, невольно увлеченъ живымъ разговоромъ, и не могу, если бы и хотѣлъ, удержаться отъ горячаго сочувствія“. Очень радовался Бутлеровъ и намѣренію дяди издавать охотничій сборникъ, въ которомъ и самъ предполагалъ принять участіе.

Кромѣ того отмѣтимъ, что одинъ изъ неподписавшихъ почему-то свое письмо (но не анонимъ, а лицо близкое и вполне извѣстное автору), дававшій Сергѣю Тимоѣевичу совѣты о томъ, какъ и куда направить біографію Шишкова, чтобы ее пропустила цензура, сообщаетъ, что въ официальныхъ сферахъ панически боятся самаго имени Аксаковыхъ. Наконецъ не лишено интереса по отношенію къ живой и удачной характеристикѣ Загоскина слѣдующее письмо и, повидимому, того же лица: „Толкаюсь по Москвѣ изъ угла въ уголь одинъ, рѣшительно одинъ! На языкѣ жидовскомъ (нѣмецкомъ сирѣчь) это называется „абсолютно“ одинъ. Ни съ кѣмъ, нигдѣ, ни о чемъ: все на тонкой деликатности. Жизнь веселая, отъ которой порой и слеза пріятная гостя. Письмо же изъ Абрамцева къ этой слезѣ прибавило другую: вы подстерегли ее, какъ бывало кулика въ болотѣ. Я пожралъ біографію Загоскина, прежде въ „Москвитянинѣ“, а затѣмъ въ особой брошюркѣ и каждую вашу о немъ мысль, каждый намекъ раздѣляю съ вами головой и сердцемъ. Къ этому человѣку я имѣлъ родъ недуга за теплоту его души и прямоту характера, что все доходило у него до ветхозавѣтной наивности. Когда бывало расхлоснется, можно было пожать плечами, но сердиться никогда. Вотъ почему я дѣйствительно разсердился и даже бросилъ „Пчелу“, въ которой илотъ Федька, разбирая вашу статью, написалъ, что она, какъ видно, написана опытнымъ литераторомъ, но не безъ предубѣжденія, и что Мирошевъ есть, по мнѣнію его, Федьки, лучшее и важнѣйшее произведеніе Загоскина и проч.“¹⁾

Княжевичъ въ 1855 г. писалъ Сергѣю Тимоѣевичу: „Между удовольствіями, ожидающими меня въ Абрамцевѣ, считаю непоследнимъ и прослушаніе твоихъ Записокъ. Ты такъ задушевно пишешь, такъ пріятно рассказываешь, даже о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, что, начавъ тебя читать, никакъ не хочется выпустить изъ рукъ книгу.

¹⁾ Въ этомъ же письмѣ есть насмѣшка надъ Погодинымъ, который, будучи въ Парижѣ, поставилъ жену на столъ, самъ подѣлъ на Нотръ Дамъ, взглянулъ на Парижъ, плюнулъ и вскричалъ: „горе тебѣ, Вавилонъ!“

Тѣмъ интереснѣе будутъ для меня записки о быломъ времени нашей юности“. Въ другомъ письмѣ онъ называетъ эти „Записки“ „идущими въ душу“. Погодинъ сообщаетъ Сергѣю Тимофеевичу въ одной запискѣ: „Слышали ли вы, что московскіе охотники вмѣстѣ съ петербургскими собираются поднести серебряный кубокъ Оренбургскому охотнику?“¹⁾).

LV.

Въ концѣ 1854 года во всегда дружной и согласной семьѣ Аксаковыхъ произошло неожиданное и совершенно напрасное недоразумѣніе. Мы видѣли, что Иванъ Сергѣевичъ считалъ своимъ долгомъ и стремился вступить въ ополченіе, но встрѣчались препятствія и вообще были обстоятельства и соображенія, отдалявшія исполненіе его намѣренія. Между тѣмъ, совершенно по неизвѣстной намъ причинѣ, по весьма почтенной, но въ данномъ случаѣ неумѣстно направленной горячности патриотизма, Григорій Сергѣевичъ, всегда горячо любившій своего брата и искренно уважавшій его, въ письмѣ къ родителямъ затронулъ его за живое безусловно несправедливымъ подозрѣніемъ въ нежеланіи вступить въ ополченіе, въ которое, по мнѣнію семьи, онъ долженъ былъ вступить, въ качествѣ холостяга, тогда какъ Константинъ Сергѣевичъ по многимъ причинамъ долженъ былъ остаться въ Абрамцевѣ. Онъ выражался такъ: „Желаю, чтобы возвратился къ вамъ братъ Иванъ и съ обновленными силами схватился за дѣло, отъ котораго теперь всякій, нѣсколько честный человѣкъ, отказываться не долженъ. Вездѣ во всякомъ мѣстѣ, на службѣ и внѣ оной долженъ Государь встрѣтить сочувствіе и содѣйствіе своимъ начинаніямъ. Неужели личность такъ нами овладѣла (sic!), что мы не въ состояніи составить твердый оплотъ противъ нечестія, клеветы, происковъ и лжи?.. Торжество побѣды и гоненіе формальности, усыпляющей дѣятельность, — вотъ шпоры, которыми мы должны погонять государство въ нынѣшнее царствованіе“. Письмо это было написано 5-го апрѣля 1854 г.; мы не знаемъ, сдѣлалось ли извѣстнымъ его содержаніе Ивану Сергѣевичу, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ Иванъ Сергѣевичъ все еще не вступалъ въ ополченіе, Григорій Сергѣевичъ написалъ непосредственно ему довольно рѣзкое письмо, въ которомъ, между прочимъ, порицая пассивное участіе брата въ современныхъ политическихъ событіяхъ,

¹⁾ Письмо это еще не было въ печати.

говорилъ ему, что „не время сидѣть гдѣ-либо безъ участія къ тому, что совершается вокругъ“, и совѣтовалъ ему поѣхать на Кавказъ или въ канцелярію Воронцова и т. д. ¹⁾). Отношенія между братьями, искренно другъ друга любившими, не повели ни къ охлажденію, ни къ ссорѣ, но Иванъ Сергѣевичъ съ достоинствомъ отвѣчалъ брату, что онъ твердо рѣшился ни самъ не раздражаться и не раздражать никого, напротивъ постарается всѣми способами успокоить и умирить всѣхъ. „Я не могу взять за основаніе письмо отесеньки, о которомъ ты говоришь. Могу отсрочить достиженіе своей цѣли, но отказаться отъ нея не могу и *не долженъ*. Я не сомнѣваюсь въ родственной любви ко мнѣ семьи моей; я бы желалъ только, чтобы было въ нихъ поменьше гордости семейной и побольше любви—не родственной, а любви христіанской, любви и уваженія къ ближнему, побольше доброты, мягкости и теплоты. Я не сомнѣваюсь въ родственной любви ко мнѣ, но въ теченіе всего года — только отъ одного, одного милаго отесеньки, слышалъ я доброе, нѣжное слово, безъ колючихъ оговорокъ и обидныхъ намековъ“. Изъ дальнѣйшаго содержанія письма ясно, что Григорій Сергѣевичъ въ данномъ случаѣ подпалъ вліянію остальной семьи, кромѣ отца,—т. е. женскаго персонала, который почему-то съ ригоризмомъ и незаслуженнымъ негодованіемъ обрушился на Ивана Сергѣевича. „Ты пишешь, что не время теперь сидѣть гдѣ-либо безъ участія къ тому, что совершается вокругъ, и что не пассивное участіе должно быть во мнѣ. Совершенно съ тобой согласенъ, милый Гриша, но это ты говоришь такъ, какъ будто бы *во мнѣ* нѣтъ участія, или есть одно пассивное участіе. Можетъ быть, такъ думаютъ въ Абрамцевѣ... больно! Или ты не знаешь, что я хотѣлъ отказаться отъ порученія, даже деньги возвратитъ съ тѣмъ, чтобы опредѣлиться въ канцелярію дѣйствующей арміи“? Ивана Сергѣевича крайне оскорбилъ особенно совѣтъ ѣхать въ Тифлисъ въ канцелярію Воронцова, какъ будто онъ бесполезно проводилъ время и не трудился больше, чѣмъ кто-либо другой изъ знакомыхъ ему людей. Также точно Иванъ Сергѣевичъ съ грустью говорилъ о томъ, что его кругъ, т. е. славянофильскій, не оцѣнитъ его трудовъ. Вскорѣ онъ имѣлъ право сказать: „во всякомъ случаѣ никто изъ моихъ знакомыхъ не уклонился отъ своей доли историческихъ повинностей, лежащихъ теперь на всей русской землѣ; *не удалось поступить только мнѣ*.“ ²⁾). Хомяковъ съ своей

¹⁾ И. С. Аксаковъ, III, 94.

²⁾ И. С. Аксаковъ, III, 106.

стороны высказывалъ желаніе видѣть въ ополченіи Константина Сергѣевича и Самарина и выводилъ изъ себя Авдотью Петровну Елагину, урожденную Кирѣевскую, своимъ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы сынь ея, Николай Елагинъ, вступилъ въ ряды дѣйствующей арміи ¹⁾. Въ противоположность прежде указаннымъ обвиненіямъ и упрекамъ, спустя нѣкоторое время Ивану Сергѣевичу пришлось слышать вопросы совершенно противоположнаго характера, на которые онъ отвѣчалъ: „Конечно, еслибъ мнѣ представилась дѣятельность иная, равно живая, полезная и связанная съ современными событіями, я бы охотнѣе принялъ ее, чѣмъ ополченскую. Что Константинъ не вступилъ—это другое дѣло. Его дѣятельность и значеніе болѣе опредѣлены, онъ старше меня и необходимѣе для семьи, для него нужны весьма и весьма серьезные и настоятельные причины“ ²⁾.

LVI.

Въ продолженіе 1855 года, еще до окончанія войны, въ семействѣ Аксаковыхъ продолжались постоянныя волненія. Безпрестанныя неудачи на театрѣ военныхъ дѣйствій сильно огорчали и раздражали ихъ. Сергѣй Тимоѣевичъ непремѣнно хотѣлъ видѣть ополченцевъ, что ему долго не удавалось, и когда наконецъ его желаніе исполнилось, то „сердце его сжалось отъ такой глубокой жалости, какой онъ никогда не испытывалъ“... „Я не замѣтилъ“, говорилъ онъ, „ни одной молодцоватой фигуры! Утомленіе, уныніе или апатія — вотъ все, что выражалось на лицахъ ратниковъ. Я вообразилъ ихъ себѣ въ сраженіи съ французами, и они показались мнѣ жертвами, которыхъ ведутъ на закланіе“. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ отца, Иванъ Сергѣевичъ находилъ, однако, что жертва эта необходима, такъ какъ безъ нея „не вразумится Россія“ ³⁾. Сергѣй Тимоѣевичъ приходилъ совершенно въ отчаяніе, когда узналъ о взятіи Севастополя. „Я вѣрю“—говоритъ онъ,—„что частныхъ явленій храбрости было много, но общаго духа—не было, да и быть не могло. Куда возиться намъ съ народомъ, который весь, какъ одинъ человѣкъ, можетъ придти въ восторгъ отъ одного восклицанія: „да здравствуетъ Франція!“, который весь проникнутъ чувствомъ военной чести и славы, который знаетъ, за что умираетъ. Вѣра русскаго человѣка тиха и спокойна; онъ

¹⁾ Тамъ же. III, 110.

²⁾ И. С. Аксаковъ, III, 117.

³⁾ И. С. Аксаковъ, III, 153—159.

можетъ за нее умирать, а не побѣждать. Это страшная разница¹⁾. И вотъ въ то время, какъ, по словамъ Ивана Сергѣевича, „гармоническая пѣснь“ южной природы до нѣкоторой степени освѣжала и облегчала его душу, Сергѣй Тимоѣевичъ, удрученный старческими недугами и позоромъ и бѣдствіями отечества, жестоко страдалъ нравственно и не находилъ утѣшенія. „Со Севастополемъ“—говорилъ онъ въ порывѣ отчаянія и горя—„былъ связанъ великій вопросъ: его не сюрпризомъ взяли у насъ, а послѣ годовой осады мы сами сдали его, торжественно признавшись передъ цѣлой Европой, что вся Россія не могла противиться какой-нибудь стотысячной французской арміи. Остальныхъ я ни за что считаю“²⁾. Въ виду этого, Сергѣй Тимоѣевичъ, по его словамъ, чувствовалъ, что у него на душѣ такъ грустно и тяжело, какъ никогда не бывало и, сознавая, что волнение губельно для его старческаго организма, едва могъ владѣть собою. Въ свою очередь, Иванъ Сергѣевичъ писалъ: „воображаю себѣ картину отступленія войска, сопровождаемаго взрывами фортговъ, освѣщаемаго пламенемъ, войска мрачнаго, но грознаго, давашаго передъ этимъ отпоръ многочисленнѣйшей арміи“³⁾.

Большія надежды возлагали въ то время Аксаковы на новое царствованіе, горячо сочувствуя паденію прежней государственной системы и торжеству принципа гуманнаго направленія, явно выдвинутаго императоромъ Александромъ II. Смягченіе цензуры, отъ которой такъ много всегда страдали Аксаковы, также не могло не встрѣтить съ ихъ стороны большого энтузіазма, но труднѣе имъ пришлось сознаться самимъ себѣ въ недостаткѣ организациі славянофильской партіи, изъ которой нельзя выбрать „ни одного порядочнаго редактора“ и въ которой „нѣтъ никакого согласія“⁴⁾.

Разочарованіе въ значеніи славянофильства и во всемъ русскомъ обществѣ особенно выразилось въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ писемъ Сергѣя Тимоѣевича: „Что касается до нашего общественнаго положенія, то я и всѣ считаемъ его безнадежнымъ. Полная безхарактерность, ограниченность, отсутствіе энергіи и любви къ своей землѣ, отсутствіе русскаго направленія, какой-то европеизмъ безъ толку, самыя пустыя наклонности, при какой-то чувствительности и пр. и пр. представляютъ самую печальную перспективу. Положеніе

¹⁾ III, 161, прим.

²⁾ III, 163, прим.

³⁾ И. С. Аксаковъ, III, 179.

⁴⁾ III, 150.

славянофиловъ самое незавидное. Ихъ считаютъ старой партией, остаткомъ бояръ, которые хотятъ прежняго невѣжества и власти. Иванъ еще болѣе отчаивается, чѣмъ я“. Князь Ю. Оболенскій писалъ Константину Сергѣевичу: „Я не на шутку собираюсь въ юнкера, а вы? Неужели не пойдете? Неужели наемное войско (Лидерсы, Шильдеры, Баумгартены и т. п.) озарить Россію славою и самую блестящею славою? Неужели лютеране избавятъ православныхъ? Вы скажете, что нѣмцевъ всегда выдвигаютъ впередъ; какъ бы ни было, они дерутся, а мы съ вами лежимъ. Вставайте же, пойдѣте за Дунай“.

LVII.

Оканчивая обзоръ событій въ жизни Аксаковыхъ, относящихся къ 1855 г., отмѣтимъ участіе этой семьи въ юбилей гениальнаго артиста М. С. Щепкина. С. Т. Аксаковъ, который еще въ давніе, въ свои молодые годы отзывался съ сочувствіемъ о Щепкинѣ и въ своей статьѣ 1828 года „Нѣчто объ игрѣ Щепкина“ принялъ его, тогда еще почти начинающаго артиста, подъ свою защиту противъ нападеній „Сѣверной Пчелы“, — написалъ теперь, къ его пятидесятилѣтнему юбилею, свою извѣстную статью „Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ“. Насколько намъ извѣстно, ему принадлежала самая инициатива чествованія, размѣры котораго далеко превзошли потомъ ожиданія инициатора. Съ начала же, надо думать, къ мысли о празднованіи юбилея маститаго артиста общество отнеслось было съ непонятнымъ равнодушіемъ и сдержанностью. Въ письмѣ къ П. С. Тургеневу Сергѣй Тимофеевичъ, желая привлечь своего корреспондента къ возможно болѣе активному участію въ чествованіи юбиляра, въ то же время находилъ возможнымъ жаловаться на необычайную косность общества. „Если его юбилей пройдетъ безъ всякихъ знаковъ уваженія къ его таланту и къ его постоянному художническому труду, то это будетъ стыдно московскому обществу. Я очистилъ мою совѣсть и приготовилъ статью съ краткимъ обзорѣніемъ театральнаго жизни Щепкина, но, къ удивленію моему, покуда не вижу ни въ комъ горячаго желанія дать Щепкину хоть обѣдъ“. „Я предполагаю“, прибавляетъ далѣе авторъ письма, „что вы своими письмами къ вашимъ московскимъ знакомымъ и пріятелямъ можете подвинуть это дѣло, а всего лучше, если пріѣдете сами въ исходѣ ноября“¹⁾.

¹⁾ Русск. Обозр., 1894, XII, 573. Въ слѣдующихъ строкахъ того же письма любознательно мнѣніе Аксакова о цензурныхъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ Тургеневымъ

Погодинъ взялъ на себя быть распорядителемъ юбилейнаго обѣда и много хлопоталъ и волновался по этому поводу. Однажды онъ писалъ Аксаковымъ: „Нѣтъ, на роду видно намъ написано, чтобы дѣла сообща не дѣлать. У насъ всякій любитъ дѣлать по своему. Мы всѣ такіе“. Относительно предполагаемаго чтенія (вѣроятно, статейки Аксакова), онъ продолжаетъ: „Причины ваши неосновательны, ѣсть хочется въ извѣстномъ часу, т. е. по общему московскому обычаю въ четыре. Участвовать будутъ только люди, принимающіе участіе въ искусствѣ или близкіе Щепкина, для которыхъ всякая черта драгоцѣнна, (а ихъ въ статьѣ много), а еслибъ кто и зѣвнулъ лишній разъ, то слава автора отъ того не ущербится“. На другой записочкѣ онъ на кого-то негодуетъ: „Эхма! вѣрно, авторъ описанія въ газетахъ не умѣлъ обстановить тоста такъ, чтобы воспрещеніе не могло воспослѣдовать! А посовѣтоваться не хотѣлъ! Думаютъ, что все сами могутъ сдѣлать—анъ, нѣтъ! Нужна особая сноровка! Я даже просилъ его показать мнѣ статью, чтѣ слѣдовало бы и безъ просьбы“. Но потомъ разрѣшеніе было получено, и Погодинъ торжественно возвѣщалъ объ этомъ: „пишу на листѣ—значитъ чепуха“ (обыкновенно Погодинъ писалъ на листочкахъ маленькаго формата).

LVIII.

Вступленіе на престолъ императора Александра II было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ, а просвѣщенный характеръ политики новаго государя, смягченіе господствовавшаго прежде суроваго режима, ослабленіе строгостей цензуры и прочее возбуждали во всѣхъ мыслящихъ людяхъ единодушное и горячее сочувствіе. Чувствовалось наступленіе

въ повѣсти „Постоялый дворъ“, столь нравившейся всѣмъ Аксаковымъ, „но, замѣчаетъ академикъ Л. Н. Майковъ, „хотя измѣненія и огорчили Сергѣя Тимофеевича, они, надо думать, не были слишкомъ существенными, по крайней мѣрѣ, все, что нравилось Аксаковымъ при чтеніи повѣсти въ рукописи, сохранилось и въ ея печатномъ текстѣ, и Сергѣй Тимофеевичъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, могъ остаться при своемъ первоначальномъ мнѣніи, что это лучшее произведеніе Тургенева“. Изъ переписки Аксаковыхъ съ Тургеневымъ любопытны также отзывы послѣднихъ о „Рудинѣ“. въ которомъ Константинъ Сергѣевичъ думалъ видѣть изображеніе личности М. А. Бакунина, тогда какъ Сергѣй Тимофеевичъ писалъ напротивъ: „Много толкаго, умнаго, глубоко подмѣченнаго въ человѣкѣ высказано вамъ прекрасно. Я не хочу знать, чистый ли вымыселъ характеръ Рудина, или нѣтъ. Я принимаю его, какъ *типъ* такихъ людей. Я вижу гораздо болѣе вѣрнаго сходства съ извѣстнымъ лицомъ, чѣмъ нравственнымъ, и васъ обвиняютъ за вѣншее сходство“. (См. *Русск. Обзор.*, 1894, XII, 580).

новой эры. Аксаковы и всё ихъ друзья и знакомые стали смотрѣть на жизнь бодрѣе и отраднѣе. Между прочимъ въ письмахъ Кулиша мы находимъ много интересныхъ данныхъ объ энтузіазмѣ, вызванномъ въ молодыхъ Аксаковыхъ новымъ царствованіемъ. Приводимъ нѣсколько выдержекъ, касающихся тогдашнихъ событій и общественныхъ дѣлъ.

17-го марта 1855 г. Москва. „Часовъ въ 12 утра пріѣхаль въ Москву Конста для окончательныхъ распоряженій о книгѣ своего отца: „Разказы и воспоминанія охотника“. Онъ такъ здоровъ и силенъ, что чуть не искалѣчилъ меня пожатіемъ руки. Отъ него такъ и пышетъ теплотою души. Чудесный Конста! По случаю юбилея ¹⁾ налитографировали нѣсколько профессорскихъ портретовъ. Въ томъ числѣ и Шевырева. По выраженію Консты, Шевыревъ такъ похожъ, что хочется плюнуть. Эта фраза равняется прекрасному изреченію Хомякова: „Если Погодинъ сдѣлаетъ что-нибудь гадкое, то всегда обтирается Шевыревымъ“.

Конста цѣлый день проштатался по Москвѣ и, воротившись въ 11 часовъ ночи, привезъ, во-первыхъ, темный слухъ о какой-то великой побѣдѣ русскихъ, во-вторыхъ—о трехъ комитетахъ: для передѣлки устава о цензурѣ, для смягченія мѣръ относительно раскольниковъ и для пошлннѣ. О прекращеніи преслѣдованія раскольниковъ извѣстно положительно. Онъ же слышалъ, что когда Эстергази сказали государю, что отецъ его намѣренъ былъ поступать иначе въ отношеніи къ Европѣ, т. е. склонялся къ уступкамъ, государь отвѣчалъ: „Отецъ мой, послѣ тридцатилѣтняго царствованія, могъ поступать, какъ ему угодно, но я, вступивъ на престолъ недавно, долженъ дѣйствовать иначе“.—„Ваше Величество, будете спасителемъ Европы!“ сказали Эстергази.—„Всѣ мои интересы“—отвѣчалъ государь,—„заключены въ Россіи“.—„Ваша доброта“—продолжалъ тотъ, „извѣстна всей Европѣ“.... Потомъ, спохватившись прибавилъ: „такъ же, какъ и ваша твердость“. Но государь сказалъ: „Моя доброта будетъ вся принадлежать Россіи, а твердость мою узнаетъ Европа“.

Конста отъ всего этого въ восторгѣ; особенно ему нравится, какъ государь, по его выраженію, „выгораживаетъ“ покойнаго отца своего, сохраняя ему все его царственное достоинство, а себя между тѣмъ не лишаетъ возможности поступать по усмотрѣнію.

Есть слухъ, что Норовъ не удержится на мѣстѣ, Бибииковъ тоже,

¹⁾ Московскаго университета (въ 1855 г.).

но онъ ничѣмъ еще не подтвердился, кромѣ сухаго обращенія съ ними государя. Ермоловъ принять великолѣпно. Говорять, ужь о немъ получена бумага, что онъ оставляется для высшаго поста. Государь обыкновенно бесѣдуетъ съ нимъ за утреннимъ чаемъ. Конста и отъ этого въ восхищеніи. Онъ послалъ ему по городской почтѣ слѣдующій привѣтъ, безъ подписи имени: „Долго бездѣйствовалъ ты, нашъ старый богатырь! но Европа потряслась въ своихъ основаніяхъ, но имя Бонапарта вновь раздается въ мірѣ, но гремитъ громъ и блещетъ молнія грозы военной,—и при грохотѣ грома и блескѣ молніи, народный гласъ вызываетъ тебя, солдатъ Суворова, тебя, генерала двѣнадцатаго года, тебя, наша народная слава, тебя, Ермоловъ!“.

Жаль, что я не имѣю времени описать выборъ Ермолова въ начальники ополченія. Конста говоритъ, что масса народа всегда движется вѣриѣ и разумѣ отдѣльныхъ лицъ. Были люди, желавшіе воспрепятствовать этому выбору, было сдѣлано нѣсколько гадостей, такъ что самъ Ермоловъ, письмомъ къ губернскому предводителю дворянства, просилъ не посылать къ нему депутацію, а результатъ вышелъ все-таки прекрасный: Ермоловъ выбранъ.

Ту же мысль Конста примѣняетъ и къ юбилею. Шевыревъ сдѣлалъ пошлымъ это торжество; но съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи воспитанники университета придали ему торжественность и закрыли всѣ Шевыревскія пошлости.

Въ заключеніе сегодняшняго вечера Конста прочелъ воспоминанія о томъ, какъ онъ былъ студентомъ. Нѣсколько человекъ, въ честь юбилея, написали такія воспоминанія, чтобы прочесть ихъ у Самарина на частномъ торжествѣ того же 12-го февраля. Записки Консты въ высшей степени интересны“.

Объ Ив. С. Аксаковѣ въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ писалъ 1-го мая 1855 года: „Подъ Москвой встрѣтилъ я Ивана Аксакова, штабсъ-капитана. Онъ молодецъ въ національной одеждѣ и радуется, что, выйдя въ отставку, получить право носить ее. Служить ему трудно, но онъ доволенъ успокоеніемъ совѣсти, которая могла бы сказать ему: „А ты гдѣ былъ, когда рѣшалась судьба отечества?“ Хорошо ли, дурно ли распоряжаются сверху,—но, по его словамъ, каждый долженъ, сколько можетъ, понести общей тяжести, и для совершенства души необходимо иногда дѣлать дѣло не по своему вкусу, такъ, чтобы чувствовалось, что трешь ляжку“.

Даже М. А. Дмитріевъ, извѣстный пріятель Погодина, написалъ оду въ честь новаго царствованія, завѣтную, но не высказанную прямо

мысль которой онъ такъ объяснялъ Сергѣй Тимоѣевичу: „что касается до ея содержания, то его можно сказать въ прозѣ въ двухъ словахъ: „съ войною мы, при помощи Божьей, управимся; но главное, чтобы не было строгости, которой мы всѣ трепетали, чтобы ты былъ правдивъ и милостивъ и быть бы доступенъ „мимо всѣхъ“, т. е. мимо любимцевъ, да позаботился бы о внутреннемъ житьѣ-бытьѣ нашемъ. Давно уже, очень уже, со времени старинной нашей оды, стихотворцы не смѣли давать царямъ совѣтовъ, и отчасти наставлений, хотя это было всегда правомъ поэтовъ. А въ послѣднія десятилѣтїя (самъ со-считай ихъ) не только не смѣли и подумать этого, но боготвореніе и холопское поклонничество дошло до чего-то противнаго чувству“. Надо замѣтить, что авторъ въ этомъ же письмѣ сообщаетъ о томъ, что онъ собирался послать сочиненный имъ гимнъ по поводу кончины императора Александра I, когда-то не принятый Булгаринимъ въ „Сѣверную Пчелу“, для перепечатанія въ „Москвитянинъ“ или „Московскія Вѣдомости“. Ода была благосклонно принята государемъ и великой княгиней Еленой Павловной, что, какъ и многое другое, прямо указывало на рѣшительное намѣреніе дѣйствовать по новой программѣ и въ самомъ дѣлѣ позаботиться о внутреннемъ устройствѣ русскаго государства, намѣреніе, теперь исторически доказанное послѣдующими событіями. Автору писали сочувственныя письма и увѣряли, что ода произвела въ Москвѣ фуроръ. С. М. Соловьевъ сказалъ ему, что это „стихи гражданскіе“, и многіе, а въ томъ числѣ и Сергѣй Тимоѣевичъ, одобряли употребленную авторомъ фигуру умолчанія. „Я очень радъ“, писалъ Дмитріевъ, „что оду поняли именно съ той стороны, съ которой я хотѣлъ, чтобы на нее смотрѣли. Ты пишешь, что тебѣ нравится, что я употребилъ фигуру умолчанія. Вообрази, что это другой уже отзывъ въ такомъ родѣ, слово въ слово: „фигура умолчанія“. Но всего лучше то, что Филаретъ въ словѣ своемъ, напечатанномъ въ № 47 „Моск. Вѣдом.“, тоже употребилъ фигуру умолчанія“¹⁾).

Вообще мнѣнія и взгляды на то, какая политика желательна впредь,

¹⁾ У Погодина то же самое негодованіе противъ только-что миновавшаго историческаго періода, согласно съ его характеромъ, проявилось въ грубой и цинической формѣ; онъ сообщаетъ о своемъ письмѣ для представленія государю, „гдѣ изложилъ свои мысли, какъ привести въ дѣйствіе общій планъ въ Сербїи, Кроаціи, Богемїи и гдѣ имѣлъ случай назвать законный порядокъ прежній с... с..., и назвать такъ, что никакихъ придирокъ даже сдѣлать нельзя. Это считаю я торжествомъ своего авторскаго искусства, развѣятаго нашей цензурой“.

были различны и часто противоположны, но всё до послѣдняго образованнаго человѣка сознавали необходимость и важность наступавшей эпохи, всё сходились въ одномъ,—что дальше идти прежнимъ путемъ нельзя, а новое царствованіе побуждало къ выводамъ и сравненіямъ къ болѣе серьезному и сознательному обмѣну мыслей. Еще недавно при объясненіи злключеній Россіи каждый по своему старался отыскать корень ихъ то въ увлеченіи Западомъ, то въ чемъ-нибудь еще,—теперь доискиваться причины было больше не нужно, и всё были воодушевлены надеждами на свѣтлое будущее. За годъ до вступленія на престолъ Александра II, А. О. Смирнова писала: „Просто совѣстно подумать, какъ мы запропастились съ этимъ Западомъ. Яенѣе, чѣмъ когда-либо обладаетея теперь это ядовитое явленіе; всё сбились съ толку и не знаютъ, за что схватиться“. Такимъ образомъ, при различномъ объясненіи причинъ самый фактъ общаго недовольства настоящимъ былъ несомнѣненъ.

LIX.

К. С. Аксаковъ находился въ началѣ царствованія Александра II въ постоянной ажитаци, въ упоеніи свѣтлыхъ надеждъ и самомъ восторженномъ настроеніи. Каждая мѣра новаго императора, даже каждый слухъ о его намѣреніяхъ и сказанныхъ имъ при томъ или другомъ случаѣ словахъ переполняли его восторгомъ; напримѣръ, мы видѣли, что, какъ истинный патріотъ, онъ безгранично радовался выбору Ермолова въ начальники ополченія, но его огорчала нѣкоторая медленность относительно отмѣны запрещенія носить національный костюмъ. „Манифестъ, точно, хорошъ и много заключаетъ въ себѣ существенныхъ достоинствъ“, писалъ онъ, „но пока русскимъ людямъ въ Россіи не позволено будетъ носить русскую одежду, я не могу быть доволенъ. Мы, русскіе, въ Россіи, не можемъ, вслѣдствіе запрещенія правительства, одѣваться по русски!“ „Ты скажешь“, продолжаетъ онъ, обращаясь къ своему корреспонденту-брату, „что это бездѣлица. Итакъ скорѣе можно разрѣшить. А не разрѣшаютъ! Итакъ это непозволеніе многозначительно“. Мы знаемъ однако, что здѣсь устами Константина Сергѣевича говорило просто нетерпѣніе и привычка ожидать преслѣдованій. Гораздо замѣчательнѣе нижеприводимое не бывшее въ печати письмо его къ кн. Черкасскому.

„Хотя ко многому сталъ я равнодушень, но не къ рѣшенію участи русскаго народа, которое совершается теперь въ Петербургѣ.—И вотъ

почему считаю я необходимымъ написать вамъ, князь, и высказать вамъ совершенно откровенно мои мысли. Когда дѣло идетъ о большемъ или меньшемъ надѣлѣ землею, о цѣнности усадьбы—я, во-первыхъ, въ этомъ дѣлѣ мало понимаю, во-вторыхъ, это не такъ еще важно. Но когда дѣло дошло до души русскаго народа, до его жизненнаго общиннаго начала, до міра, до сходки, то я, сколько-нибудь разумѣя это дѣло, не могу молчать.

Я прочелъ докладъ административнаго отдѣленія № 5 и пришелъ въ ужасъ. Духъ жизни русскаго народа преслѣдуется въ послѣднемъ его убѣжищѣ отъ фразъ; повторяю, ибо тамъ же дѣлается совсѣмъ другое.

Вы подняли руку на народъ: злое дѣло! худое дѣло! Вы посягнули на душу народа, это ужъ настоящее *душегубство*. Остается утѣшаться тѣмъ, что не всегда же будетъ русская исторія сочиняться въ Петербургѣ и что вамъ, господа, совершить душегубство надъ русскимъ народомъ—на дѣлѣ не удастся. Васъ не смутитъ мое письмо—что васъ смутитъ? Но задумайтесь хотя на одну минуту. Припомните: жиды, распиная Христа, не смущались тѣмъ, что ихъ ожидаетъ, и, конечно, не думали, что станутъ живымъ позоромъ между людьми, и имя ихъ обратится въ брань. Вы распинаете теперь русскій народъ и не думаете, конечно, что имена ваши станутъ браннымъ словомъ, и что поношеніе ляжетъ на память вашу.

Въ моемъ письмѣ секретовъ нѣтъ; можете показать мое письмо вашимъ товарищамъ и кому угодно. К. Аксаковъ“.

LX.

Наряду съ такимъ горячимъ заступничествомъ за народъ въ массѣ пестрыхъ толковъ, возбужденныхъ проектомъ освобожденія крестьянъ, *даже въ Аксаковской перепискѣ, т. е. въ письмахъ, къ Аксаковымъ адресованныхъ*, можно найти выраженіе безстыднаго, крѣпостническаго неудовольствія, что „разомъ объявится мѣра разоренія всеобщаго и даже, можетъ быть, происшествій и худшихъ, потому что теперь такъ убѣждены всѣ, что царь желаетъ дать совершенную свободу, а дворяне не согласны, и потому, что бы ни сдѣлали, не отдавши всей земли, они будутъ недовольны, и послѣдствія неизвѣстны“.

Между тѣмъ Константинъ Сергѣевичъ и другіе славянофилы не ограничивались однѣми пассивными симпатіями къ новому царствованію; почувствовавъ, наконецъ, извѣстную свободу, они спѣшили дѣй-

ствовать, чтобы проводить въ жизнь свои убѣжденія. Прежде всего они добивались собственнаго органа. А. П. Кошелевъ давалъ средства для осуществленія этой цѣли, и главной заботой кружка было избраніе редактора. Мы уже знаемъ, что сами славянофилы признавали свою несостоятельность въ данномъ отношеніи; имъ недоставало согласія, но съ другой стороны и стеченіе обстоятельствъ было для нихъ самое неблагопріятное. Разрѣшеніе имѣть свой органъ было получено славянофилами; но они потеряли въ 1856 году обоихъ братьевъ Кирѣевскихъ: сперва Ивана Васильевича, потомъ Петра Васильевича. Предполагалось редакторство И. С. Аксакова, но онъ былъ пока занятъ отчетомъ Географическому обществу и комиссіи, а затѣмъ, послѣ многолѣтней напряженной дѣятельности, стремился отдохнуть и развлечься въ заграничномъ путешествіи. Онъ, разумѣется, раздѣлялъ общую радость вслѣдствіе перемѣны царствованія, и питалъ большія надежды на будущее, но кажется, боялся имъ вѣрить и писалъ отцу объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Вы всё подъ впечатлѣніемъ утѣшительныхъ извѣстій о Государѣ; на васъ дохнуло, наконецъ, свѣжимъ воздухомъ съвозъ полурастворенную дверь прежней темницы, и мнѣ кажется издали, что еще не свыклись съ воздухомъ, что онъ чуть ли не охмѣляетъ“ ¹⁾. Сергій Тимоѣевичъ, отвѣчая ему, говоритъ о томъ, что „всѣ благонамѣренные люди, всякій по своимъ силамъ, должны помогать доброму Государю въ его благихъ намѣреніяхъ устроить наше внутреннее положеніе и поправить, по колику то будетъ возможно, наше нравственное безобразіе“ ²⁾.

Въ новой, счастливой полосѣ жизни Аксаковыхъ особенно ярко выдѣляются два радостныхъ луча: блестящій успѣхъ „Семейной Хроники“, это великое торжество всей семьи, и открытіе „Русской Бесѣды“, съ которой были связаны свѣтлыя надежды славянофиловъ. Послѣдняя возникла одновременно съ „Русскимъ Вѣстникомъ“, и это внѣшнее обстоятельство постоянно потомъ давало поводъ къ сравненію судьбы обоихъ изданій. Цензура все-таки продолжала подозрительно и неблагоклонно относиться къ славянофиламъ, чѣмъ побуждало послѣднихъ упрекать ее въ своей перепискѣ въ пристрастіи и несправедливости. Кромѣ того сравнительно скромный успѣхъ новаго журнала славянофилы объясняли его серьезностью и некрикливостью. „Я самъ“, писалъ Иванъ Сергѣевичъ отцу — „не ожидаю большаго

¹⁾ И. С. Аксаковъ. III. 227.

²⁾ III. 228, примѣч.

успѣха для „Русской Бесѣды“, но не по недостатку редактора, а по другимъ причинамъ. Условія, благоприятствовавшія успѣху послѣдняго „Московского Сборника“, миновались: года полтора тому назадъ, кто бы ни былъ редакторъ, „Бесѣда“ имѣла бы успѣхъ огромный“. Иванъ Сергѣевичъ также и „Русскій Вѣстникъ“ считалъ неудовлетворяющимъ вкусу публики по серьезности и дѣльности содержанія журнала на первыхъ порахъ его существованія.

Что касается литературной дѣятельности Сергѣя Тимофеевича Аксакова, то, окончивъ „Семейную Хронику“, онъ интересовался отзывами о ней печати и въ свободное время собирался писать очеркъ, посвященный воспоминаніямъ о своей любимой сестрѣ, подъ заглавіемъ „Наташа“. Рецензії на „Семейную Хронику“, какъ и на прежнія книги маститаго литератора, могли бы удовлетворить самое взыскательное самолюбіе и, дѣйствительно, мы видимъ, что онъ самъ въ интимныхъ письмахъ къ сыновьямъ говорить съ чувствомъ довольства объ отзывахъ о немъ печати. „Какъ бы ни были велики мои надежды на успѣхъ моей книги“, писалъ онъ, „дѣйствительность превзошла самыя самолюбивыя ожиданія“. Но самолюбіе авторское по мѣрѣ блестящихъ успѣховъ выросло съ поразительной быстротой, и въ томъ же только-что цитированномъ письмѣ Сергѣй Тимофеевичъ продолжаетъ: „Я начинаю бояться, что самъ увлекусь этимъ потокомъ искреннихъ восторговъ“ и между тѣмъ, выписывая тотчасъ послѣ этого краткую, но безусловно лестную рецензію „Русскаго Вѣстника“, предлагаетъ сыну отгадать, какою строчкой онъ былъ задѣтъ за живое, чего Иванъ Сергѣевичъ угадать не могъ, да, кажется, это было и невозможно, такъ какъ выраженіе о соединеніи въ произведеніи „юношескаго огня съ зрѣлостью старца“, которое, вѣроятно, Сергѣй Тимофеевичъ имѣлъ въ виду, рѣшительно ничего обиднаго въ себѣ не заключаетъ.

Вотъ всѣ строки, выписанныя Сергѣемъ Тимофеевичемъ изъ рецензії: „Какъ ни пріучилъ насъ авторъ находить всегда чистое золото въ своихъ сочиненіяхъ, какъ ни привыкли мы ожидать живыхъ и поэтическихъ впечатлѣній отъ его слова, о чемъ бы оно ни шло, хотя бы о вальдшнепахъ и ершахъ, новое сочиненіе его „Семейная Хроника“ поразило насъ и навѣрное весь читающій міръ своими первостепенными красотами. Нельзя оторваться отъ этихъ чудныхъ страницъ; съ увлеченіемъ читаемъ и перечитываемъ эти очаровательные рассказы. Вотъ она чистая и истинная художественность! Какая полнота, какая свѣжесть, какая зрѣлость и истина! *Удивительное*

соединеніе юношескаго огня съ зрѣлостью старца. Только прекрасная, полная жизнь могла увѣнчаться такой силой и чистотой внутренняго зрѣнія“¹⁾.

Кромѣ того Сергѣй Тимоѣевичъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Катковъ не принялъ статью Гилярова-Платонова о „Семейной Хроникѣ“ за яркое выраженіе славянофильскихъ тенденцій. Иванъ Сергѣевичъ съ своей стороны также былъ не совсѣмъ удовлетворенъ отзывами журналовъ о новой книгѣ отца, осуждая „восторженные и, большею частью, нелѣпыя привѣты книгѣ, напримѣръ, „новые идеалы“, „новая школа“²⁾. Ему особенно не нравилась критика Аполлона Григорьева, и онъ даже высказываетъ отцу мысль, что хорошо было бы, если бы онъ самъ высказалъ свое мнѣніе о толкахъ, порожденныхъ книгой. Между тѣмъ Сергѣй Тимоѣевичъ писалъ Григорію Сергѣевичу: „Четвертый отрывокъ „Семейной Хроники“ уже напечатанъ во второмъ № „Бесѣды“, пятый же отрывокъ въ августѣ будетъ напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Я именно теперь имъ занимаюсь съ Константиномъ, т. е. поправляю и отдѣлываю. Онъ гораздо труднѣе, потому что надобно многое скрывать, и потому вышелъ слабѣе четвертаго, какъ мнѣ кажется самому, но другіе этого не находятъ“. Но изъ названнаго четвертаго отрывка обширное извлеченіе было также напечатано Катковымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, которымъ мало-по-малу сдѣлались недовольны Сергѣй Тимоѣевичъ, Иванъ Сергѣевичъ и многіе другіе, напримѣръ нѣкто Ригельманъ, называвшій этотъ журналъ „нерусскимъ Вѣстникомъ“ и сердившійся на него за западное направленіе. Иванъ Сергѣевичъ старался отклонить отца отъ участія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и удивился, увидѣвъ въ немъ пятый отрывокъ „Хроники“. Относительно другихъ произведеній онъ желалъ направить трудъ Сергѣя Тимоѣевича на обработку повѣсти „Наташа“, вмѣсто воспоминаній о Николевѣ и Писаревѣ. Не совсѣмъ удовлетворялся онъ „Русской Бесѣдой“ и писалъ о ней отцу: „Бѣда

¹⁾ И. С. Аксаковъ, III, 237. примѣч. Позднѣе Сергѣй Тимоѣевичъ выражалъ опасеніе, что „Дѣтскіе годы“, какъ книга, вышедшая въ тревожное время, не будетъ имѣть должнаго успѣха: „Моя книга“—писалъ онъ И. С. Аксакову,—„которую я такъ горячо желалъ видѣть напечатанною, теперь уже мало меня занимаетъ, а я положилъ въ нее всю душу, все мое дарованіе и все умѣнье, приобретенное долго-временною опытностью. Не во время она появится и не можетъ быть вполнѣ оценена“ (*Русское Обозрѣніе*, 1894, XII, 597). Но сочувственные отзывы И. С. Тургенева возвратили ему бодрость и отраду (см. тамъ же. стр. 591).

²⁾ И. С. Аксаковъ, III, 242.

отъ русскаго направленія, которымъ извольт проникаться свѣтское общество! Слова: народность, русскій духъ, православіе производятъ во мнѣ теперь такое же нервическое содроганіе, какъ русское спасибо, русскій баринъ и т. п.; охотно согласился бы прослать въ обществѣ и западникомъ и протестантомъ. Я недоволенъ программой „Русской Бесѣды“, да и вообще не люблю программъ, этихъ выѣсокъ направленія. Не слышится мнѣ во всемъ этомъ ни теплой любви къ истинѣ, ни горячаго стремленія къ благу общему, а много умной суеты, самолюбивой потѣхи; нѣтъ исканія истины, а самонадѣянная заносчивая увѣренность въ томъ, что они уже поймали и держатъ ее за хвостъ, гордая проповѣдь, односторонняя, гремучая, считающая всѣ вопросы порѣшенными, но нисколько не снявшая печати съ тайнства русской жизни“¹⁾.

LXI.

Наконецъ Аксаковы въ лицѣ Константина Сергѣевича рѣшили изложить въ особой запискѣ свои завѣтные взгляды Государю. Въ письмѣ его къ Григорію Сергѣевичу читаемъ слѣдующія строки: „Какъ скоро взошелъ на престолъ нынѣ царствующій Государь, то мнѣ вздумалось написать записку о внутреннемъ состояніи Россіи, гдѣ выразить всѣ тѣ убѣжденія, до которыхъ дошелъ я, и представить эту записку Государю. Записка была написана. Отесенька, маменька, сестры—всѣ одобрили. Къ запискѣ присоединилъ я письмо къ государю, написанное прямо и просто. Такъ какъ я въ своихъ дѣйствіяхъ не только личность, но въ то же время славянофилъ, то есть цѣлое направленіе, то я счелъ долгомъ прочесть эту записку Хомякову, Самарину и Погодину. Всѣ были крайне довольны, въ особенности изложеніемъ. Теперь—какъ подать? Я написалъ письмо къ Блудову и послалъ ему по оказіи свою записку съ письмомъ къ государю. Блудовъ, прочтя мое письмо, сперва было отказался, но когда онъ прочелъ самую записку, то велѣлъ мнѣ отвѣтить, что если я предоставлю ему выбрать путь, то онъ беретъ доставить. Я согласился. Лѣтомъ прошлаго года получено извѣстіе, что записка передана государынѣ Маріи Александровнѣ, которая сказала, еще не читавъ, что очень желаетъ знать мысли автора и прочтетъ съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ и передастъ, что нужно, государю. Въ ноябрѣ прошлаго года получилъ я увѣдомленіе отъ дочери Блудова, что госуда-

¹⁾ Н. С. Аксаковъ, III, 243.

рыня мою записку прочла и чрезвычайно ею довольна, прочла она ее (вѣроятно, во второй разъ) вмѣстѣ съ Маріей Николаевной, которая была тронута до слезъ письмомъ моимъ къ государю, особенно потому, что всѣхъ славянъ, а въ томъ числѣ меня, считала за звѣрей. А Марія Александровна, которая никакихъ предубѣжденій противъ московскихъ славянофиловъ не имѣетъ, запиской чрезвычайно довольна и почти со всѣмъ согласна, лишь нѣкоторыя вещи кажутся ей неясными... „Мои рѣчи, адресъ, разные письма доходили до государя и государыни, и я получилъ извѣстіе, что ими очень довольны. А между тѣмъ русская одежда не только не разрѣшается, но еще подверглась новому стѣсненію“.

Вѣроятно, въ числѣ desiderata было также и объ освобожденіи крестьянъ, какъ можно полагать въ виду извѣстной Аксаковской крѣпкой солидарности. Еще по поводу бракосочетанія наслѣдника Александра Николаевича въ 1841 г. Сергѣй Тимоѣевичъ со многими друзьями возлагалъ въ этомъ отношеніи великія надежды на ожидаемый манифестъ,—теперь же Иванъ Сергѣевичъ говорилъ прямо: „Вотъ когда Москва закишитъ новостями, это во время коронаціи! Для меня одна только новость была бы утѣшительна, если бы былъ сдѣланъ хоть одинъ шагъ къ освобожденію крестьянъ, со стороны ли правительства, или со стороны частныхъ лицъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что если этого вскорѣ не совершится, то будемъ мы биты и опозорены не одинъ разъ“ ¹⁾. Но въ то же время онъ честно сознавался, что „требованія эманципации, желѣзныхъ путей и проч. и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, первоначально возникли, не отъ славянофиловъ, а отъ западниковъ; а я помню время, когда, къ сожалѣнію, славянофилы, хотя и не всѣ, противились и желѣзнымъ дорогамъ, и эманципации, послѣдней потому только, что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей“ ²⁾. Въ концѣ 1856 г. послѣдовало два крупныхъ факта: отказъ С. Т. Аксакова отъ сотрудничества въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и предположеніе Ивана Сергѣевича сдѣлаться редакторомъ „Русской Бесѣды“. „Я бы охотно уѣхалъ на годъ“, говорилъ онъ, „но мнѣ предстоитъ, можетъ быть, изданіе „Бесѣды“, для чего я долженъ буду воротиться къ октябрю“ ³⁾ (1857 г.).

¹⁾ И. С. Аксаковъ, III, 263.

²⁾ И. С. Аксаковъ, III, 291.

³⁾ III, 311.

LXII.

Въ 1857 году Григорій Сергѣевичъ писалъ отцу: „Жаль, что Ивану связали руки. Вѣроятно, „Атеней“ будетъ такимъ же сильнымъ противникомъ, а въ „Русской Бесѣдѣ“ врядъ ли найдется, кто бы сумѣлъ такъ же легко отвѣчать на ихъ нападенія“. А 21-го ноября 1857 года онъ же писалъ отцу: „Описаніе вашего торжества доставило намъ много удовольствія, и я сожалею, что не ранѣе собрался въ Петербургъ, тогда бы былъ свидѣтелемъ всеобщаго уваженія къ вамъ, какъ къ человѣку и къ писателю. Вы теперь сдѣлались собственностью другихъ, и я боюсь, что мало буду васъ видѣть“ ¹⁾).

Около этого времени былъ сильно боленъ Хомяковъ, что также было нѣкоторымъ тормазомъ для дѣйствій славянофиловъ, число ихъ уменьшилось, но въ 1857 году онъ выздоровѣлъ, а также К. С—чь Аксаковъ получилъ разрѣшеніе издавать газету „Молва“. „Константинъ рѣшается издавать съ апрѣля“, писалъ С. Т—чь. „Я ни въ чемъ его не насилую, хотя печальный конецъ этой газеты вижу очень ясно“ ²⁾). Около этого времени И. С—чь былъ уже за границей и всей душой предавался богатству впечатлѣній западноевропейской жизни, такъ что С. Т—чь однажды сказалъ ему: „Дрезденское письмо твое исполнено такой молодой радости, что мнѣ и весело, и даже досадно было, что ты слишкомъ радуешься; но всѣ, читавшіе письмо, пришли отъ него въ восхищеніе“ ³⁾). Но въ то время какъ И. С—чь созрѣвалъ и вырасталъ духовно, болѣе даровитый отъ природы К. С—чь мало измѣнялся въ этомъ отношеніи; онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ брату Григорію Сергѣевичу: „Я не расстаюсь съ самыми первыми годами моей жизни, съ моимъ дѣтствомъ, уходящимъ своими первыми днями въ туманную даль; я нахожусь въ полномъ присутствіи, въ полномъ собраніи всѣхъ своихъ годовъ“.

Въ одномъ письмѣ Константина Сергѣевича къ брату и того же приблизительно времени онъ говоритъ: „Мнѣ отрадно вообразить тебя съ удочкой. Я бы очень желалъ, чтобы во всемъ родѣ нашемъ, во всемъ потомствѣ удержалась, повторяясь, охота къ ужению. Великое благо, нравственное добро—охота, и особенно охота рыбацья. Но

¹⁾ Это письмо не было въ печати.

²⁾ И. С. Аксаковъ, III, 314, примѣч.

³⁾ III, 318, примѣч.

для меня—другое дѣло. Я дѣлил все это неразлучно съ отесенькой; удить могъ бы я только съ отесенькой“.

LXIII.

Но для „отесеньки“ настали уже послѣдніе мѣсяцы. Въ теченіе всего 1858 года въ письмахъ родныхъ къ С. Т.—чу постоянно встрѣчаемъ обычные разспросы о состояніи здоровья и выраженія соболѣзнованія по поводу неутѣшительныхъ извѣстій. Его лѣчилъ Оверъ. Весьма горячее участіе показывала къ больному Н. Т. Карташевская, чуть не обвинявшая Овера за то, что онъ *не могъ совершить чуда и избавить ея любимаго „брата“ отъ его старческихъ недуговъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занималъ, между прочимъ, застарѣлый и упорный геморрой. Въ то же самое время Аксаковы страдали отъ безденежья, и въ родственныхъ имъ семьяхъ были также свои больные. Въ этотъ грустный годъ всѣ внуки и внучки писали часто своему возлюбленному дѣдушкѣ. Въ свою очередь, умирающій больной заботился о спокойствіи своихъ родственныхъ корреспондентовъ, такъ что Надежда Тимофеевна одно время даже не хотѣла разстаться съ своей любимой мечтой увидѣть любимаго брата у себя въ Кобринѣ. Осенью 1858 года С. Т.—ча перевезли въ Москву, и когда на вопросъ его, къ какому приходу принадлежитъ нанятый для него домъ, ему сказали: „Бориса и Глѣба“, онъ отвѣтилъ: „Въ этомъ домѣ я и умру; въ этомъ приходѣ отпѣвали Писарева ¹⁾, тутъ и меня будутъ отпѣвать“. Полтора года С. Т.—чь болѣлъ и еще въ послѣднее лѣто 1858 года онъ не оставлялъ уженя и въ письмѣ отъ 19 іюля 1858 года сообщалъ, что „хотѣлъ было поудить, но пошелъ дождь“ ²⁾. Онъ не оставлялъ окончательно и своихъ литературныхъ занятій и съ удовольствіемъ мечталъ о томъ, напримѣръ, какъ его дѣти прочтутъ въ „Русской Бесѣдѣ“ его статью о пчелахъ и т. под.

С. Т.—чь оставался до конца прекраснымъ челоѣкомъ и образцовымъ семьяниномъ и со всѣхъ сторонъ встрѣчалъ самое задушевное почтеніе и горячее сочувствіе, чѣмъ, вѣроятно, облегчались страданія его отъ недуговъ, омрачавшихъ свѣтлый закатъ его жизни. Онъ умеръ такимъ же счастливымъ избранникомъ, какимъ былъ всю жизнь;

¹⁾ Александра Ивановича, водевилста.

²⁾ Всѣ Аксаковы до самой смерти отца наравнѣ съ серьезными дѣлами охотно занимались разными спортами.

ему удалось на своемъ смертномъ одрѣ, съ свѣтлой улыбкой любви, среди общаго благоговѣнія и беззавѣтной преданности какъ окружающихъ, такъ и далекихъ и даже совсѣмъ незнакомыхъ ¹⁾, взглянуть на свѣтлый, радостный расцвѣтъ русской жизни послѣ долгаго и тяжелаго мрака, на рѣдкое и знаменательное возрожденіе русской жизни, на праздникъ бодрого оживленія и великаго нравственнаго подъема любимой родины, и какъ рожденіе его сопровождалось общимъ лихованіемъ его родныхъ и близкихъ знакомыхъ, такъ и передъ смертью ему посчастливилось застать начало одной изъ самыхъ свѣтлыхъ и величайшихъ эпохъ дорогой ему Россіи, эпоху достопамятную и незабвенную. Не удалось ему только дожить до радостнаго дня освобожденія крестьянъ, котораго онъ нетерпѣливо ожидалъ со всѣми лучшими людьми Россіи. Въ одномъ письмѣ къ нему Григорія Сергѣевича мы находимъ указаніе на то, что онъ обѣщалъ сообщить въ письмѣ новыя свѣдѣнія о положеніи дѣла эманципаціи, но не могъ исполнить обѣщанія за неясностью данныхъ. Григорій Сергѣевичъ по этому поводу писалъ: „Горькое чувство вызвало это во мнѣ. Ужъ опять не пустой ли слухъ? А жаль, если дѣло не пойдетъ впередъ“.

Сергѣй Тимоѣевичъ умеръ 30-го апрѣля 1859 года въ 3 часа пополудни. „Съ Аксаковымъ всѣ прощались“, рассказываетъ Лонгиновъ, который съ родными несъ гробъ его: „онъ на рукахъ былъ принесенъ къ Симонову монастырю и внесенъ въ ворота при пѣніи торжественной пѣсни „Христосъ Воскресе“. Весеннее солнце освѣщало едва зазеленѣвшія деревья и поля; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе весны, оживляющей природу, съ обновленіемъ которой скрылся отъ насъ навѣкъ тотъ, кто умѣлъ такъ любить и понимать красоту чуднаго Божьяго міра“.

А горячо любимая имъ, дорогая ему Россія переживала тогда также прекрасную, свѣтлую весну, пору надеждъ и упованій, о которой надолго, если не навсегда, сохранить отрадные воспоминанія.

¹⁾ Въ послѣдніе годы Сергѣю Тимоѣевичу часто приходилось быть предметомъ сердечныхъ и восторженныхъ овацій. Еще въ 1854 году Казанскій университетъ почтилъ своимъ особымъ вниманіемъ своего „перваго студента“, а студенты С.-Петербургскаго университета, предпринимая изданіе своего сборника, обратились какъ бы за благословеніемъ къ этому патриарху литераторовъ.

LXIV.

Извѣстно, что послѣ смерти отца Константинъ Сергѣевичъ, отличавшійся прежде крѣпкимъ сложеніемъ, впалъ въ уныніе ¹⁾ и казался отжившимъ человѣкомъ, и что тяжелое нравственное состояніе свело его въ могилу. Любопытно въ этомъ отношеніи письмо Ивана Сергѣевича къ Григорію Сергѣевичу, которому онъ передаетъ объ этомъ новомъ надвигавшемся горѣ семейства. Сообщивъ о томъ, что братъ пишетъ статью о грамматикѣ Буслаева, которую онъ уже отдалъ набирать для „Русской Бесѣды“, И. С—чь прѣдлагаетъ: „Послѣ напряженной умственной работы онъ пришелъ къ какому-то отвлеченному объясненію случившагося факта—инымъ путемъ примириться онъ не можетъ. Во всякомъ случаѣ въ жизни его произошелъ страшный переворотъ. Къ прежнему строю она не возвратится. Упала молнія, опалила человѣку руки и ноги; жить онъ можетъ, смастерить себѣ, пожалуй, жизнь и даже радости и счастье, но съ опаленными руками и ногами. Теперь только выясняется все значеніе отесеньки для него: это страсть, которая страстнѣе всякой страсти мужчины къ женщинѣ, потому что находитъ себѣ оправданіе въ нравственномъ началѣ семейномъ, въ чувствѣ долга и проч. Онъ долженъ испытывать страшное ощущеніе одиночества внутренняго,—оно такъ и есть. Не могу не надивиться, какъ отесенька не женилъ его. Константинъ самъ иногда горюетъ объ этомъ, т. е. о томъ, что не женатъ. Еслибъ можно было его женить, это было бы ему спасеніемъ“.

Впрочемъ, въ началѣ 1860 года здоровье К. С—ча было еще настолько удовлетворительно, что послѣ напряженнаго редакторскаго труда 1858 и 1859 годовъ снова предпринявшій заграничное путешествіе, И. С—чь ²⁾ не ограничивался передачей разныхъ любопытныхъ извѣстій, но у него однажды явилась даже мысль познакомить брата заочно съ нѣкоторыми учеными и, въ свою очередь, онъ желалъ, чтобы К. С—чь поторопился изложеніемъ своихъ мыслей о русской народности для ознакомленія съ ними иностранцевъ. И. С—чь

¹⁾ Въ виду глубокой внутренней связи обстоятельствъ, относящихся къ кончинѣ С. Т—ча и К. С—ча Аксаковыхъ, мы заключаемъ нашъ очеркъ разсказомъ о послѣднемъ годѣ жизни Константина Сергѣевича.

²⁾ Въ 1858 и 1859 годахъ И. С—чь редактировалъ *Русскую Бесѣду*, завѣдывалъ сборникомъ Кошелева *Сельское благоустройство* и сталъ издавать *Парусъ*, который былъ запрещенъ на 2 №.

спокойно переписывался съ родными изъ „прекраснаго далека“ и радовался, когда ему случалось видѣть явные признаки ихъ сравнительнаго благоденствія, когда, напримѣръ, узнавалъ о дѣятельномъ участіи брата въ засѣданіяхъ Общества Любителей Россійской Словесности (возрожденіе котораго въ 1858 году онъ приписывалъ ему), когда получалъ отъ него частыя письма и, въ свою очередь, сообщалъ радостныя вѣсти объ успѣхѣхъ въ Германіи перевода „Семейной Хроники“, литературные и въ частности славянофильскіе интересы. Въ день годичнаго поминовенія С. Т.—ча И. С.—чь, однако, счелъ необходимымъ написать, что „если Богъ далъ Константину силы перенести (горе), значитъ—велѣлъ перенести и пережить...“ „Я знаю“, продолжаетъ И. С.—чь: „что Константинъ относится къ этому иначе и стоитъ въ отрицательномъ, разрушительномъ отношеніи къ жизни; я не думаю ни спорить съ нимъ, ни упрекать его, но мнѣ кажется, что онъ мало вникаетъ въ духовность земного поприща отесенки на землѣ; но недаромъ же душа была именно такая, и дѣлала дѣло души на землѣ, которое осталось, оставило слѣдъ и, такъ сказать, свое благоуханіе, и, конечно, недаромъ, а для живущихъ на землѣ, и ея дѣйствіе на насъ есть продолженіе ея дѣла“ ¹⁾. Съ наступленіемъ весны возникла даже мысль о поѣздкѣ К. С.—ча для поправленія здоровья за границу, при чемъ И. С.—чь даже поручалъ ему захватить для себя нѣкоторыя интересовавшія его книги, надѣясь на скорое свиданіе. Но отъѣздъ все откладывался въ теченіе всего мая. А изъ Москвы часто получались неутѣшительныя извѣстія, напримѣръ, 28-го мая 1860 года Ольга Семеновна сообщала: „Вотъ мы еще и въ Москвѣ, любезнѣйшіе друзья. Болѣзнь Константина всему помѣшала: и поѣздкѣ его за границу и нашей поѣздкѣ въ Абрамцево. Съ 10-го мая до сихъ поръ онъ лежитъ, и хотя ему нѣсколько лучше, но онъ слабъ, а тутъ буквально гонять съ квартиры и копейки нѣтъ въ карманѣ, такъ тяжело подчасъ бываетъ, что подивисься, какъ все выносится“.

Однажды до И. С. даже дошло извѣстіе, что К. С.—чь выѣзжаетъ ²⁾.

Такъ продолжалось до августа, когда послѣ продолжительнаго нетерпѣливаго ожиданія встрѣчи съ братомъ за границей И. С.—чь наконецъ съ грустью долженъ былъ убѣдиться, что болѣзнь Кон-

¹⁾ И. С. Аксаковъ, III, 423.

²⁾ И. С. Аксаковъ, III, 352.

стантина „затянулась“ ¹⁾, но надежда на заграничное свиданіе все еще не оставляла обоихъ. И. С—чь, получивъ послѣдній № „Русской Бесѣды“, которымъ прекращалось изданіе, радовался, читая статью любимаго брата, и сообщалъ ему о данномъ хорватами обѣдѣ и сердечномъ приѣмѣ, оказанномъ ими, и т. п., и еще спокойно прибавлялъ въ концѣ письма: „Дай Богъ, чтобы Константинъ скорѣе укрѣпился и приобрѣлъ бодрость тѣла и духа“ ²⁾. Между тѣмъ онъ наводилъ справки и высказывалъ, какой пунктъ былъ бы полезнѣе для лѣченія К. С—ча. Наконецъ, 24-го августа, получивъ извѣстіе о давно ожидаемомъ выѣздѣ брата изъ Россіи, онъ изъ Берлина сообщалъ матери и сестрамъ: „Въ Штетинѣ сталъ дожидаться Константинъ и дождался. Онъ страшно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ, похудѣлъ радикально, такъ что и вообразить нельзя, чтобы онъ былъ когда-нибудь человѣкъ толстый; очень слабъ вообще; но я думаю, что поѣздка въ чужіе края принесетъ ему большую пользу. Въ нравственномъ отношеніи я нашелъ его гораздо лучше, свѣжѣе, воспримчивѣе къ впечатлѣніямъ, чѣмъ я предполагалъ, и очень, очень этому радуюсь. Его интересуютъ и чужіе края, и вопросы политическіе, и общественные, и *нѣтъ этой idée fixe, какая имъ владѣла въ Москвѣ*“ ³⁾. Отъѣздъ К. С—ча за границу такъ описываетъ Ольга Семеновна въ письмѣ къ Григорію Сергѣевичу 30-го августа 1860 года: „Третьяго дня, въ воскресенье, мы воротились изъ Петербурга, мои милыя, добрыя дѣти, благополучно; проводили своего полуздороваго Константина до *Кронштадта*, и пароходъ нашъ ушелъ въ Петербургъ прежде, нежели ихъ—онъ все стоялъ на палубѣ худой и блѣдный, пока мы совсѣмъ скрылись; на Божіе милосердіе посылаю его; онъ уѣхалъ въ субботу, и въ среду получена была телеграмма (по нынѣшнему), что пароходъ, несмотря на дурную погоду, прибылъ въ Штетинъ во вторникъ въ 9^{1/2} часовъ утра, а въ четвергъ получила я депешу въ домѣ тетеньки изъ Берлина, что „*Иванъ встрѣтилъ на берегу*“. „*Виноградъ постылъ, онъ здоровъ, тисать въ Гейдельбергъ*“. Теперь жду письма подробнаго, и если

¹⁾ См. И. С. Аксаковъ, III, стр. 460. Любопытно, однако, что въ томъ же году К. С—чь былъ въ состояніи держать вѣнецъ въ качествѣ шафера Софьи Ивановны Погодиной. Мы имѣемъ письмо М. П. Погодина, въ которомъ читаемъ: „С. И. желаетъ непремѣнно, чтобы вы поддержали надъ нею вѣнецъ. Прошу васъ, любезнѣйшій К. С—чь, въ 6 часу утра, прямо въ церковь Саввинскую“.

²⁾ И. С. Аксаковъ, III, 469.

³⁾ III, 478.

получится нынче, то напишу вамъ; письмо это пишу вамъ наканунѣ, потому что завтра много дѣла. Здѣсь нашла письмо ваше, милые друзья.—Теперь расскажу вамъ наше путешествие. Отсюда выѣхали 17-го въ семейномъ вагонѣ. Насъ пятеро: я, Конста, Вѣра, Люба и Соничка—*все по протекціи Казначеевыхъ*; ѣхали одни; Константинъ могъ лежать и, слава Богу, перенесъ эту дорогу хорошо, хотя она очень тряска, такъ что Люба разстроилась и у нея показалась кровь горломъ. Приѣхавши на дебаркадеръ, насъ встрѣтилъ Ефимъ; наняли карету и приѣхали въ домъ тетеньки. Тамъ была Машенька и Коля; напередъ условились, чтобы не видаться Константину съ тетенькой; тутъ принесли письмо отъ Самарина въ домъ; онъ пишетъ, что мѣсто на пароходѣ 1-е взято, и что онъ такъ распорядился, что нынче у него обѣдъ по случаю отъѣзда Консты, и онъ созвалъ всѣхъ его друзей; но мы такъ побоялись отпустить Консту на Каменный островъ усталого и еще на всѣ разговоры, что Вѣра написала отказъ и просила всѣхъ приѣхать къ намъ вечеромъ проститься, что они и сдѣлали. Приѣхали: *Самаринъ, К. Черкасскій, Поповъ и Галаганъ*, въ 12-мъ часу разъѣхались, обѣщаясь быть на пароходѣ. Въ субботу утромъ приѣхалъ Александръ Максимовичъ ¹⁾ и сказалъ, что привезутъ золото сюда. Съ участіемъ и слезами мы всѣ встрѣтились съ нимъ, и онъ, посадивъ и поговоря, съ такой пріятной улыбкой и такъ тихо сказалъ: „возьмите у меня деньги“. Конста былъ тронутъ, и я сказала, что возьму. Пришло время, мы помолились и всѣ вмѣстѣ съ Александромъ Максимовичемъ отправились на Англицкую набережную, гдѣ уже ждалъ пароходъ до Кронштадта. Тутъ изъ друзей одинъ Галаганъ былъ, а тѣ занемогли, какъ послѣ узнали, холериной и приѣхали, да ужъ отплылъ пароходъ. Вѣра не поѣхала съ нами, и Александръ Максимовичъ, перекрестя Константина и познакомивши его съ Платоновымъ, статсъ-секретаремъ царства Польскаго, ѣдущимъ за-границу и прекраснымъ человѣкомъ, самъ уѣхалъ съ докладомъ, взявши съ меня слово обѣдать у него въ воскресенье. Итакъ мы поплыли. Когда подъѣхали, уже пароходъ „Владиміръ“ дымился; меня уговаривали не ходить, но я непременно хотѣла видѣть все своими глазами. Тутъ подошелъ ко мнѣ Родіонъ Оболенскій, который съ Иваномъ ѣздилъ въ Астрахань; добрый человѣкъ успокоивалъ меня. Станетъ спать вмѣстѣ съ Констой вмѣсто Нарышкина; у нихъ диванъ и ноги съ ногами. Дѣти ходили въ каюту, но меня отговорили. Пассажировъ

¹⁾ Княжевичъ.

всего на всего 100 человѣкъ. Благословила я моего Константина. Свистокъ—и мы пересѣли и отплыли—можете представить, какъ было мнѣ тяжело! Вышедши на пристань, наняли мы себѣ карету; я велѣла везти себя въ Казанскій соборъ, но извозчики въ Петербургѣ преглуемые, привезъ меня къ Исаакію—нечего дѣлать, вышли. Въ церкви такъ темно, что, кромѣ колоннъ, ничего не разберешь; вдали увидала двухъ молящихся у налоевъ, подошла—вижу старинный образъ Тихвинскія, и я помолилась отъ всей души, и не расположена была разсматривать и нельзя, потому что темно—не разглядишь. Въ 6-мъ часу пріѣхала домой. Вечеръ сидѣлъ у меня Галаганъ. На другой день поѣхала въ домъ министра финансовъ, гдѣ насъ ждалъ Александръ Максимовичъ. Мы исходили весь домъ, малѣйшіе уголки, канцелярію, видѣли картины, бумаги, сидѣли въ его кабинетѣ; всѣ шкафы, печати—все осмотрѣли; онъ какъ бы придумывалъ, что еще показать намъ. Наконецъ оттуда сѣли на пароходъ и поплыли къ нему на дачу на Каменный островъ, гдѣ на балконѣ обѣдали. Послѣ обѣда онъ пошелъ съ Любой и Соничкой и другими, тутъ же бывшими, гулять по островамъ и воротились въ 9 часовъ, а мы съ Вѣрой и Александрой Христ. оставались. Напившись чаю и когда всѣ разъѣхались, Александръ Максимовичъ вынесъ мнѣ пакетъ, на которомъ написано: „3 тысячи“. Я очень сконфузилась и сказала: „такъ возьмите же эти 500 руб. сер., которые вы дали золотомъ Константину“. Случилось же такъ, что эти 500 руб. сер., данные мнѣ тетенькой черезъ Машеньку, были въ карманѣ у Сонички, и я отдала ему ихъ съ лакеемъ; не хотѣла болѣе 3 тысячъ брать.

Забыла сказать, что Алекс. Ив. Казначеевъ пріѣхалъ и остановился на дачѣ Ал. Макс. Тутъ же былъ сынъ Перовщикова, который выпросилъ намъ показать картину Иванова, потому что до 8-го сентября никого въ Академію Художествъ не пускаютъ. Я поѣхала смотрѣть, обѣщая Константину, и не раскаиваюсь. Пока мы были у Княжевича, пріѣхала изъ Кобрина тетенька. Я не видалась съ ними въ этотъ вечеръ, но на другой день было тяжелое свиданіе: я увидала единственную сестру и друга вашего отца, которую онъ такъ любилъ и которая вполнѣ того достойна“.

LXV.

Мало-по-малу возникла мысль и о томъ, чтобы выписать за-границу и Ольгу Семеновну, тѣмъ болѣе, что, провожая сына за-границу, она оказалась способной легко переносить дорожныя трудности и

невзгоды. Мысль объ этой поѣздкѣ уже давно стала занимать всю семью. Такъ, еще 9-го іюля 1860 г. Ольга Семеновна писала: „Вотъ, мои милые друзья, добрыя мои дѣти, и самъ мой Конста пишетъ вамъ, хотя я и удерживаю его, сидя съ нимъ на балконѣ; хотя онъ очень худъ и слабъ, но сравнивать нельзя съ прежнимъ отчаяннымъ его положеніемъ. Теперь впереди: лѣченіе виноградомъ и зима за-границей. Какъ это Господь устроитъ, не понимаю и не знаю. Разсчитывая. всѣ наши расходы въ Москвѣ по теперешнимъ дѣламъ, бывалые люди положительно утверждаютъ, что намъ вдвое дешевле обойдется прожить за-границей на одномъ мѣстѣ, включая въ то число и проѣздъ всей семьи. Я согласна на это, но тутъ два затрудненія: какъ вынести Оленька дорогу и гдѣ взять денегъ немедленно?“ Между тѣмъ К. С—чъ въ дорогѣ всегда сильно беспокоился и уставалъ: боялся опоздать на поѣзды, уступалъ удобныя мѣста здоровымъ пассажирамъ и т. п. Состояніе здоровья его было такъ сомнительно, что онъ неохотно соглашался совѣтоваться съ докторами. Въ Вѣнѣ докторъ совѣтовалъ ему провести лѣто въ Меранѣ, тогда какъ онъ стремился въ Москву. Наконецъ, въ Веве братья Аксаковы основались осенью съ тѣмъ, чтобы К. С—чъ лѣчился виноградомъ. Родные собирались ѣхать къ нимъ, но это тщательно скрывалось отъ больного, а между тѣмъ, въ послѣднее время, по словамъ И. С. Аксакова, „бросивъ ѣсть виноградъ, Константинъ былъ невыносимъ: „хочу ѣхать тотчасъ же въ Москву, да и полно!“¹⁾ Передъ тѣмъ умеръ Хомяковъ²⁾, и это извѣстіе надо было также скрывать отъ него. 27-го ноября пріѣхала за-границу съ двумя старшими дочерьми Ольга Семеновна, была встрѣчена въ Бреславлѣ ожидавшими ея обоими сыновьями, и всѣ вмѣстѣ поѣхали на островъ Занте.

По дорогѣ въ Занте погода благопріятствовала нашимъ дорожнымъ, но уже ничто не въ силахъ было остановить начавшагося рокового процесса. И. С—чъ писалъ объ этомъ путешествіи такъ: „Южное море, корабль въ открытомъ морѣ, лунныя ночи, быстро летящій пароходъ, оставлявшій по себѣ ночью быстро пѣнную дорогу... Все это было очень хорошо, еслибъ на душѣ было веселѣе! Константинъ доволенъ морскимъ путешествіемъ, сидитъ почти цѣлый день на палубѣ, но еще весьма мало разницы въ его состояніи“.

¹⁾ И. С. Аксаковъ, III, 507.

²⁾ Отъ холеры (1-го мая 1860 г.).

8-го ноября, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ радостной встрѣчи аксаковской семьи въ Бреславлѣ, скончался К. С—тъ ¹⁾, и вся семья возвращалась обратно въ Москву.

Такъ постепенно начинала распадаться эта семья, и въ началѣ 1861 г. Ив. С—тъ писалъ уже своему брату Григорію Сергѣевичу о раздѣлѣ имущества. Въ одномъ письмѣ онъ сообщалъ: „Я еще не приступалъ къ разбору бумагъ Константина, но надняхъ начнется и это дѣло. Надобно признаться, что это занятіе очень тяжело. Такъ свѣжи слѣды жизни на нихъ, такъ сильно говорятъ эти замѣтки, эти неоконченныя фразы, эти вопросительныя знаки и nota bene о внезапно прерванной дѣятельности, такъ живо наконецъ самое сознание, что некому ни отвѣчать на вопросы, ни восполнить полувысказанную мысль. Очень прискорбно чувство собственной недостаточности. Призванный обстоятельствами и постоянно призываемый всѣми оставшимися друзьями замѣнить Константина, я долженъ на каждомъ шагѣ испытывать, кромѣ скорби, обидное чувство личной моей несостоятельности, еще сильнѣе проявляющейся. Между тѣмъ приходится поневолѣ служить имъ всѣмъ хотя внѣшнимъ центромъ. Я не только не буду отказываться отъ общества вообще, но всѣми силами буду стараться поддерживать память и вліяніе Хомякова и Константина“.

Такимъ образомъ произошло, въ силу чувства семейной любви, окончательное обращеніе И. С—ча въ славянофила, и вскорѣ мы уже читаемъ: „Мое дѣло еще не рѣшено. Министръ хотя утвердилъ Самарина редакторомъ, но—предполагая, что Самаринъ дѣйствительно приметъ редакцію на себя. Самаринъ же, предложивъ себя въ редакторы, предполагалъ оставаться въ Самарѣ. Министръ просилъ Самарина пріѣхать для объясненій, и я теперь жду Самарина сюда“. Но дѣло устроилось такъ, что редакцію „Дня“, о которой идетъ рѣчь въ предыдущихъ строкахъ, пришлось взять на себя И. С—чу, сдѣлавшемуся такимъ образомъ по волѣ судьбы главою или, по крайней мѣрѣ, болѣе виднымъ представителемъ славянофильства. Мы не будемъ слѣдить за дѣятельностью его, но многое указы-

¹⁾ Многіе отъ всего сердца жалѣли объ умершемъ Константиѣ Сергѣевичѣ. Кулишъ писалъ Бодянскому: „Жаль бѣднаго Консты! Онъ былъ изъ самыхъ благородныхъ людей, какихъ мнѣ только случалось встрѣчать, но въ немъ многое было неестественно, и самая привязанность къ отцу, которая свела его въ могилу“ (*Кіевск. Стар.*, 1897, XII, стр. 469).

васть на то, какъ успѣшно выступилъ И. С.—чѣ въ роли публициста, сдѣлавшись полнымъ хозяиномъ, а не временнымъ редакторомъ, какъ было прежде, славянофильскаго изданія. Между тѣмъ семейныя несчастья продолжались. „Въ продолженіе 1859, 1860 и 1861 годовъ“ — писалъ онъ брату и невѣсткѣ — „я былъ очевидцемъ трехъ смертей—и чихъ? Нуженъ, нуженъ отдыхъ! Эти три смерти ¹⁾ до того перевернули мою природу, что я самъ себя не узнаю“.

LXVI.

Закончимъ нашу статью сообщеніемъ И. С. Аксакова объ утѣшительномъ для всей семьи событіи—публичной лекціи Костомарова въ Петербургскомъ университетѣ о К. С. Аксаковѣ.

„Пишу къ вамъ“—сообщалъ онъ брату и невѣсткѣ,—„спѣшу вамъ сообщить отрадное для насъ происшествіе. Петербургскій профессоръ Костомаровъ въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ готовилъ рѣчь о заслугахъ и трудахъ литературныхъ въ русской исторіи Константина къ акту университетскому (8-го февраля). Въ этой рѣчи онъ хотѣлъ публично объявить, что принимаетъ всѣ взгляды и убѣжденія Константина и переходитъ къ славянофиламъ. Эту рѣчь, разумѣется, запретили, но студенты требовали, чтобъ ее прочелъ Костомаровъ, и произвели такой страшный шумъ, что собравшіеся на актъ начальники разбѣжались и только Плетневъ насилу ихъ успокоилъ обѣщаніемъ, что Костомаровъ прочтетъ эту рѣчь въ другой день, а что теперь слишкомъ поздно. Мы огорчились этимъ случаемъ, думая, что однимъ обѣщаніемъ дѣло покончится; но какъ мы были пріятно удивлены, когда прочли въ петербургскихъ газетахъ, что 16-го февраля вечеромъ будетъ публичная лекція читаться Костомаровымъ „О заслугахъ и трудахъ Константина въ русской литературѣ и въ русской исторіи“. Каково! На это правительство принуждено было согласиться и вышло гораздо болѣе гласности значенія, шуму и толковъ. Вотъ чтò пишетъ Анна Семеновна: „Я хотѣла къ вамъ писать, но прочитавъ въ газетахъ, что Костомаровъ будетъ читать лекцію въ университетѣ о миломъ Константинѣ, оставила до сегодняшняго дня. Я еще до сихъ поръ подъ впечатлѣніемъ грустно-отраднaго чувства, которое вынесла отъ вчерашняго вечера“. Мы пріѣхали за $\frac{3}{4}$ часа

¹⁾ Въ 1861 г. умерла также Ольга Сергѣевна Аксакова.

до начала, зала была уже полна, но, къ счастью, два первые ряда были еще не заняты и мы помѣстились почти рядомъ съ Костомаровымъ. Вся лекція была о Константинѣ, о его трудахъ, о его значеніи по части отечественной исторіи. Костомаровъ началъ съ того, что, перечисливъ всѣ преждевременныя утраты, которыя понесла Россія, сказалъ: „вотъ еще новая утрата; не стало Константина Сергѣевича Аксакова, одного изъ самыхъ полезныхъ и замѣчательныхъ дѣятелей по части русской исторіи и филологіи: его мысли и пониманіе этого предмета могутъ служить путеводной звѣздой всѣмъ, которые пойдутъ по его стезѣ! Аксаковъ принадлежалъ къ обществу славянофиловъ, обществу, надъ которымъ прежде глумились: онъ началъ свои занятія подѣ впечатлѣніемъ Гегелевской философіи“. Потомъ онъ много говорилъ о его свѣтломъ взглядѣ на русскую исторію, о томъ, что онъ первый взглянулъ на нее русскимъ взглядомъ, отбросивъ принятый до тѣхъ поръ взглядъ нѣмецкій, чуждый всякихъ элементовъ русской народности. Онъ тоже много говорилъ о родовомъ бытѣ, но когда онъ перешелъ къ разбору Константина 7-го тома русской исторіи Соловьева, тутъ лекція стала въ высшей степени интересна, не хотѣлось проронить ни одного слова. Онъ сказалъ, что Константинъ правъ, называя ее не исторіей русской земли, а изслѣдованіемъ русскаго государства, и когда онъ прочелъ отрывокъ Константина изъ „Русской Бесѣды“ о Иоаннѣ Грозномъ, гдѣ такъ мастерски и художественно онъ обрисовалъ его характеръ, то при этомъ онъ сказалъ, что нельзя не признать въ Константинѣ художественности и творчества въ высшей степени: онъ находитъ одно, что Константинъ часто идеализировалъ свои понятія о русскомъ народѣ. Лекція продолжалась 1½ часа и онъ покончилъ ее опять глубокимъ сожалѣніемъ объ утратѣ, которую понесла русская исторія со смертью Константина. Передъ началомъ, лишь только Костомаровъ всходилъ на кафедру, громъ рукоплесканій встрѣтилъ его, 5 разъ начиналъ онъ говорить и все не могъ отъ криковъ и рукоплесканій, но что было по окончаніи—это просто страшно, это дошло до неистовства, это были не рукоплесканія, а крики волнующейся массы. Его подхватили, вынесли на рукахъ и въ сѣняхъ опять тѣ же крики и только слова: „господа, Костомаровъ уѣхалъ!“ заставили ихъ замолкнуть. Лекція будетъ напечатана въ „Русскомъ Словѣ“. А вотъ что напечатано въ „Сѣверной Пчелѣ“ № 40.

„Въ четвертокъ 16-го февраля въ 7½ часовъ пополудни происходило въ концертной залѣ университета чтеніе рѣчи профессора Косто-

марова: „О значеніи критическихъ трудовъ Константина Аксакова по Русской Исторіи“¹⁾).

Зала едва могла вмѣстить въ себѣ почти что все любознательное юношество университета и большое стеченіе не менѣе любознательной публики. Эта масса народа,—можно положительно сказать, что слушателей собралось не менѣе полуторы тысячи,—съ жадностью устремила вниманіе свое къ кафедрѣ, съ которой внятное слово любимаго профессора раздавалось почти въ теченіе двухъ часовъ. Мы не намѣрены излагать содержаніе этого чтенія, посвященнаго памяти недавно умершаго вдали отъ родины труженика русской науки. Скажемъ только, что по поводу критическихъ статей Константина Сергѣевича Аксакова, помѣщенныхъ въ „Русской Бесѣдѣ“, въ которыхъ онъ разбиралъ VI и VII томы Русской Исторіи Соловьева, Костомаровъ коснулся самыхъ живыхъ вопросовъ въ области Русской исторической науки. Нѣмецкое доктринерство, затемнившее весь народный складъ Русской исторіи, выставлено Костомаровымъ въ самыхъ яркихъ краскахъ. У насъ, по словамъ профессора, была исторія Русскаго государства, а не исторія Русскаго народа. Въ критическихъ статьяхъ Аксакова мѣтко и вѣрно схвачены и разоблачены ложные взгляды тѣхъ, которые положили основаніе ложному взгляду на Русскую исторію. Мы говоримъ о тѣхъ нѣмцахъ—историкахъ, которыхъ тѣни еще недавно вдохновляли ихъ постоянныхъ поклонниковъ. Заслуги К. Аксакова, хотя не оставившаго отдѣльнаго спеціальнаго труда по Русской исторіи, тѣмъ не менѣе останутся навсегда знаменательными для науки. „Онъ“, говоритъ Н. И. Костомаровъ, „опровергъ теорію родового быта, на которой хотѣли построить Русскую исторію. Онъ обратилъ вниманіе на другое древнее начало въ Русской исторіи,—общинное, вѣчевое, которое прежде оставлено было въ тѣни. Онъ возвѣстилъ плодотворную мысль—удалиться отъ рабскаго подражанія западнымъ теоріямъ, обратиться къ разработкѣ народной жизни и вмѣсто чуждыхъ наносныхъ взглядовъ поискать своихъ, народныхъ. Онъ превосходно отгадалъ характеръ Юанна Грознаго и тѣмъ открылъ путь къ простому, ясному уразумѣнію его эпохи. Наконецъ, онъ нашелъ двойственность земли и государства въ Русской исторіи, идею великую, плодъ того русскаго воззрѣнія, надъ которымъ глумились и издѣвались и безъ котораго неосуществима плодотворность научной

¹⁾ Къ этимъ словамъ было слѣдующее редакціонное примѣчаніе: „Рѣчь эта, въ видѣ отдѣльной статьи, будетъ помѣщена, какъ мы слышали, въ „Русскомъ Словѣ“.

дѣятельности въ сферѣ Русской исторіи, ибо никакія событія непонятны, если мы не знаемъ возрѣнія, образовавшагося у того народа, который въ нихъ участвовалъ“. Приведа этотъ краткій перечень о заслугахъ К. С. Аксакова, списанный со словъ почтеннаго профессора, мы желаемъ, чтобы самая рѣчь была скорѣе напечатана“ ¹⁾).

В. Шенрокъ.

¹⁾ Объ этой лекціи см. интересныя воспоминанія въ автобіографіи Н. И. Костомарова въ *Русской Мысли*, 1885, VI, стр. 35—36.